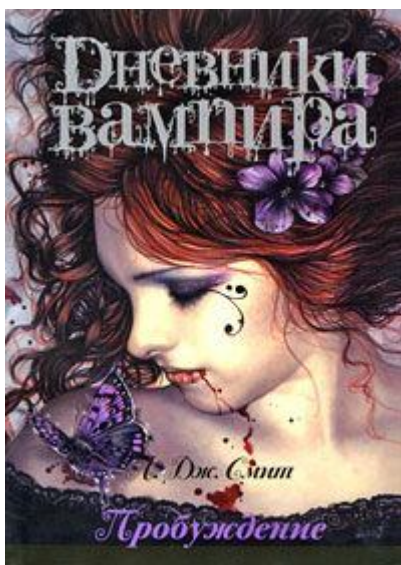

Лиза Джейн Смит Дневники вампира: Пробуждение

Дневники Вампира – 1

Зазвучал медленный танец. Стефан все также неотрывно смотрел на Елену, словно впитывая ее в себя. Зеленые глаза темнели, становясь черными от прилива желания. У девочки вдруг возникло ощущение, что он, не говоря ни единого слова, может внезапно прижать ее к себе и крепко поцеловать.

– Пойдем, потанцуем? – негромко спросила Елена.

«Я играю с огнем, с чем-то, чего я не понимаю», – вдруг подумала Елена.

И в это самое мгновение она осознала, что напугана. Сердце бешено заколотилось. Ей показалось, что эти зеленые глаза проникли в самую глубь ее души, и этот взгляд пробудил в ней отчаянное ощущение опасности. Неведомый инстинкт, зародившийся в доисторические времена, повелевал Елене спастись бегством.

Однако она не двинулась с места.

Посвящается Джуди – моей сестре и верной подруге.

Выражаю сердечную благодарность Анне Смит, Пегги Бокулик, Анне Мари Смит и Лауре Пенни за предоставление материалов о штате Вирджинии, а также Джеку и Сью Чек за то, что поделились со мной знаниями местных обычаев и традиций.

Глава 1

4 Сентября

Мой милый дневник!

~~Сегодня непременно случится что-то ужасное.~~

Сама не знаю, почему я это написала. Просто безумие какое-то. Нет ни малейшего повода для расстройства. Зато есть миллион причин для радости. И все же...

И все же я проснулась в полшестого утра с ощущением необъяснимого страха. Продолжаю твердить себе, что все из-за разницы часовых поясов между Францией и Америкой. Но это не может служить объяснением такого волнения. Такой тревоги.

Позавчера, когда мы с тетей Джудит и маленькой Маргарет ехали домой из аэропорта,

у меня возникло невероятно странное чувство. Когда машина повернула на нашу улицу, я вдруг подумала: «Дома нас ждут мама и папа. Могу поклясться, что они окажутся на крыльце или будут стоять в гостиной, глядя в окно. Наверняка, они страшно по мне соскучились.»

Да-да знаю, знаю. Просто безумие. Иначе не скажешь.

И даже когда я увидела, что на крыльце никого нет, это ощущение не покинуло меня. Я взбежала вверх по ступенькам и начала стучать в дверь. Когда же тетя Джудит отперла ее, я буквально ворвалась внутрь и замерла в коридоре.

Кажется, я ждала, что сейчас мама спустится по лестнице или из кабинета позовет папа.

А потом тетя Джудит с грохотом поставила на пол тяжелый чемодан, тяжело вздохнула и вымолвила:

– Вот мы и дома.

Тут Маргарет рассмеялась. А меня охватило ужасное смятение. В жизни не испытывала ничего подобного. Никогда я не чувствовала себя настолько безнадежно потерянной.

Это мой дом. Я дома. Почему же тогда все здесь кажется мне совершенно чужим? Как будто я не отсюда.

Вот моя кровать, вот мой стул, мой комод с зеркалом. Но сейчас все это кажется каким-то чужим и незнакомым, как будто я не отсюда.

Вчера у меня просто не было сил пойти на собеседование.

Мередит взяла для меня расписание занятий, но мне почему-то не захотелось разговаривать с ней по телефону. Всем кто звонил, тетя Джудит отвечала, что у меня расстройство биоритмов, вызванное в связи с перелетом, и что я сплю.

Тем не менее, всю компанию мне нужно увидеть именно сегодня. Мы договорились встретиться на автобусной остановке перед школой. Поэтому, что ли, я так напугана? Неужели я их боюсь?

Елена Гилберт оторвалась от дневника. Взглянув на последнюю строчку, она покачала головой. Авторучка на какое-то время застыла над небольшой записной книжкой в синем бархатном переплете. А затем Елена вдруг швырнула и дневник, и ручку в сторону большого зеркала, где они отскочили от окна и приземлились на широкий подоконник.

Как же все это нелепо!

С каких это пор ей, Елене Гилберт, страшно встречаться с людьми? Да и когда она вообще чего-то боялась?

Елена встала и раздраженно запахнула красное шелковое кимоно. Она даже не взглянула на изящное викторианское зеркало, висящее над комодом из вишни. Ей было прекрасно известно, что она там увидит. Естественно, себя – Елену Гилберт стройную и светловолосую красавицу, законодательницу мод в средней школе имени Роберта Ли, желанную для всех мальчиков старшеклассницу, которой все девочки стремились подражать. Вот только сейчас она почему-то непривычно хмурилась и плотно сжимала губы.

«Горячая ванна, чашечка кофе – и я приду норму», – подумала Елена.

И действительно, неторопливый ритуал умывания и одевания подействовал на нее успокаивающе. Девочка медлила, перебирая новые наряды, привезенные из Парижа. Наконец она выбрала розовую блузку и белые полотняные шорты – в этом костюме она напоминала сливочное мороженое с малиновым сиропом.

«А я бы не отказалась сейчас от мороженого», – подумала Елена, и зеркало тут же отразило ее задумчивую улыбку.

Недавние страхи растаяли, позабылись на время.

– Елена! Ты где? В школу опоздаешь! – донесся снизу голос тети Джудит.

Елена еще раз пробежала расческой по шелковистым локонам и затянула их темно-розовой лентой. Прихватив свой рюкзачок, она спустилась на кухню.

Внизу четырехлетняя Маргарет уплетала кашу, а тетя Джудит, как всегда, возилась у плиты, и, как всегда, что-то подгорало. Она была из того разряда женщин, которые вечно кажутся встревоженными неизвестно чем. Худое лицо тети Джудит выражало смирение, а

небрежно заколотые волосы торчали во все стороны. Елена чмокнула ее в щеку:

– Всем доброе утро. Прости, но позавтракать я не успеваю.

– Нет-нет, Елена, ты просто не можешь уйти без завтрака. Тебе нужно как следует питаться...

– Я обязательно съем пончик перед уроками, – весело отозвалась Елена.

Поцеловав растрепанную голову Маргарет, она направилась к выходу.

– Но, Елена...

– А после школы я, скорее всего, зайду к Бонни или к Мередит, так что к обеду не ждите.

Пока!

– Елена!

Однако девочка была уже у входной двери. Она закрыла ее за собой, заглушая протесты тети Джудит, и вышла на крыльцо.

Оказавшись на улице, Елена резко остановилась.

Все скверные переживания раннего утра снова охватили ее. Пробудилась тревога, уже похожая на страх. И уверенность в том, что непременно должно случиться что-то ужасное.

Кленовая улица была пустынна. Высокие викторианские дома казались на удивление безмолвными, словно внутри они были пусты, как декорации на заброшенной съемочной площадке. Казалось, что вместо людей за стенами скрываются неведомые, но страшно любопытные твари.

Передернув плечами, Елена подняла голову и посмотрела на небо. Оно было странного матово-молочного цвета, плотное и гладкое, точно гигантская перевернутая чаша.

Воздух сгустился. Елена всей кожей ощутила на себе чей-то пристальный взгляд.

Вдруг что-то темное мелькнуло в ветвях старой айвы перед домом. Елена пригляделась.

Это была ворона. Птица сидела неподвижно, в гуще темно-зеленых листьев, и неотрывно смотрела на девочку. Елена, как зачарованная, уставилась на нее. Она еще никогда не видела такой огромной и лоснящейся вороны с радужно переливающимися иссиня черными перьями. Каждая деталь была ясно различима: темные цепкие когти, острый клюв, поблескивающие черные глаза.

Ворона сидела так неподвижно, что вполне могла показаться восковой копией живой птицы. Тем не менее, разглядывая ее, Елена вдруг почувствовала, что понемногу начинает краснеть. Жар волнами растекался по ее шее и щекам. А все потому, что ворона как-то очень по-особенному на нее смотрела. Так же наблюдали за Еленой мальчики, когда она облачалась в купальный костюм или прозрачную блузку. Птица словно раздевала ее глазами.

Прежде чем Елена сообразила, что делает, она уже сбросила на землю свой рюкзачок и подобрала увесистый камень с обочины подъездной дорожки.

– Убирайся! – с неожиданной злостью прошипела она.

– Прочь отсюда! Убирайся! – Как только в воздухе затихло последнее слово, девочка изо всех сил швырнула камень.

Листья посыпались в разные стороны, но ворона слетела с дерева целой и невредимой. Размах ее крыльев оказался поистине огромным, и в полете они производили больше шума, чем целая стая ворон. Тяжело хлопая крыльями, птица пролетела над самой головой Елены, так что девочка даже присела в испуге.

Снова взлетев повыше, ворона сделала круг. Ее черный силуэт проплыл на фоне молочно-белого неба. Затем, хрипло каркнув, птица устремилась в сторону леса.

Елена медленно выпрямилась и смущенно огляделась по сторонам. Она сама не понимала, что могло ее так напугать. Теперь, когда птица улетела, небо казалось вполне обычным. Легкий ветерок гулял по листве деревьев, и Елена облегченно перевела дух. Дальше по улице открылась дверь одного из домов, и несколько ребятишек выбежали наружу, громко смеясь.

Елена улыбнулась им и еще раз глубоко вздохнула. Солнечный свет заполнил приятным теплом. Как она могла быть такой дурочкой? Стоял чудный осенний день, полный радужных надежд и не предвещавший никаких неприятностей.

Не ожидалось решительно ничего плохого – не считая почти неминуемого опоздания в школу. Вся компания наверняка уже толпилась на остановке, поджидая Елену.

«В конце концов, можно сказать, что я задержалась, отгоняя камнями одну не в меру

любопытную "Варвару"», – подумала девочка и усмехнулась.

Такая версия уж точно даст друзьям пищу для размышлений.

Даже не взглянув на айву, Елена быстро зашагала по улице.

* * *

Ворона с шумом взгромоздилась на верхушку могучего дуба, и Стефан машинально поднял голову. Увидев, что это всего лишь птица, он с облегчением вздохнул.

Взгляд Стефана снова опустился на обмякшее белое тельце у него в руках, и на лице его отразилось искреннее сожаление. Он вовсе не хотел убивать этого кролика. Если бы Стефан знал истинные масштабы своего голода, он бы поохотился на кого-нибудь покрупнее. Но именно это и пугало его всякий раз – никогда не удавалось предсказать заранее, каким будет голод, и что придется совершить, чтобы его утолить. Хорошо, что на сей раз, жертвой стал всего лишь кролик.

Стефан стоял под древними дубами, и солнечный свет гладил его кудрявые волосы. В джинсах и футболке Стефан Сальваторе выглядел как самый обычный ученик средней школы.

Но таковым он не являлся.

Сюда, в лесную чащу, где никто не мог его увидеть, Стефан пришел насытиться. Теперь он аккуратно облизывал губы и десны, стараясь, чтобы на них не осталось ни пятнышка крови. Стефан совершенно не хотел рисковать. Весь этот маскарад и так достаточно дорого ему обходился.

На мгновение Стефан задумался – не стоит ли ему отказаться от задуманного. Возможно, следовало вернуться в Италию, в свою тайную нору, где он провел столько лет. Какие у него были основания считать, что ему удастся вновь присоединиться к миру дневного света?

Но Стефан страшно устал от жизни среди теней. Устал от Тьмы и населяющих ее тварей. А больше всего он устал от одиночества.

Стефан понятия не имел, почему он выбрал именно Феллс-Черч в штате Виргиния. Это был молодой городок – по крайней мере, по его понятиям. Самые старые здания построены всего лишь полтора столетия назад. Однако призраки Гражданской войны по-прежнему обитали здесь, столь же реальные, как и супермаркеты.

Стефан уважительно относился к прошлому. И подумал, что, возможно, ему удастся прикипеть душой к жителям Феллс-Черча. Быть может, он даже найдет себе место среди них.

Нет, конечно, до конца он здесь никогда не обживется.

Губы Стефана изогнула горестная улыбка. Не стоит даже мечтать о такой возможности. Нигде и никогда Стефан Сальваторе не найдет места, где он сможет действительно быть собой и чувствовать себя как дома.

Если только он снова не решит вернуться во Тьму...

Стефан отмахнулся от этой мысли. Не стоит даже думать об этом, ведь Тьма раз и навсегда им отвергнута, тени остались позади. Он решительно вычеркнул все эти долгие годы и теперь начинает жизнь с чистого листа.

Стефан понял, что все еще держит в руках кролика. Он аккуратно опустил безжизненное тельце на ковер из бурой дубовой листвы. Издалека, очень издалека, из-за пределов обычного человеческого слуха, до него донеслись шаги крадущейся лисы.

«Вперед, братец-охотник, – с грустью подумал Стефан. – Завтрак тебя ждет».

Закидывая кожаную куртку на плечо, он снова обратил внимание на ворону, которая его потревожила. Птица по-прежнему сидела на дубе и, казалось, внимательно за ним наблюдала. Что-то здесь было не так.

Стефан уже собрался мысленно просканировать подозрительную птицу, но вовремя остановился.

«Помни свое обещание, – подумал он. – Ты можешь использовать Силу только в случае крайней необходимости. Только когда другого выхода нет».

Почти неслышно ступая по коврику из мертвой листвы и сухих веток, Стефан пошел в сторону опушки, на которой оставил машину. Лишь раз оглянувшись, он успел заметить, что ворона камнем спикировала с ветки на труп кролика.

В том, как птица распростерла огромные черные крылья над мертвым телом кролика, было что-то невыразимо зловещее – зловещее и триумфальное. В горле у Стефана сжался комок, и он чуть было не повернул назад, чтобы отогнать ворону.

«С другой стороны, – подумалось ему, – прав насыщаться добычей у вороны не меньше, чем у лисы».

И уж никак не меньше, чем у него самого.

Если подозрительная птица повстречается ему снова, он непременно заглянет в ее разум, решил Стефан.

Затем отвернулся и, крепко сжав зубы, поспешил через лес. Он вовсе не хотел опоздать в среднюю школу имени Роберта Ли в свой первый учебный день.

Глава 2

Елену окружили со всех сторон, как только она вышла на остановку перед школой. Все они оказались там – и друзья, которых она не видела с самого конца июня, и несколько навязчивых поклонниц, желавших погреться в лучах ее популярности. Одна за другой подруги обнимали Елену.

Кэрлайн выросла, по меньшей мере, на дюйм, стала стройнее и теперь еще больше напоминала модель из журнала «Бог», Прохладно поприветствовав Елену, она снова отступила на пару шагов и сузила глаза – совсем как кошка. А вот Бонни ни капельки не выросла, и ее кудрявая рыжая головка едва дотянулась до подбородка Елены, когда они обнялись.

«Минутку, – подумала Елена. – Кудрявая? Как же так?»

И она отстранилась от девочки, внимательно ее разглядывая:

– Бонни! Что ты сделала со своими волосами?

– Что, нравится? По-моему, так я кажусь выше ростом.

Бонни взбила руками свою и без того пышную шевелюру, радостно улыбаясь. Ее карие глаза так и искрились восторгом, а маленькое круглое личико сияло.

Елена двинулась дальше.

– Привет, Мередит. Ты совсем не изменилась.

Это объятие оказалось одинаково теплым с обеих сторон.

«По Мередит я скучала, как ни по кому другому», – подумала Елена, с радостью рассматривая высокую девочку.

Мередит никогда не пользовалась косметикой. Впрочем, обладая идеальной оливковой кожей и густыми черными ресницами, она нисколько в ней не нуждалась. Вот она элегантно подняла брови, изучая Елену:

– Так-так, твои волосы слегка выгорели на солнце. Но где же загар? Я думала, что ты отдыхала на Французской Ривьере.

– Ты же знаешь, я никогда не загораю.

Елена внимательно оглядела свои руки. Кожа была безупречной как фарфор, но такой же тонкой и прозрачной, как у Бонни.

– Ой, подождите, я тут кое-что вспомнила, – вмешалась Бонни, хватая Елену за руку.

– Знаете, чему меня этим летом научил мой кузен? – И прежде чем кто-нибудь успел ответить, она триумфально провозгласила: – Он научил меня гадать по ладони!

Послышались тяжкие вздохи и сдержанный смех.

– Смейтесь, смейтесь, – ничуть не возмущившись, сказала Бонни.

– А вот кузен заверил меня, что я гадаю как настоящий медиум. Ну-ка, дай посмотреть... – Она внимательно вгляделась в ладонь Елены.

– Лучше поспешить, а то опоздаем, – нетерпеливо заметила Елена.

– Хорошо-хорошо. Итак, вот у тебя линия жизни. Или это линия сердца?

В толпе кто-то рассмеялся.

– Тихо! Сейчас я загляну в неведомое. Так-так вижу, понимаю.

Внезапно лицо Бонни побледнело, как будто что-то поразило ее до глубины души. Карие глаза расширились, но на руку Елены девочка, казалось, уже не смотрела. Она, словно смотрела сквозь нее – на что-то пугающе зловещее.

– Ты встретишься с высоким, темноволосым незнакомцем, – пробурчала у нее за спиной Мередит.

Опять слышались смешки.

– Да-да, с темноволосым незнакомцем, но вовсе не высоким. – Голос Бонни казался далеким и приглушенным. – Тем не менее, – с озадаченным видом продолжила она, – Когда-то он действительно был высоким. – В больших карих глазах девочки отражалось недоумение. – Но ведь это невозможно разве не так? – Она почти отбросила руку Елены. – Не хочу больше смотреть.

– Ладно, представление закончено, – громко сказала Елена, ощущая смутное раздражение.

Она всегда считала, что фокусы медиумов – это всего лишь фокусы. Но почему тогда она так рассердилась? Только по той простой причине, что сегодня утром ее что-то напугало?..

Девочки направились к школе, но их остановил рев прекрасно отлаженного мотора.

– Ух, ты! – вырвалось у Кэролайн. – Ну и тачка!

– Ну и «порше», – сухо уточнила Мередит.

Блестящий черный «911-турбо» прощуршал по стоянке в поисках места для парковки. Автомобиль двигался лениво как пантера, крадущаяся в поисках добычи.

Машина остановилась, дверца открылась, и изумленным взорам девочек предстал водитель.

– Ух, ты! – снова воскликнула Кэролайн.

– Можешь еще раз повторить, – выдохнула Елена.

Со своего места Елена ясно видела стройное мускулистое тело юноши. На нем были вытертые джинсы, которые, наверное, приходилось полночи с себя сдирать, обтягивающая футболка и кожаная куртка необычного покроя. Его волосы были волнистыми и темными. Но он вовсе не был высок. Всего лишь среднего роста.

Елена невольно вздохнула.

– И кто, интересно, этот незнакомец в маске? – поинтересовалась Мередит.

Замечание было вполне уместным – темные солнцезащитные очки юноши полностью скрывали его глаза и большую часть лица.

– Незнакомец в маске, – повторил кто-то, и все оживились.

– Видите эту куртку? Она итальянская, такие носят в Риме.

– Откуда тебе знать? Ведь ты никогда не бывала дальше того Рима, что в штате Нью-Йорк.

– Ах-ах. У Елены опять это выражение лица. Поохотиться собралась? Низенькому и темноволосому красавчику следует поостеречься.

– Вовсе он не низенький. Он идеальный!

Сквозь общий гомон внезапно прорвался голос Кэролайн:

– Ох, да брось ты, Елена. У тебя уже есть Мэтт. Чего тебе еще нужно? Что такое можно делать с двумя, чего не сделаешь с одним?

– То же самое, только вдвое дольше, – сострила Мередит, и девочки чуть не задохнулись от смеха.

Юноша уже закрыл свою машину и теперь направлялся к школе. Елена внимательно смотрела ему вслед, а другие девочки сбились позади нее в плотную группку. На миг ее снова захлестнула волна раздражения. Могла ли она отправиться хоть куда-то без такой вот свиты? Но тут Мередит перехватила ее взгляд, и Елена, сама того не желая, улыбнулась.

– Ноблесс оближ, – негромко заметила Мередит.

– Что?

– Положение обязывает. Если ты собираешься стать королевой школы, тебе придется мириться с досадными побочными явлениями.

Все то время, пока они шли к зданию школы, Елена хмурилась из-за комментария Мередит. Девочки вошли внутрь, когда фигура в джинсах и кожаной куртке как раз исчезала в дверях канцелярии в дальнем конце длинного коридора.

Елена замедлила шаг и, наконец, совсем остановилась, намереваясь просмотреть объявления, прикрепленные к пробковой доске рядом с дверью. Там же располагалось большое внутреннее окно, через которое прекрасно просматривался весь кабинет.

Все остальные собрались у самого окна и хихикали:

- Чудесный вид сзади.
- А куртка определенно от Армани.
- Как думаете, он из Европы?

Елена отчаянно напрягала слух, пытаясь расслышать имя юноши. Похоже, там возникла какая-то загвоздка: миссис Кларк, секретарь приемной комиссии, смотрела в список и качала головой. Парень что-то произнес, и миссис Кларк развела руками, словно желая сказать: «Что тут поделаешь?» Затем она пробежала пальцем по списку и еще раз покачала головой. Юноша начал было разочарованно отворачиваться, но затем снова обратился к секретарю. И, когда миссис Кларк посмотрела на него, выражение ее лица изменилось.

Темные очки были теперь у парня в руке. Казалось, миссис Кларк что-то поразило. Елена ясно видела, как секретарша несколько раз удивленно моргнула. Рот ее открылся, потом закрылся, словно она пыталась заговорить.

Елене отчаянно захотелось увидеть не затылок, а лицо юноши. Миссис Кларк теперь рылась в каких-то кипах бумаг, и вид у нее был просто ошарашенный. Наконец она нашла какой-то формуляр, развернула его и положила на стол перед незнакомцем.

Тот что-то быстро вписал в формуляр – скорее всего, просто там расписался – и вернул его секретарше. Миссис Кларк еще секунду на него посмотрела, а затем порылась в еще одной стопке бумаг и вручила ученику что-то похожее на расписание занятий. Она не спускала широко раскрытых глаз с парня, пока он брал бумажку, благодарно наклонял голову и направлялся к двери.

Тут уже Елене стало страшно любопытно. Что здесь только что произошло? И как выглядит лицо этого незнакомца? Однако, выходя из канцелярии, он снова напялил темные очки. Разочарованию Елены не было предела.

Однако Елена все же смогла разглядеть часть лица, не скрытую под очками, когда парень помедлил в коридоре. Темные кудрявые волосы обрамляли черты настолько тонкие, что они вполне могли быть взяты с какой-нибудь древнеримской монеты или медальона. Высокие скулы, прямой классический нос и рот, от вида которого можно всю ночь не заснуть, подумалось Елене. Верхняя губа была идеально вылепленной, нежной и исключительно чувственной. Болтовня девочек в коридоре резко смолкла – как будто щелкнули выключателем.

Большинство подружек Елены теперь отворачивались от парня, глядя куда угодно, только не на него. Стоя у окна, Елена слегка качнула головой, вытягивая ленту из волос и позволяя им свободно рассыпаться по плечам.

Не глядя по сторонам, юноша двинулся дальше по коридору. Целый хор охов и ахов раздался, когда он скрылся за поворотом.

Но Елена ничего не слышала.

«Он просто прошел мимо меня, – потрясенно думала она. – Даже без единого взгляда».

Девочка смутно осознала, что звенит звонок. Мередит тянула ее за руку.

– Что?

– Я говорю – вот тебе расписание. Сейчас у нас тригонометрия на втором этаже. Идем.

Елена безвольно разрешила Мередит вести ее под руку по коридору. Затем они поднялись по лестнице и вошли в класс. Елена машинально скользнула на пустое место и устремила взгляд на учительницу, на самом деле не видя ее. Шок от встречи с незнакомцем так и не развеялся.

Он просто прошел мимо нее. Без единого взгляда. Елена даже не помнила, когда и кому из мальчиков это удавалось в последний раз. Все они, по меньшей мере, бросали на нее восхищенный взгляд. Некоторые присвистывали. Другие пытались заговорить. Или просто пялились во все глаза.

И все эти варианты Елене очень дажегодились.

В конце концов – разве было что-то важнее внимания мальчиков? Ведь именно оно служило критерием популярности и красоты. И еще мальчики иногда оказывались очень полезны. Временами они бывали просто восхитительны, однако обычно это надолго не затягивалось. А временами они становились настоящими уродами.

«Большинство мальчиков, – размышляла Елена, – совсем как щенки. В своем роде

существа совершенно очаровательные, но почему-то быстро надоедают».

Очень немногие могли оказаться чем-то большим или даже стать настоящими друзьями, как Мэтт.

Ах, Мэтт... В прошлом учебном году Елена надеялась, что Мэтт – именно тот, кого она так долго ждала. Что он именно тот мальчик, который заставит ее испытать ну, нечто неизведанное. Нечто большее, нежели ощущение триумфа, радость очередной победы или гордость от демонстрации нового приобретения подругам. И вот, Елена действительно очень привязалась к Мэтту. Однако летом у нее нашлось время хорошенько подумать, и она поняла, что это была скорее родственная привязанность, как, например, к кузену или к брату.

Мисс Гальперн раздавала всем учебники по тригонометрии. Елена машинально взяла книжку и написала внутри свое имя, по-прежнему погруженная в раздумья.

Мэтт определенно нравился ей куда больше остальных знакомых мальчиков. И именно поэтому: она собиралась честно сказать ему, что между ними все кончено.

Елена просто не знала, как лучше это сделать. Сообщить об этом в письме? Или сказать в лицо? И так и так плохо. Не то чтобы она думала, что Мэтт устроит скандал. Этого как раз можно было не бояться. Нет, он просто мог ее не понять. Елена и сама с трудом себя понимала.

Она всегда словно тянулась к чему-то, такому она сама не знала к чему. Но когда она до чего-то дотягивалась, это что-то вдруг оказывалось совершенно не тем, чего она хотела. Так было и с Мэттом, и с любым из ее прежних парней.

А затем Елене приходилось начинать все сначала. К счастью, всегда подворачивался свежий материал. Ни один мальчик не мог успешно ей сопротивляться, ни один мальчик никогда ее не игнорировал. До сих пор. До сих пор.

Вспоминая тот момент, когда она в коридоре встретила лицом к лицу с новичком, Елена вдруг поняла, что отчаянно сжимает в руке авторучку. Она не могла поверить, что он так легко от нее ускользнул.

Звонок прозвенел, и все высыпали из класса, однако Елена помедлила в дверях. Задумчиво прикусив губу, она оглядывала текущую по коридору реку учеников. Наконец Елена заметила одну из навязчивых поклонниц:

– Френсис! Иди сюда.

Френсис охотно подошла, и ее некрасивое лицо прояснилось.

– Послушай, ты помнишь мальчика, которого мы видели сегодня утром?

– Такого навороченного на «порше»? Конечно, помню. Как я могу его забыть?

– Послушай, мне нужно достать расписание его уроков. Возьми в канцелярии, если сможешь, или скопируй у него самого, если удастся. Но только обязательно раздобудь!

Френсис сначала удивилась, затем ухмыльнулась и кивнула:

– Ладно, Елена. Я попытаюсь. Увидимся за ланчем, если я смогу это расписание раздобыть.

– Спасибо. – Елена проводила ее взглядом.

– А знаешь, ты и впрямь спятила, – раздался у нее над ухом голос Мередит.

– Какой смысл быть королевой школы, если не позволять себе время от времени маленькие причуды. – спокойно возразила Елена. – Так куда я теперь иду?

– На основы бизнеса. Вот, возьми. – Мередит протянула ей расписание. – А я побегу на химию. До скорого!

Основа бизнеса и весь остаток утра прошли стремительно, слившись в какое-то смутное пятно. Елена надеялась хоть одним глазком взглянуть на нового ученика, но его не оказалось ни на одном из ее уроков. Зато Мэтт оказался, и Елена почувствовала укол совести, увидев внимательный взгляд его голубых глаз и улыбку.

Прозвенел звонок на ланч, и Елена направилась к школьной столовой, кивая по дороге многочисленным знакомым. Кэролайн с гордо поднятым подбородком и расправленными плечами стояла у двери, небрежно прислонившись к стене. Двое мальчиков, с которыми она общалась, при виде Елены немедленно умолкли и толкнули друг друга локтями.

– Привет, – бросила Елена парням.

Затем она обратилась к Кэролайн:

– Ну как, готова к трапезе?

Кэролайн смахнула с лица золотисто-каштановую челку, и ее зеленые глаза скользнули по Елене.

– Что, за королевским столом! – с откровенной враждебностью осведомилась девочка.

Елена оказалась захвачена врасплох. Они с Кэролайн были подругами еще с детского садика и всегда добродушно друг с другом соперничали. Однако в последнее время с Кэролайн стало что-то происходить. Она все более и более серьезно относилась к конкуренции. И теперь Елена изумилась горечи, прозвучавшей в голосе старой подруги.

– Ну, ты едва ли простолюдинка, – легко отозвалась она.

– Ах, милочка, в этом ты так права, – прошипела Кэролайн, подходя к Елене вплотную.

Зеленые кошачьи глаза девочки были узкими и туманными. Елену поразила неприязнь, которую она в них увидела. Мальчики неловко заулыбались и начали бочком отодвигаться в сторонку.

Кэролайн словно бы этого не заметила.

– Знаешь, Елена, этим летом, пока ты была во Франции, здесь многое изменилось, – продолжила она. – И теперь очень даже возможно, что твое время на троне уже истекает.

Елена не на шутку смутилась. Но взяла себя в руки.

– Возможно, – ровным тоном произнесла она. – Но на твоем месте, Кэролайн, я бы не стала раньше времени покупать себе скипетр. – Отвернувшись от бывшей подруги, Елена вошла в школьную столовую.

Большим облегчением стала для нее встреча с Бонни и Мерedit, и даже с Френсис. Выбирая себе блюда и подходя к подругам, Елена чувствовала, как щеки ее постепенно остывают. Нет, она не позволит Кэролайн ее расстроить. Она вообще не станет думать о Кэролайн.

– Я добыла расписание – сообщила ей Френсис, помахивая листком бумаги, когда Елена села за столик.

– И у меня тоже есть кое-какая интересная информация, – с важным видом присоединилась Бонни. – Вот, Елена, послушай. У нас с новичком был общий урок биологии, и я сижу прямо напротив него. Его зовут Стефан, Стефан Сальваторе, и он приехал из Италии. Он снимает комнату у старой миссис Флауэрс на окраине городка. – Она вздохнула. – Он так любезен и романтичен. Кэролайн уронила свои учебники, и он галантно помог ей их собрать.

Елена невольно скривилась:

– Ах, какая Кэролайн неловкая! А что еще между ними произошло?

– Вообще-то больше ничего. Он с ней даже толком не разговаривал. Видишь ли, он очень загадочен. Миссис Эндикотт, учительница биологии, попросила его снять темные очки, но он отказался. У него есть медицинская справка.

– Какая еще медицинская справка?

– Не знаю. Может быть, он серьезно болен, и его дни сочтены. Разве это не романтично?

– Очень романтично, – вставила Мерedit.

Елена тем временем, кусая губы, рассматривала листок бумаги, который передала ей верная Френсис.

– У нас с ним общий седьмой урок, история Европы. Кто-нибудь из вас еще на него идет?

– Я иду, – сказала Бонни. – И, по-моему, Кэролайн тоже. Да, пожалуй, и Мэтт, Он вчера что-то говорил о том, какая для него удача заполучить мистера Таннера.

«Просто чудесно», – подумала Елена, ожесточенно втыкая вилку в картофельное пюре.

Похоже, седьмой урок обещал пройти на редкость интересно.

* * *

Стефан был рад, что учебный день подходил к концу. Ему отчаянно хотелось хоть на несколько минут вырваться из этих людных кабинетов и коридоров.

Столько всяких разумов! Столько чужих мыслей давили на него, столько ментальных голосов звучало в его мозгу, что Стефан уже ощущал нешуточное головокружение. Прошло много лет с тех пор, как он оказывался в подобном людском улье.

Один разум стоял особняком от остальных. Эта девочка была в той компании, что наблюдала за ним в главном коридоре здания школы. Стефан не знал, как она выглядит, но ее ментальная индивидуальность была очень мощной. Он ни секунды не сомневался, что сможет ее узнать.

По крайней мере, Стефан уже почти пережил первый день красочного маскарада. Силу ему пришлось использовать лишь дважды, и он сделал это предельно аккуратно. Однако он устал и, к сожалению, проголодался. Кролика оказалось явно недостаточно.

«Ладно, – подумал Стефан, – об этом мы позаботимся позже».

Он без труда нашел свой последний класс, сел на свободное место... и немедленно ощутил присутствие того самого разума.

Золотистый свет мерцал на самой периферии его сознания – мягкий, но энергично пульсирующий. И впервые за все это время Стефан сумел различить девочку, от которой этот свет исходил. Она сидела прямо перед ним.

В тот самый миг, когда Стефан об этом подумал, девочка повернулась, и он увидел ее лицо. Единственное, на что хватило его самообладания, это не вскрикнуть от изумления.

Катрина! Хотя, конечно же, нет, не она. Катрин была мертва – кто мог знать это лучше него?

И все же сходство было просто поразительным. Светло-золотистые волосы были так прекрасны, что казалось, будто они мерцают. Лилейная кожа, которая прозрачностью своей напоминала Стефану алебастр, а белизмой – сверкающее оперение лебедей. Легкий румянец на щеках. И глаза – глаза Катрины были цвета ранее никогда им не виданного – чуть темнее небесно-голубого, роскошны как лазурит в ее украшенной самоцветами головной повязке. У этой девочки были точно такие же глаза.

И они буквально пронзали его взглядом насквозь, пока на лице у девочки расцветала улыбка.

Едва лишь заметив эту улыбку, Стефан быстро опустил взгляд. Прежде всего, он совершенно не собирался думать о Катрине. Не хотел смотреть на эту девочку, которая так ему ее напомнила. И не желал чувствовать ее присутствие рядом с собой. Как можно сильнее блокируя свой разум, Стефан не отрывал глаз от стола. Наконец девочка медленно от него отвернулась. Ей стало больно. Даже через ментальный блок Стефан смог это почувствовать. Но ему было все равно. Более того, Стефан был этому даже рад и надеялся, что это оттолкнет ее от него. Никаких других чувств она у него не вызывала.

Неподвижно сидя за столом, Стефан продолжал себе это твердить, не слыша нудного голоса учителя истории. Однако он смог различить легкий аромат каких-то духов – вероятно фиалковых. Стройная белая шейка девочки была склонена над книгой, а ее прекрасные волосы рассыпались по плечам.

С гневом и печалью Стефан ощутил знакомый зуд желания в зубах – скорее щекочущий, чем болезненный. Это был признак голода – особого голода. Того, которому он не собирался потакать.

Учитель расхаживал по аудитории подобно проворному хорьку, и Стефан намеренно сосредоточил свое внимание на нем. И сначала он изумился происходящему – хотя никто из учеников не знал ответы, вопросы продолжали сыпаться один за другим. Но вскоре Стефан понял, что как раз в этом и состояла цель учителя – уличить учеников в незнании материала и устыдить.

Как раз в этот момент учитель нашел себе очередную жертву – маленькую девчушку с рыжими кудряшками и лицом в форме сердечка. Стефан с отвращением наблюдал, как знаток европейской истории преследует ее вопросами. Девчушка уже выглядела совершенно растерянной и несчастной, и тогда учитель, наконец, от нее отвернулся, обращаясь ко всему классу:

– Понимаете, что я имею в виду? Вы считаете себя умниками – готовыми к выпуску старшеклассниками! Так вот. Позвольте мне вам заметить, не которые из вас еще не готовы к выпуску даже и старшей группы детского сада! К примеру, такие как она! – Он указал на рыжеволосую девочку. – Ни малейшего понятия о Французской революции. Она думает, что Мария-Антуанетта была звездой немого кино!

Все ученики вокруг Стефана с неловкостью ерзали на стульях. Он ловил в их ментальных откликах возмущение и острое чувство униженности. И еще страх. Все старшеклассники боялись этого тощего коротышку с глазами как у горноста, даже здоровые ребята, порядочно выше его ростом.

– Ладно, давайте попробуем другую эпоху. – Учитель снова повернулся к рыжей девчонке, которую уже допрашивал. – В эпоху Ренессанса...

Тут он намеренно сделал паузу.

– Ведь ты же знаешь, что такое Ренессанс, не так ли? Это период между тринадцатым и семнадцатым столетием, когда Европа заново открыла для себя великие идеи Древней Греции и Древнего Рима, верно? Период, давший европейской цивилизации самых великих художников и мыслителей, я правильно понимаю?

Когда девочка смущенно кивнула, педагог продолжил:

– Теперь у меня такой вопрос. Что в эпоху Ренессанса делали в школе ученики вашего возраста? А? Есть хоть какие-нибудь идеи? Или догадки?

Девушка с трудом сглотнула. Затем на ее лице затеплилась слабая улыбка.

– Играли в футбол? – негромко предположила она.

Класс зашелся смехом. А лицо учителя потемнело.

– Едва ли! – рывкнул он, и все ученики разом притихли. – Ты думаешь, это шутка? Да? Шутка? Так вот знай, что в те времена ученики вашего возраста уже владели несколькими языками! Также они осваивали логику, математику, астрономию, философию и грамматику! Они уже готовы были отправиться в университет, где на всех курсах преподавание шло на латыни! На латыни! А что касается футбола, то это была самая последняя вещь, которую они стали бы...

– Прошу прощения.

Тихий голос внезапно прервал пламенную тираду учителя. Все ученики повернулись посмотреть на Стефана.

– Что? Что ты сказал?

– Я сказал – прошу прощения, – повторил Стефан, снимая темные очки и вставая. – Вы ошибаетесь. В эпоху Ренессанса участие учеников спортивных играх весьма поощрялось. Их учили тому, что в здоровом теле здоровый дух. И они обязательно участвовали в командных видах спорта вроде крикета, тенниса – и даже футбола.

Тут он повернулся к рыжеволосой девочке и улыбнулся, она благодарно улыбнулась в ответ. Обращаясь учителю, Стефан добавил:

– Однако самым важным считалось усвоение хороших манер и этикет. Уверен, в учебнике об этом написано.

Ученики довольно ухмылялись. Лицо учителя густо покраснело, он чуть ли не брызгал слюной. Стефан продолжал настойчиво смотреть ему в глаза и через некоторое время отвернулся именно учитель.

Прозвенел звонок. Стефан быстро надел очки и собрал учебники. Он уже и так привлек к себе гораздо больше внимания, чем следовало, и ему вовсе не хотелось снова смотреть на ту светловолосую девочку. Кроме того, Стефану требовалось как можно скорее отсюда убираться – в венах ощущалось знакомое жжение.

Когда он уже добрался до двери, кто-то крикнул ему вслед:

– Эй! А они тогда правда в футбол играли?

Стефан не смог не улыбнуться через плечо:

– О да. Чаще всего отрубленными головами военнопленных.

Елена внимательно наблюдала за тем, как он уходит. Стефан Сальваторе намеренно от нее отворачивался. Он умышленно ее унижал – причем прямо на глазах у Кэролайн, которая, точно ястреб, за всем этим унижением следила. Слезы горели в глазах у Елены, однако у нее в голове в тот момент полыхала только одна мысль: она его добьется, даже если это ее убьет. Даже если это убьет их обоих, она все равно его добьется.

Розовыми и бледно-зелеными полосками растекались по ночному небу первые лучи зари. Стефан наблюдал за ними из окна своей комнаты в пансионате. Он специально снял эту комнату из-за люка в потолке – люка, который открывался на площадку с перильцами на крыше. Сейчас эта дверца была открыта, прохладный воздух стекал вниз по приставной лесенке.

Стефан был полностью одет, но вовсе не потому что рано встал с постели. Правда заключалась в том, что он вообще никогда не спал. Стефан только что вернулся из леса. Он брезгливо смахнул влажные листья, прилипшие к ботинкам. Вчерашние замечания школьников от него не ускользнули, и теперь он знал, что они с интересом разглядывали его одежду. Он всегда одевался как можно лучше, и вовсе не из тщеславия. Просто так было правильно. Его наставник часто говорил: «Аристократ всегда должен одеваться соответственно своему положению. Если он этого не делает, он выражает пренебрежение к окружающим». Каждый в этом мире занимает свое место, и место Стефана всегда оказывалось среди самых знатных. По крайней мере, так было прежде.

Почему он так долго задерживался на таких, казалось бы, мелочах? Разумеется, Стефану следовало понимать, что исполнение роли школьника, скорее всего, погрузит его в воспоминания о поре его прежнего ученичества. Теперь эти картины прошлого действительно вернулись – такие живые и яркие, как будто он листал страницы красочного журнала.

Память Стефана то и дело выхватывала отдельные эпизоды. Одна картина вспыхнула перед ним особенно живо. Он ясно увидел лицо своего отца, когда Дамон объявил о том, что бросает университет. Стефану никогда этого не забыть. Ни разу он не видел своего отца в таком гневе...

– Так ты хочешь сказать, что больше туда не вернешься?

Обычно Джузеппе бывал исключительно учтив, однако теперь его природный темперамент проявился в полную силу. Старший сын вызвал у него неподдельную ярость.

В этот момент Дамон обмакивал губы шафранового цвета шелковым носовым платком.

– Помилуй, отец, мне казалось, что даже ты сможешь понять такое простое предложение. Неужели мне следует повторить его на латыни?

– Дамон... – напряженно начал Стефан, пораженный подобным неуважением.

Но отец его перебил:

– Так ты говоришь, что я, Джузеппе, граф де Сальваторе, должен предстать перед моими друзьями, зная, что мой сын – Scioporto?¹ Никчемный бездельник? Лентяй, который не вносит посильный вклад в процветание Флоренции? – Слуги бочком расходились по сторонам, пока ярость Джузеппе разгоралась.

Дамон даже глазом не моргнул:

– Безусловно. Если только тебе угодно называть друзьями тех, кто лебезит перед тобой в надежде, что ты одолжишь им денег.

– Sporco parassito.² – возопил Джузеппе, вскакивая со стула. – Тебе мало того, что ты, находясь на учебе, впустую тратишь свое время и мои деньги? О да, я знаю все про твоё увлечение азартными играми, дуэлями и женщинами! И знаю, что, если бы не секретарь и наставники, ты не смог бы закончить ни одного курса! А теперь ты хочешь окончательно меня опозорить... Но зачем? Чего ради? – Его большая ладонь взметнулась и ухватила Дамона за подбородок. – Затем, чтобы ты смог вернуться к своей охоте и соколам?

Стефан был вынужден отдать своему брату должное – Дамон даже не вздрогнул. Он стоял, едва ли не нежась в отцовской хватке, до мозга костей аристократ – от элегантного берета до отороченного горностаем плаща и мягких кожаных туфель.

Губы его были надменно изогнуты.

«Однако на сей раз, ты зашел слишком далеко, – подумал Стефан, наблюдая за тем, как

¹ Scioporto – лодырь, бездельник (ит.).

² Sporco parassito – гнусный паразит, дурья башка (ит.).

отец и сын сверлят друг друга огненными взорами. – На сей раз даже тебе не удастся выпутаться, воспользовавшись своим неотразимым обаянием».

Но как раз в этот момент в дверь кабинета негромко постучали. Обернувшись на стук, Стефан оказался ослеплен глазами цвета сияющего лазури, обрамленными длинными золотистыми ресницами. Это была Катрина. Отец этой девушки, барон вон Шварцшильд, привез ее из холодных немецких краев на благодатную итальянскую землю, надеясь, что это поможет ей излечиться от продолжительного недуга. И с того самого дня, как Катрина сюда прибыла, для Стефана все изменилось.

– Прошу прощения, я не хотела помешать. – Голос девушки был мягким и чистым.

Она сделала движение, словно собираясь уйти.

– Нет, не уходи. Останься, – быстро сказал Стефан.

Он хотел сказать что-то еще, взять Катрину за руку – но не отважился. Нет, только не при отце. Юноше лишь оставалось смотреть в эти подобные голубым самоцветам глаза, спокойно устремленные на него.

– Да-да, останься, – поддержал сына Джузеппе, и Стефан увидел, как мрачно-грозовое лицо его отца понемногу светлеет.

Граф де Сальваторе отпустил подбородок Дамона и сделал шаг вперед, расправляя складки своего длинного, отороченного дорогим мехом плаща.

– Твой отец как раз сегодня должен вернуться после деловой поездки в город, и он будет несказанно рад тебя видеть. Но твои щеки бледны, малышка Катрина. Надеюсь, ты не заболела снова?

– Вы знаете, синьор, что я всегда бледна. Я не пользуюсь румянами, как ваши смелые итальянские девушки.

– Тебе никакие румяна не требуются, – вставил Стефан прежде, чем смог себя остановить, и Катрина ему улыбнулась.

Ах, она была так прекрасна! В груди у него заныло.

– Я так мало вижу тебя в течение дня, – продолжил его отец. – Ты редко радуешь нас своим присутствием до наступления сумерек.

– Мое время проходит за уроками и молитвами, синьор, – тихо откликнулась Катрина, стыдливо опуская ресницы. Стефан знал, что это неправда, но промолчал. Он никогда бы не выдал тайну Катрины. Затем девушка снова взглянула на Джузеппе. – Однако сейчас я здесь, синьор.

– Да-да, это правда. И я должен позаботиться о том, чтобы сегодня вечером, в честь возвращения твоего отца, у нас состоялась роскошная трапеза. Дамон... с тобой мы поговорим позднее. – Как только Джузеппе сделал знак слуге и направился к двери, Стефан с радостью повернулся к Катрине.

Раньше им удавалось пообщаться без присутствия его отца или Гудрун, ее флегматичной немецкой служанки.

Но то, что Стефан увидел в следующее мгновение, словно нанесло ему удар в солнечное сплетение. Катрина улыбалась – той самой тайной улыбкой, которую она порой с ним делила.

Но улыбалась не ему. Девушка пристально смотрела на Дамона.

И в этот самый момент Стефан возненавидел своего брата. Он возненавидел темную красоту Дамона, его грацию и чувственность, которые притягивали женщин, как огонь манит мотыльков. В этот миг ему захотелось ударить Дамона, вдребезги разбить эту красоту. Однако вместо этого ему пришлось стоять и наблюдать, как Катрина медленно, шаг за шагом, движется к его брату. И только ее зеленое парчовое платье шуршало по каменным плитам в полной тишине. А затем, прямо у него на глазах, Дамон протянул руку к Катрине и улыбнулся жестокой улыбкой триумфатора...

Стефан резко отвернулся от окна.

Зачем беречь старые раны? Однако, едва погрузившись в воспоминания, Стефан достал тонкую золотую цепочку, которую он носил под рубашкой. Лаская пальцами висящее на ней кольцо, юноша поднес его к свету.

Маленький кружок был блистательно выполнен из золота, и пять столетий ничуть не

замутнили его блеска. В оправу был вставлен один камень – лазурит размером с ноготь на мизинце. Стефан посмотрел на золотое кольцо и перевел взгляд на массивный серебряный перстень с таким же лазуритом, украшавший его безымянный палец. В груди снова все сжалось.

Нет, он никак не мог забыть прошлого, да и не желал на самом деле. Невзирая на все случившееся, Стефан лелеял память о Катрине. Тем не менее, существовало одно воспоминание, которое ему действительно тревожить не следовало, одна страница красочного журнала, которую не следовало переворачивать. Если бы ему еще раз пришлось оживить в памяти тот кошмар, тот... ужасный момент, он бы сошел с ума. Как Стефан сошел с ума в тот день, в тот последний день, когда ему пришлось обратиться лицом к собственному проклятию...

Юноша наклонился к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. У его наставника имелась еще одна поговорка: «Зло никогда не успокоится. Оно может восторжествовать на некоторое время, но никогда не найдет покоя».

Зачем он вообще явился в Феллс-Черч?

Да, Стефан надеялся найти здесь покой, но это было невозможно. Его никогда и нигде не примут, и никогда не найдет себе успокоения. Ибо он само зло. И этого ему во веки вечные не изменить.

* * *

Елена в то утро встала раньше обычного. Она слышала, как тетя Джудит возится у себя в комнате, готовясь принять душ. Маргарет крепко спала, свернувшись в своей постели, как маленькая мышка. Елена бесшумно прошла мимо полуоткрытой двери в комнату своей младшей сестренки и направилась дальше по коридору, собираясь выйти из дома.

Утренний воздух был исключительно чист и свеж. Большую айву облепили сойки и воробьи. Елена, которая вчера отправилась в постель с жуткой головной болью, подняла лицо к ясному голубому небу и глубоко вздохнула.

Она чувствовала себя гораздо лучше, чем вчера. Елена пообещала Мэтту встретиться с ним до уроков. Хотя она не особенно радовалась этой встрече, у нее не возникало сомнений, что в итоге все закончится хорошо.

Мэтт жил всего лишь в двух кварталах от здания средней школы, в обычном каркасном доме, подобном всем остальным на этой улице, если не считать того, что качели на крыльце были чуть более потрепанными, а краска на стенах – чуть более облупившейся. Мэтт уже стоял у дома – такой милый и привычный, что на мгновение сердце Елены сжалось от нежности.

Мэтт действительно был симпатягой. Никаких сомнений. Однако красив он был не в той ослепительной, почти досадной манере, какая характерна для некоторых людей, а просто как здоровый американец. Вообще, Мэтт Хоникатт был американцем до мозга костей. Его светлые волосы были коротко подстрижены перед футбольным сезоном, а чистая кожа отлично загорела после ударной работы на ферме его бабушки и дедушки. Голубые глаза парня светились честностью и прямоотой. Вот только сегодня, когда он подошел, чтобы нежно обнять Елену, эти глаза были немного грустны.

– Зайдешь?

– Нет. Давай просто погуляем, – предложила Елена.

Они пошли бок о бок, не прикасаясь друг к другу. Улицу обрамляли клены и ореховые деревья, а в воздухе чувствовался свежий утренний запах. Ступая по влажному тротуару и чувствуя неожиданную неуверенность, Елена смотрела себе под ноги. Она решительно не знала с чего начать.

– Ты все еще не рассказала мне про Францию, – напомнил Мэтт.

– О, там было очень здорово, – с наигранным энтузиазмом начала Елена, искоса поглядывая на Мэтта.

Он тоже смотрел себе под ноги.

– Все было просто здорово, – продолжила она, стараясь вдохнуть в свой голос еще больше воодушевления.

– Люди, еда, все остальное. Все правда было очень... – Тут голос ей изменил, и она нервно рассмеялась.

– Да-да, я уже понял. Очень здорово, – закончил Мэтт за нее, остановился и начал сосредоточенно рассматривать свои обтрепанные тенниски.

Елена сразу узнала в них те, которые он носил в прошлом году. Семья Мэтта едва сводила концы с концами. Скорее всего, он просто не мог себе позволить новую обувь. Подняв взгляд, Елена увидела, что спокойные голубые глаза парня сосредоточились на ее лице.

– А знаешь, ты сейчас чертовски классно выглядишь, – сказал Мэтт.

Елена раскрыла было рот в смятении, но он продолжил:

– И я подозреваю, что ты хочешь мне что-то сказать.

Елена смотрела на него, и Мэтт ответил ей какой-то кривоватой, грустной улыбкой. А затем снова протянул к ней руки.

– Ох, Мэтт, – вымолвила Елена, крепко обнимая старого приятеля. Затем она отстранилась, заглядывая ему в лицо. – Мэтт, ты самый славный парень, какого я когда-либо знала. Я тебя не заслуживаю.

– Ну да, и поэтому ты меня бросаешь, – сказал Мэтт, когда они продолжили путь. – Потому что я для тебя слишком хорош. Мне давно следовало бы это понять.

Елена ущипнула его за руку:

– Нет, не поэтому, и я вовсе тебя не бросаю. Мы ведь останемся друзьями, правда?

– О да, конечно. Безусловно.

– Потому что мы поняли, что мы с тобой именно друзья. – Елена остановилась, снова на него глядя. – Добрые друзья. Ну, Мэтт, скажи честно, ведь ты испытываешь ко мне только дружеские чувства?

Мэтт внимательно на нее посмотрел, затем возвел глаза к небу.

– А нельзя мне честно об этом промолчать? – спросил он.

Видя, что лицо Елены вытянулось, парень добавил:

– Но ведь это не имеет никакого отношения к тому новичку, правда?

– Нет, не имеет, – после секундного колебания осветила Елена, а затем быстро добавила: – Ведь я с ним еще даже не знакома. Я его не знаю.

– Но тебе очень хочется его узнать. Нет, не надо, лучше ничего не говори. – Мэтт обнял ее и нежно притянул к себе. – Давай лучше направимся к школе. И, может быть, я успею угостить тебя пончиком.

Стоило им только пойти дальше, как вдруг что-то забилося среди ветвей соседнего орехового дерева. Мэтт даже присвистнул, указывая пальцем:

– Ты только глянь! Такой огромной вороны я не видел еще ни разу в жизни.

Елена взглянула вверх, но ворона уже улетела.

Школа в тот день оказалась совершенно неподходящим местом для подробного обдумывания плана.

Утром Елена проснулась, точно зная, что делать. И между уроками уже успела собрать поразительное количество информации о Стефане Сальваторе. Что, впрочем, было нетрудно, поскольку в средней школе имени Роберта Ли все только о нем и говорили.

Все знали, что у Стефана вчера случилась какая-то заминка с секретарем приемной комиссии. Но выяснилось, что сегодня его вызвали в кабинет директора. Якобы возникли какие-то проблемы с документами. Однако директор отправил мальчика обратно в класс (после, как утверждали, телефонного звонка не то в Рим, не то в Вашингтон), и теперь, судя по всему, затруднение было улажено. По крайней мере, официально.

Когда Елена пришла к кабинету европейской истории, ее приветствовал дружный свист. Дик Картер и Тайлер Смоллвуд уже стояли у дверей.

«Парочка первостатейных придурков», – подумала Елена, игнорируя свист и пристальные взгляды.

Эти двое думали, что почетное членство в основном составе школьной футбольной команды уже делает их классными парнями. Елена краем глаза поглядывала на них, пока открывала пудреницу и подкрашивала губы. Она дала Бонни особые инструкции, и план

предстояло привести в действие, как только Стефан покажется в коридоре. Зеркальце пудреницы позволило Елене незаметно наблюдать за всем коридором.

И, тем не менее, она умудрилась проворонить свою добычу. Стефан внезапно оказался рядом с ней, и она резко защелкнула пудреницу, когда он проходил мимо. Елена хотела было его остановить, но что-то ей помешало. В движениях Стефана вдруг начала сквозить какая-то бдительная настороженность. И в этот момент Дик и Тайлер загородили ему вход в кабинет истории.

«Нет, все-таки настоящие уроды», – подумала Елена.

Внутри закипал гнев, она разъяренно взирала на развязных парней из-за спины Стефана. Двое футболистов явно наслаждались забавой, стоя в дверном проеме и словно не замечая стоящего перед ними Стефана.

– Прошу прощения.

Тон реплики был тот же, что и в разговоре с учителем истории. Вежливая невозмутимость.

Дик с Тайлером переглянулись, затем осмотрелись по сторонам, словно до них дошли голоса бесплотных духов.

– Прощения? – фальцетом переспросил Тайлер. – Да за что? – И парни дружно захохотали.

Елена увидела, как на спине у Стефана напрягаются мышцы. Игра казалась вопиюще нечестной – оба парня были выше Стефана, а Тайлер к тому же вдвое шире.

– Что, есть проблемы? – Новый голос за спиной у Елены поразил ее так же, как и парней.

Она повернулась и увидела Мэтта. Взгляд его голубых глаз был тверд как камень.

Елена прикусила губу, сдерживая улыбку, когда Тайлер и Дик медленно разошлись в стороны, с обиженным видом освобождая дорогу.

«Добрый старина Мэтт», – подумала она.

Но теперь добрый старина Мэтт уже входил в класс следом за Стефаном, а Елене оставалось лишь место в кильватере. Когда парни расселись, она скользнула за стол позади Стефана, откуда можно было за ним наблюдать, оставаясь незамеченной. Осуществление плана пришлось отложить до следующей перемены.

Мэтт звенел мелочью у себя в кармане, а это означало, что он хотел что-то сказать.

– Э-э... послушай, – неловко начал он. – Эти два парня... знаешь, они вообще-то...

Стефан горестно рассмеялся:

– Кто я такой, чтобы их судить?

В его голосе Елена слышала теперь больше эмоций, чем раньше, даже когда он разговаривал с мистером Таннером, и преобладало там откровенное уныние.

– Да и вообще – почему меня здесь должны привечать? – закончил юноша, обращаясь скорее к самому себе.

– А почему нет? – Мэтт внимательно смотрела Стефана, теперь на его лице читалась решительность. – Послушай, – сменив тему, продолжил он. – Ты тут вчера про футбол говорил. Так вот, наш лучший крайний вчера порвал связки, и нам нужна замена. Тренировка сегодня днем. Что думаешь?

– Я? – Стефан явно оказался в замешательстве.

– Гм... не знаю, смогу ли я.

– Ты бегать умеешь?

– Бегать?.. – Стефан повернулся к Мэтту, и Елена заметила на его губах слабый намек на улыбку. – О да. Еще как.

– А мяч ловить?

– Да.

– Больше крайнему ничего и не требуется. Я разводящий. Если сумеешь поймать мой пас и бежать с мячом, вполне сможешь сыграть.

– Понятно. – Стефан действительно улыбался, а в голубых глазах Мэтта, несмотря на серьезное выражение лица, плясали веселые искорки.

Сама себе изумляясь, Елена вдруг поняла, что ревнует. Между этими двумя мальчиками внезапно возникла такая теплота, которая не предполагала места для кого-то еще.

Однако в следующую секунду улыбка Стефана исчезла, и он отчужденно произнес:

– Большое спасибо... но нет. У меня много других занятий.

В этот момент по своим местам расселись Бонни и Кэролайн, и урок начался.

На протяжении всей лекции Таннера о европейской истории Елена повторяла про себя сочиненный текст: *«Привет. Я Елена Гилберт. Я состою в комитете по адаптации новичков, и мне поручено показать тебе школу. Ну что, ты ведь не станешь отказываться и позволишь мне выполнить задание?»*

Последнюю фразу следовало произнести с широко распахнутыми, полными грусти глазами – но только если по лицу Стефана станет заметно, что он хочет от нее избавиться. Беспроектный вариант. Стефан Сальваторе наверняка совершенно беззащитен перед девицами, вызывающими к его галантности.

Девочка, сидящая справа от Елены, передала ей записку. Развернув клочок бумаги, Елена узнала круглый, детский почерк Бонни. Записка гласила:

«Я постараюсь как можно дольше сдерживать К. Ну как? У тебя получилось? Твой план работает???»

Елена перевела взгляд на Бонни, нетерпеливо ерзающую на стуле в переднем ряду, указала на записку, покачала головой и одними губами произнесла: «После урока».

Казалось, прошло целое столетие, прежде чем Таннер выдал последние разъяснения по поводу устных докладов и отпустил учеников. Все мигом вскочили со своих мест.

«Ну вот, – подумала Елена – теперь не трусь».

С отчаянно бьющимся сердцем она встала в проходе на пути Стефана, так чтобы он не смог ее обойти.

«Совсем как Дик и Тайлер», – подумала Елена, борясь с внезапным приступом истерического смеха.

Но когда она подняла взгляд, на уровне ее глаз оказался его губы.

Внезапно разум совершенно опустел. Что она собиралась сказать? Елена открыла рот, и странным образом заготовленные слова полились сами собой:

– Привет. Я Елена Гилберт. Я состою в комитете по адаптации новичков, и мне предписано...

– Очень сожалею, у меня нет времени.

Какое-то время Елена не могла поверить, что он даже не собирается дать ей шанс договорить. Губы сами собой продолжали выдавать заготовленный текст:

– ...показать тебе школу...

– Очень сожалею, я не могу. Я должен... я должен пойти на тренировку по футболу. – Стефан повернулся к Мэтту, который с изумленным видом наблюдал за происходящим. – Ты сказал, что она состоится сразу же после занятий, ведь так?

– Так, – медленно кивнул Мэтт. – Но...

– Тогда лучше поторопиться. Может быть, ты меня проводишь?

Мэтт беспомощно посмотрел на Елену, затем пожал плечами:

– Ну да... конечно. Идем.

Они двинулись на выход, и Мэтт лишь раз обернулся. А Стефан – ни разу.

Елена вдруг поняла, что против своей воли оглядывает лица весьма заинтересованных наблюдателей, в число которых входила и самодовольно ухмыляющаяся Кэролайн. Елена ощутила слабость во всем теле. В горле у нее застрял комок. Она больше не могла ни секунды здесь оставаться. Тогда Елена повернулась и как можно скорее вышла из класса.

Глава 4

К тому времени, как Елена добралась до своего шкафчика в раздевалке, слабость уже почти прошла, а комок в горле пытался раствориться и пролиться слезами.

«Нет, – настойчиво говорила себе Елена, – в школе я плакать не стану. Ни за что».

Закрыв шкафчик, она направилась к выходу.

Второй день подряд Елена возвращалась из школы сразу же после окончания уроков и в одиночестве. Тетя Джудит наверняка должна была удивиться. Но когда Елена добралась до дома, машины тети Джудит не оказалось на подъездной дорожке; должно быть, они с Маргарет поехали на рынок. Входя дом, Елена ощутила царящие там мир и покой.

Она была благодарна судьбе за это уединение, сейчас ей больше всего хотелось побыть одной. С другой стороны, Елена не очень хорошо понимала, чем себя занять.

Теперь, когда она действительно могла расплакаться, вдруг выяснилось, что слезы почему-то не текут. Бросив свой рюкзачок в коридоре, Елена медленно прошла в гостиную.

Эта прелестная, необычайно впечатляющая комната была, помимо спальни Елены, единственной частью дома, оставшейся от его первоначально конструкции. Дом был построен еще до 1861 года и почти полностью сгорел в Гражданскую войну. Спасти тогда удалось только гостиную с искусно сложенным камином, обрамленным изящным литьем завитками, а также большую спальню на втором этаже. Затем прадед отца Елены практически заново построил дом, и с тех пор в нем жили Гилберты.

Елена повернулась посмотреть в высокое – с пола до потолка – окно. Старинное стекло было мутным и волнистым, и весь пейзаж за ним был искажен. От долгого взгляда на него начинала кружиться голова. Елена вспомнила, как отец впервые показал ей это старое волнистое стекло. Кажется, тогда ей было примерно столько же лет, сколько сейчас Маргарет.

Елена снова ощутила комок в горле, но слезы по-прежнему не показывались. В ней боролись противоречивые чувства. Елена не нуждалась ни в чьей компании, но в то же самое время болезненно ощущала свое одиночество. Она действительно хотела как следует подумать, но теперь, когда пыталась настроиться на серьезный лад, мысли разбегались от нее подобно мышкам, спасающимся от белой совы.

«Белая сова... хищная птица... пожирательница плоти... ворона», – сложилось в голове у Елены.

«Такой здоровенной вороны я еще ни разу в жизни не видел», – сказал тогда Мэтт.

Слезы навернулись на глаза. Бедняга Мэтт. Она сделала ему очень больно, но он так терпимо к этому отнесся. Он даже был мил со Стефаном.

Стефан. Сердце глухо и тяжело стукнуло, выжимая две слезинки из глаз. Ну вот, наконец-то она заплакала. Елена плакала от гнева, унижения, разочарования... и чего еще?

Так что она сегодня потеряла? Что она испытывала к этому иностранцу, Стефану Сальваторе? Да, он явился для Елены вызовом, и это делало его каким-то особенным, интересным. Вне всяких сомнений, Стефан был юношей экзотичным... волнующим.

Странно, но это о самой Елене мальчики порой говорили, что она самая экзотичная и волнующая. И позднее она слышала от них самих или от их подруг и сестер, как они нервничали перед прогулкой с Еленой Гилберт, как их ладони потели, а в животах словно порхали бабочки. Елена всегда находила такие рассказы забавными. Ни один из мальчиков, с которыми она встречалась, еще не заставлял ее так нервничать.

Но когда сегодня Елена заговорила со Стефаном, ее пульс участился, ладони стали влажными, и в животе поселились не то что бабочки, а самые настоящие летучие мыши.

Быть может, Елена так заинтересовалась этим парнем, потому что он заставлял ее нервничать?

«Не слишком хорошая причина, Елена, – сказала она себе. – Если честно, то очень скверная».

И еще, конечно, большую роль играл рот Стефана. Ноги Елены начинали подгибаться при одном взгляде на эти скульптурно вырезанные губы от какого-то ощущения, совершенно отличного от нервозности. И черные как ночь волосы – пальцы Елены буквально чесались от желания вплестись в эти мягкие локоны. Гибкое, умеренно мускулистое тело, длинные ноги... и поистине удивительный голос. Именно этот голос заставил ее вчера принять окончательное решение, придавая ей непоколебимую целеустремленность, рождая твердое желание его заполучить. Голос Стефана, когда он обращался к мистеру Таннеру, был спокоен и надменен, но, несмотря на это, странным образом неотразим. Елена мечтательно задумалась о том, как этот прекрасный голос звучит в ночи, шепотом произнося ее имя...

– Елена!

Елена невольно подскочила, все ее мечтания мигом разлетелись сверкающими осколками. Однако звал ее вовсе не Стефан Сальваторе, а тетя Джудит, стучащая во входную дверь.

– Елена? Елена!

А вот к тете тоненьким пронзительным голоском присоединилась Маргарет.

– Ты дома?

Горестные переживания вновь захлестнули Елену, и она огляделась. Нет, прямо сейчас она никак не могла встретиться лицом к лицу со встревоженными расспросами тети или с невинной восторженностью Маргарет. Только не с влажными ресницами, когда слезы угрожали снова хлынуть из глаз. Молниеносно приняв решение, Елена выскользнула через заднюю дверь, когда передняя открылась.

Выйдя с заднего крыльца во дворик, Елена заколебалась. Ей не хотелось столкнуться с кем-то из знакомых. Но где она смогла бы уединиться?

Ответ пришел почти мгновенно. Ну конечно! Она отправится провести маму с папой.

Вышла чертовски дальняя прогулка, почти на самый край городка, однако за последние три года она стала для Елены привычной. Девочка пересекла плетеный мост и поднялась на холм, а затем миновала разрушенную церковь и спустилась в небольшую лошину.

Эта часть кладбища была ухоженной, порядочно зарос только более старый участок. Здесь же трава была аккуратно подстрижена, а клумбы выделялись яркими цветными кляксами.

Елена села у большого каменного надгробия с вырезанной на нем фамилией Гилберт.

– Привет, мама. Привет, папа, – прошептала Елена и наклонилась, чтобы положить перед мемориальной доской лиловый цветочек, который она сорвала по пути.

Подобрав под себя ноги, она села у могилы. Елена часто приходила сюда после того несчастного случая. Маргарет во время той аварии только-только стукнул годик, родителей она на самом деле толком не помнила. А вот Елена очень даже помнила. Теперь она позволила своему разуму перелистывать воспоминания, и комок в горле постепенно набух, а слезы с легкостью вышли наружу. Она по-прежнему страшно по ним скучала. По маме, такой молодой и прекрасной. По отцу, такому веселому и улыбчивому.

Конечно, им с Маргарет повезло, что рядом в нужный момент оказалась тетя Джудит. Не каждая тетя уволится с работы и переедет обратно в маленький городок, чтобы позаботиться о двух осиротевших племянницах. И Роберт, жених тети Джудит, был Елене и Маргарет скорее отчимом, нежели будущим дядей по праву женитьбы.

Да, Елена прекрасно помнила своих родителей. После похорон она часто приходила сюда в дикой ярости на них, разгневанная тем, что они оказались так наивны и позволили себе так глупо погибнуть. Это было, когда Елена еще не очень хорошо узнала тетю Джудит, когда ей казалось, что нет такого места на всей земле, где она смогла бы почувствовать себя как дома.

«А где я сейчас чувствую себя, как дома?» – вдруг задумалась Елена.

Самый простой ответ – здесь, в Феллс-Черче, где она прожила всю свою жизнь, – в последнее время почему-то не представлялся самым верным. В последнее время ей казалось, что должно быть что-то еще, какое-то место которое она сразу узнает и назовет своим домом.

Чья-то тень вдруг упала на нее, и Елена испугано подняла глаза. Какое-то время две стоящие рядом фигуры казались ей чужими, незнакомыми, полными смутной угрозы. Буквально окаменев, девочка пристально на них взидала.

– Знаешь, Елена, – нервно произнесла меньшая по росту фигура, уперев руки в бока, – порой я действительно за тебя тревожусь.

Елена вздрогнула, а затем издала краткий смешок. Это оказались всего лишь Бонни и Мередит.

– Порой я не на шутку задумываюсь, есть ли еще в мире такие места, где человек может найти себе хоть немного уединения, – сказала Елена, когда ее подруги тоже уселись.

– Предлагаешь нам уйти? – осведомилась Мередит, но Елена лишь пожала плечами.

В первые несколько месяцев Бонни и Мередит частенько находили ее здесь. Внезапно Елена ощутила радость и искреннюю благодарность к девочкам. По крайней мере, теперь она могла чувствовать себя как дома с двумя подругами, которые так о ней заботились. Елене было не стыдно своих слез. Взяв мятую салфетку, предложенную ей Бонни, она аккуратно вытерла

глаза. Три подруги какое-то время просто сидели в тишине, наблюдая за тем, как ветер ворошит кроны дубов на краю кладбища.

– Я очень сожалею о том, что случилось, – наконец негромко посочувствовала Бонни. – Это, правда, было ужасно.

– Как тактично! – вмешалась Мередит. – Брось, Елена, так уж скверно тебе быть не могло.

– Конечно, тебя ведь там не было. – Елена почувствовала, как воспоминание снова ее воспаляет. – Нет, это и впрямь было ужасно. Но теперь мне наплевать, – с вызовом добавила она. – Я с ним покончила. Он мне больше не нужен.

– Елена!

– Не нужен, Бонни. Очевидно, этот парень думает, что он слишком хорош для... для нас, американцев. Потому он и надевает модные темные очки, да еще...

Бонни и Мередит дружно прыснули. А Елена высморкалась в салфетку и покачала головой.

– Итак, – обратилась она к Бонни, намеренно меняя тему, – ты пострадала, зато настроение у Таннера теперь значительно улучшилось.

У Бонни сделался страдальческий вид:

– А ты знаешь, что я теперь самой первой буду сдавать устный доклад? Впрочем, мне все равно. Собираюсь сделать доклад про друидов и...

– Про кого?

– Про друидов. Ну, про тех старых чудаков в древней Англии, которые построили Стоунхендж, занимались колдовством и всем таким прочим. Я происхожу от друидов – вот почему я такой замечательный медиум.

Мередит фыркнула, но Елена нахмурилась, глядя на травинку, которую она рассеянно крутила между пальцев.

– Скажи, Бонни, а ты вчера правда увидела что-то такое у меня на ладони? – внезапно спросила она.

Бонни заколебалась.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Я... тогда мне действительно показалась, что я что-то такое увидела. Но порой воображение меня подводит.

– Она точно знала, что ты здесь, – неожиданно вмешалась Мередит. – Я думала посмотреть в кафетерии, но Бонни сказала: «Она на кладбище».

– А ведь и правда! – Вид у Бонни сделался слегка удивленный, но довольный. – Вот видите! У моей бабушки в Эдинбурге есть внутреннее зрение, и у меня оно, видимо, тоже имеется. Это всегда передается через поколение.

– И ты производишь от друидов, – торжественно произнесла Мередит.

– Ну да, это так! Шотландцы всегда поддерживают старые традиции. Ты никогда не согласишься, но моей бабушке удастся делать поразительные вещи. К примеру, она может выяснить, за кого ты выйдешь замуж и когда умрешь. Вот мне она предсказала, что я рано умру.

– Бонни!

– Да-да, правда предсказала. Юная и прекрасная, я буду лежать в гробу. Вам не кажется, что это романтично?

– Нет, не кажется. По-моему, это отвратительно, – скривилась Елена.

Тени уже стали длинней, а ветер охлаждал кожу.

– Интересно, а когда ты, Бонни, собираешься выйти замуж? – ловко сменила направление разговора Мередит.

– Не знаю. Бабушка сказала, что для выяснения информации о замужестве нужен целый ритуал, но я так и не попробовала его пройти. Понятное дело... – тут Бонни приняла пафосную позу, – мой будущим муж должен быть богат и совершенно великолепен. Скажем, подобно нашему загадочному темноволосому незнакомцу. Особенно если он больше никому будет не нужен. – Она бросила лукавый взгляд на Елену.

Однако Елена отказалась глотать наживку.

– А как насчет Тайлера Смоллвуда? – невинно поинтересовалась она. – Его отец точно отчаянно богат.

– И он не такой уж и страшный, – с серьезным видом согласилась Мередит. – То есть, конечно, если тебе нравятся животные. Во-от с такими белыми зубами.

Девочки переглянулись, а затем дружно расхохотались. Бонни бросила в Мередит пригоршню травы, та отмахнулась и в ответ сдула в сторону подружки одуванчик. В самом разгаре последовавшего веселья Елена вдруг поняла, что все у нее будет хорошо. Она снова оказалась собой, вовсе не потерянной и не чужой всему окружающему, а просто Еленой Гилберт, королевой средней школы имени Роберта Ли. Вытащив абрикосовую ленту из волос, Елена гордо потрянула головой.

– А я тоже решила, на какую тему будет мой устный доклад, – проговорила она, наблюдая за тем, как Бонни выбирает травинки из своих рыжих кудрей.

– И на какую? – спросила Мередит.

Елена наклонила голову, глядя на красновато-лиловое небо над холмом. Задумчиво вздохнув, она выдержала долгую интригующую паузу. А затем холодно произнесла:

– Итальянский Ренессанс.

Бонни и Мередит с изумлением посмотрели на нее, затем переглянулись и снова разразились смехом.

– Так-так, – констатировала Мередит, когда они закончили смеяться, – понятно. Значит, тигрица опять за свое.

Елена испустила звериный рык. Пошатнувшаяся уверенность в себе определенно к ней возвращалась. Хотя сама она еще толком не знала, как все получится, Елена не сомневалась в одном: Стефан Сальваторе так просто из этой истории не выпутается.

– Ну ладно, – бодро произнесла она. – Теперь слушайте. Только больше никто об этом узнать не должен, иначе я стану посмешищем для всей школы. А Кэрлайн, к вашему сведению, просто жаждет найти любой повод, чтобы выставить меня в нелепом свете. Но Стефан Сальваторе по-прежнему мне нужен, и я намерена его заполучить. Я его еще толком не знаю, но непременно узнаю. Тем не менее, пока в моем распоряжении не окажется надежный план, он будет получать от нас исключительно холодный прием.

– В самом деле?

– Да, именно так. Тебе, Бонни, он не достанется. Стефан Сальваторе мой. И здесь я должна полностью тебе доверять.

– Минутку, – вдруг с загоревшимися глазами сказала Мередит. Отстегнув от своей блузки брошь, она подняла большой палец и быстро его уколола. – Бонни, дай руку.

– Зачем? – поинтересовалась Бонни, подозрительно глядя на иглу.

– Замуж тебя хочу выдать. Зачем же еще, дурочка?

– Но... но... А, ладно. Ой!

– Теперь ты, Елена. – Мередит ловко уколола подруге большой палец, затем выдавила из него капельку крови.

– А теперь, – продолжила она, искрящимися темными глазами глядя на двух подруг, – мы прижмем наши большие пальцы друг к другу и поклянемся. Особенно ты, Бонни. Поклянись хранить нашу тайну и во всем помогать Елене в отношении Стефана.

– Но ведь клясться на крови очень опасно, – с серьезным видом запротестовала Бонни. – Тогда тебе придется держаться клятвы независимо от того, как все повернется. Пойми, Мередит, в любых обстоятельствах.

– Знаю, – угрюмо кивнула Мередит. – Именно поэтому я и требую, чтобы ты поклялась. Я помню, что случилось с Майклом Мартином.

Бонни недовольно скривилась:

– Но ведь это было несколько лет тому назад, и мы с ним все равно порвали, и... Хотя ладно. Я поклянусь, – Закрыв глаза, она напряженно выговорила: – Клянусь хранить тайну и делать все, что Елена попросит в связи со Стефаном.

Мередит повторила клятву. А Елена, глядя на бледные тени их рук в сгущающихся сумерках, перевела дыхание и негромко произнесла:

– А я клянусь не успокаиваться, пока он не будет всецело мне принадлежать.

Порыв холодного ветра пронесся по кладбищу, раздувая волосы девочек и отправляя сухую листву порхать над землей. Бонни охнула и отпрянула, а Елена и Мередит огляделись и

нервно захихикали.

– Уже темно, – с удивлением заметила Елена.

– Пора направляться к дому, – сказала Мередит, вставая и снова прикрепляя брошку к блузке.

Бонни тоже встала, посасывая уколотый палец.

– До свидания, – произнесла Елена, кинув последний взгляд на надгробие.

Лиловый цветочек уже казался смутным пятном на земле. Елена повернулась к подругам.

Молча, они направились вверх по холму. Клятва на крови вызвала у трех подруг какое-то торжественное чувство, и, когда они проходили мимо разрушенной церкви, Бонни вдруг задрожала. Солнце уже село, температура резко понизилась, и поднялся ветер. Каждый его порыв пробуждал шорохи в траве и заставлял древние дубы шелестеть.

– Зябко, – призналась Елена, медля у черной дыры, которая прежде была церковной дверью, и оглядывая лежащий у подножия холма пейзаж.

Луна еще не взошла, так что Елена смогла различить лишь старое кладбище и Плетеный мост за ним. Старое кладбище вело свое начало еще со времен Гражданской войны, и на многих надгробиях значились имена солдат. Теперь оно пребывало в запустении: ежевика и высокие сорняки росли на могилах, а длинные плети плюща терзали осыпающийся гранит. Елена это место никогда особенно не любила.

– Оно сейчас выглядит как-то по-другому. В темноте, я хочу сказать, – неуверенно произнесла она.

На самом же деле Елена хотела намекнуть подругам, что туда лучше не соваться.

– Мы можем пойти длинной дорогой, – предложила Мередит. – Но это значит лишних двадцать минут ходьбы.

– Вообще-то я не прочь пойти здесь, – отважно высказалась Бонни, с трудом сглотнув слюну. – Я всегда говорила, что хочу быть похороненной именно на старом кладбище.

– Может, ты все-таки прекратишь разглагольствовать о своих похоронах? – рявкнула на нее Елена и начала спускаться по склону холма.

Но чем дальше по узкой тропке она заходила, тем неувереннее себя чувствовала. Тогда девочка притормозила, дожидаясь, пока Бонни и Мередит ее догонят. Когда они приблизились к первому надгробию, сердце Елены забилося быстрее. Она попыталась не обращать на это внимания, но ее кожу словно покалывало иголочками дурного предчувствия. Тонкие волоски на руках вставали дыбом. Между порывами ветра воцарялась какая-то чудовищно гулкая тишина; шуршание их ног по усыпанной старой листвой тропинке казалось поистине оглушительным.

От разрушенной церкви остался теперь лишь черный силуэт. Узкая тропа вела меж покрытых лилейником надгробий, многие из которых возвышались даже над Мередит.

«За ними ничего не стоит спрятаться», – со смутной неловкостью подумала Елена.

А некоторые надгробия сами по себе выглядели пугающе. Например, как то – с пухлым херувимом, который очень даже напоминал бы настоящего младенца, если бы его отвалившаяся голова не была аккуратно уложена рядом с телом. Широко распахнутые гранитные глаза херувима были пусты. Елена никак не могла отвести глаз от головы, и ее сердце бешено колотилось.

– Почему мы все время останавливаемся? – осведомилась Мередит.

– Я просто... ох, извини, – пробормотала Елена, однако стоило ей только оглянуться, как она опять застыла на месте.

– Бонни! Бонни, что случилось?

Бонни, приоткрыв рот, смотрела на кладбище; ее широко распахнутые глаза были так же пусты, как у каменного херувима. В животе у Елены стало сжиматься от страха.

– Бонни, прекрати. Прекрати! Это совсем не смешно.

Бонни не ответила.

– Бонни! – воскликнула Мередит.

Они с Еленой переглянулись, и внезапно Елена поняла, что ей хочется отсюда убаться. Как можно дальше. Резко развернувшись, она направилась было вперед по тропе, но тут странный голос заговорил у нее за спиной. Пришлось так же резко развернуться обратно.

– Елена, – произнес голос.

Это ни в коем случае не был голос Бонни, хотя он и исходил из ее рта. Лицо Бонни лишилось всякого выражения и совсем побелело в сумерках, а ее взгляд был по-прежнему устремлен вглубь кладбище.

– Елена, – повторил голос. Затем Бонни полностью повернулась к ней и добавила: – Тебя там кое-кто поджидает.

Елена не очень хорошо поняла, что случилось дальше. Что-то, похоже, задвигалось среди темных надгробий, постепенно над ними поднимаясь. Елена завопила как резаная, и Мередит тоже вскрикнула, а затем обе они побежали прочь. Бонни, дико крича, метнулась следом за подругами.

Елена шумно топала ногами по узкой тропке, оступаясь на камешках и торчащих корнях. Бонни громко сопела от быстрого бега, и Мередит, рассудительная и циничная Мередит, тоже запыхалась. В ветвях могучего дуба, мимо которого они проносились, вдруг что-то захрустело, и Елена обнаружила, что может бежать еще быстрее.

– За нами что-то гонится! – визгливо вскрикнула Бонни. – Господи, что происходит?

– Давайте к мосту! – выдохнула Елена сквозь настоящий пожар, пылающий в ее легких.

Почему-то она была уверена, что им непременно требуется перебраться через мост.

– Не останавливайся, Бонни! И не оборачивайся! – Ухватив подругу за руку, она потянула ее за собой.

– Я туда не доберусь, – в голос провыла Бонни, цепляясь за пояс подруги и с трудом переставляя ноги.

– Очень даже доберешься, – прорычала Елена, крепче хватая Бонни за рукав и заставляя ее двигаться дальше. – Бежим! Вперед!

Она уже видела серебристый отблеск спокойной речушки. За дубами была поляна, на другой стороне которой находился мост. Колени Елены подгибались, а воздух свистел у нее в гортани, но она не могла позволить себе расслабиться. Теперь пешеходный мост был уже хорошо виден. Вот мост уже в двадцати футах от них, в десяти футах, в пяти...

– Ну вот, мы все-таки сюда добрались, – выдохнула Мередит, громко стуча каблуками по дереву.

– Не останавливайся! Давай на ту сторону!

Мост отчаянно скрипел, пока они по нему бежали; все звуки гулко отражались от воды. Спрыгнув на плотную почву дальнего берега, Елена, наконец, отпустила многострадальный рукав Бонни и позволила своим ногам остановиться.

Мередит стояла в наклонку, уперев руки в колени и тяжело дыша. Бонни плакала.

– Что это было? Господи, что это было? – всхлипывала она. – Оно все еще за нами гонится?

– Я думала, ты тут главный эксперт, – неуверенно отозвалась Мередит, – Бога ради, Елена, давай отсюда выбираться.

– Нет, теперь все в порядке, – прошептала Елена. Слезы стояли у нее в глазах, и она вся тряслась, но ощущение жаркого дыхания на спине уже прошло. Между ними и их преследователем пролегла река, чьи темные воды слегка рябили в сумерках. – Сюда оно за нами не погонится, – уверенно сказала она.

Мередит посмотрела сперва на нее, затем на тот берег с дубовой рощей, потом на Бонни. Наконец она провела языком по пересохшим губам и испустила краткий смешок:

– Да-да. Конечно. Оно за нами не погонится. Но, может быть, мы все-таки доберемся до дома? Если вы только не хотите всю ночь здесь провести.

Какое-то неведомое чувство сотрясло все тело Елены.

– Нет, спасибо, только не сегодняшнюю ночь, – отозвалась она и обняла Бонни, которая все еще хлюпала носом. – Все хорошо, Бонни. Теперь мы в безопасности. Идем.

Мередит снова оглядела речку и противоположный берег.

– А знаете, я там больше ничего не вижу, – куда более спокойным голосом констатировала она. – Возможно, за нами вовсе ничто и не гналось. Возможно, мы просто запаниковали и перепугались. Не без помощи вот этой дурацкой птицы.

Елена ничего не сказала, и они направились дальше по пыльной тропе, стараясь держаться поближе друг к другу. Тем не менее, Елена не на шутку задумалась. Очень крепко задумалась.

Глава 5

В небе сияла полная луна, когда Стефан возвращался в пансионат. Голова его сильно кружилась – как от усталости, так и от некоторого избытка выпитой крови. Давно уже Стефан не позволял себе так обильно кормиться. Однако всплеск дикой Силы на кладбище охватил его во всем своем неистовстве, вдребезги разбивая уже и без того ослабевший контроль.

Стефан не очень понимал, откуда пришла эта Сила. Он наблюдал за девочками из скопища теней, когда она буквально взорвалась у него за спиной, обращая школьниц в безоглядное бегство. Стефан оказался одновременно охвачен страхом, что они упадут в реку, и безумным желанием прощупать эту Силу, найти ее источник. В конце концов, он последовал за той девочкой, хотя не был уверен в том, что не причинит ей какой-либо вред.

Что-то черное захлопало крыльями и двинулось в сторону леса, когда девочки достигли безопасного укрытия Плетеного моста, но даже ночные органы чувств Стефана не позволили ему различить, что это было. Он дождался, когда после передышки за мостом девочки отправились дальше в город. А затем опять повернулся к кладбищу.

Теперь оно совершенно опустело. На земле лежала шелковая лента, которую обычные глаза вполне могли бы посчитать серой во тьме. Однако Стефан видел подлинный цвет клочка ткани. Медленно поднимая его к губам, он чувствовал запах ее волос.

Воспоминания снова переполнили его. Стефан достаточно скверно себя чувствовал даже теперь, когда она скрылась из виду, когда прохладное сведение ее разума лишь слегка бредило отдаленные участки его сознания. А находиться с ней в одном помещении, чувствовать ее непосредственное присутствие, вдыхать ее пьянящий аромат было для него почти невыносимо. Стефан слышал каждый ее негромкий вдох, чувствовал ее тепло, ощущал каждый удар ее нежного пульса. И, в конечном счете, к ужасу своему, вдруг понял, что поддается. Язык Стефана медленно скользил между клыками, наслаждаясь сладостной болью, которая и толкала его к этому занятию. Юноша намеренно втягивал ноздрями ее запах, позволив себе мечты о возможной встрече.

Какой нежной должна быть ее шейка, как поначалу его губы мягко прикоснутся к ней, лишь целуя шелковистую кожу, пока не достигнут легкой выпуклости ее горла. Как он будет ласкать ее там, где пульс так сильно бьется под нежной кожей. Как, наконец, губы его разойдутся, обнажая жаждущие клыки, острые, словно маленькие кинжалы и как...

Нет. Стефан резко вывел себя из транса, чувствуя, что сердце бьется неровно, а все тело вздрагивает. Урок европейской истории оказался позабыт, а вокруг сидели ученики, и оставалось только надеяться, что никто из них слишком пристально за ним не наблюдал.

Когда она с ним заговорила, Стефан испытал что-то совершенно непередаваемое. Вены горели огнем, а верхнюю челюсть словно свело судорогой. На мгновение он испугался, что окончательно потеряет контроль, схватит эту девочку за плечи и насладиться ею прямо у всех на глазах. Стефан понятия не имел, как он сумел тогда от нее отделаться. Только некоторое время спустя он вдруг понял, что набавляет всю свою энергию на тяжелую футбольную тренировку, смутно сознавая, что ему не следует использовать Силу. Впрочем, последнее значения не имело, даже без своей особой Силы Стефан во всех отношениях превосходил всех смертных мальчиков, которые состязались с ним на футбольном поле.

Его зрение было острее, рефлексy стремительнее, мышцы сильнее. Вскоре доброжелательная ладонь хлопнула Стефана по плечу, и голос Мэтта прозвучал у него в ушах:

– Мои поздравления! Добро пожаловать в команду!

Заглядывая в это честное, улыбающееся лицо, Стефан устыдился.

«Знай ты, кто я такой, ты бы мне не улыбался, – угрюмо подумал он. – Я справился с этим состязанием путем бессовестного обмана. Девочка, которую ты любишь, – ведь ты же любишь ее, не так ли? – предмет моих постоянных размышлений».

И она весь тот день оставалась в его мыслях – несмотря на все попытки изгнать ее оттуда. Юноша слепо побрел на кладбище, вытянутый из леса Силой, природы которой он не понимал. Оказавшись там, Стефан снова увидел эту девочку и стал наблюдать за ней, отчаянно борясь с растущей потребностью, пока всплеск Силы не отправил трех подруг в паническое бегство. А

затем он вернулся домой – сытый. После потери контроля над собой.

Стефан не мог вспомнить, как это случилось, как он позволил этому произойти. Вспышка Силы пробудила в нем стремления, которые лучше было оставить в покое, и предопределила дальнейший ход событий. Прежде всего, в Стефане пробудился инстинкт охотника. Жажда погони, наслаждение запахом страха и свирепый триумф убийства. Прошли уже многие годы – да что там годы, столетия! – с тех пор как он так остро ощущал эту потребность. Вены словно наполнились жидким огнем. Все мысли сделались красными: Стефан не мог думать ни о чем, кроме жаркого металлического привкуса крови.

Пока возбуждение бушевало в нем, Стефан сделал несколько шагов следом за девочками. Что могло бы случиться, если бы он не почуял того старика, об этом лучше было даже не думать. Но когда Стефан добрался до моста, его ноздри вдруг стали раздуваться, безошибочно уловив острый аромат человеческой плоти.

Человеческая кровь. Универсальный эликсир, запретное вино. Опьяняющее куда сильнее любого спиртного, дымящееся существо самой жизни. Проклятие! Стефан так устал бороться с отчаянной потребностью!

На берегу под мостом вдруг зашевелилась бесформенная груда старого тряпья. В следующее мгновение Стефан изящно, точно кошка, приземлился рядом со стариком. Рука резко дернулась вперед и отдернула тряпки, обнажая сухую, морщинистую физиономию над тощей шеей. Стефан оскалил губы.

Теперь же, ковыляя вверх по общей лестнице пансионата, он отчаянно старался ничего не вспоминать, а главное – не думать о той девочке, что искушала его своим теплом, своей жизненностью. Она была самой желанной для него, но Стефан должен был положить этому конец, убить неподобающие мысли в самом зародыше – как для ее блага, так и для своего собственного. Он мог стать для нее самым жутким из кошмаров, а она об этом даже не знала.

– Кто там? Это ты, мальчик? – резко закаркал хриплый голос.

Одна из дверей на втором этаже раскрылась, и оттуда высунулась седая голова.

– Да, синьора... миссис Флауэрс. Простите, что я вас побеспокоил.

– Ну, для того чтобы меня побеспокоить, требуется что-то большее, чем скрипучие половицы. Ты запер за собой дверь?

– Да, синьора. Вы... вы в полной безопасности.

– Это хорошо. Здесь надо быть настороже. Никогда не знаешь, что может таиться в том лесу, верно?

Стефан бросил быстрый взгляд на улыбающуюся физиономию в окружении ключев седых волос, посмотрел в бегающие глазки. Не могла ли в них таиться какая-то тайна?

– Доброй ночи, синьора.

– Доброй ночи, мальчик. – Старуха захлопнула дверь.

Оказавшись у себя в комнате, Стефан буквально упал на кровать и устремил взгляд на низкий потолок.

По ночам он обычно беспокойно отдыхал – обычный сон не приходил к нему. Но сегодня вечером Стефан не на шутку устал. Пребывание под солнечным светом требовало столько энергии, да и внушительная трапеза тоже способствовала летаргии. Вскоре, пусть даже и, не закрывая глаз, юноша уже не видел перед собой оштукатуренного потолка.

Случайные обрывки воспоминаний проплывали у него в голове. Катрина, такая прелестная в тот день у фонтана, когда лунный свет сверкал серебряными искрами в ее светло-золотистых волосах. Как Стефан гордился тем, что может сидеть рядом с ней, быть единственным, кто делит ее тайну...

– И ты никогда не можешь гулять под солнцем?

– Могу, конечно, но только пока ношу вот это кольцо. – Катрина подняла белую руку, и лунный свет засиял на лазуритовом перстне. – Но солнце очень меня утомляет. А силой и выносливостью я никогда не отличалась.

Стефан посмотрел на изысканные черты лица Катрины, на ее стройное тело. Она была хрупкой как тонкий хрустальный бокал. Нет, силой она точно никогда не отличалась.

– Ребенком я часто болела, – призналась Катрина, созерцая игру водяных струек в

фонтане. – И, в конце концов, врач сказал, что я скоро умру. Я помню, как папа плакал, помню, как я лежала на просторной кровати, слишком слабая, чтобы двигаться. Даже дыхание отнимало слишком много сил. Было очень печально покидать этот мир и холодно, так холодно, – Она вздрогнула и слабо улыбнулась.

– Но что было дальше?

– Я проснулась среди ночи и увидела, что Гудрун, моя служанка, стоит над кроватью. А затем она отступила в сторону, и я увидела мужчину, которого она привела. Его звали Клаус. В деревне говорили, что он злой человек. Я попросила Гудрун прогнать его, но она просто стояла и смотрела. Когда Клаус приложился губами к моей шее, мне показалось, что он хочет меня убить.

Катрина немного помолчала. Стефан смотрел на нее со страхом и жалостью, и она опять ему улыбнулась:

– Но на самом деле все оказалось совсем не так ужасно. Сначала было немного больно, но это длилось недолго. Затем ощущение стало по-настоящему приятным. А потом Клаус позволил мне попить его крови, и я ощутила себя сильной как никогда. Мы вместе провели часы до рассвета. Когда пришел врач, он поначалу даже не поверил, что я сижу и разговариваю. Папа сказал, что это настоящее чудо. Он плакал от счастья. – Тут лицо Катрины затуманилось. – Скоро мне придется покинуть моего папу. В один прекрасный день он поймет, что со времен той болезни я не постарела ни на один день.

– И ты никогда не постареешь?

– Нет. Вот в этом-то и есть главное чудо, Стефан! – Катрина взглянула на него с каким-то детским восторгом. – Я буду вечно молода и никогда не умру! Можешь ты себе такое представить?

Стефан вообще не мог представить ее иной, чем сейчас: прелестной, невинной, просто идеальной.

– Но разве... разве поначалу это не показалось тебе... чуть-чуть пугающим?

– Поначалу немного показалось. Но Гудрун объяснила мне, что делать. Именно она посоветовала изготовить это кольцо с самоцветом, чтобы защитить меня от солнечного света. Пока я лежала в постели, она приносила мне особые горячие напитки. Позднее она стала приносить разных мелких зверьков, которых ловил ее сын.

– А люди... людей она к тебе не приводила?

Катрина залилась звонким смехом:

– Конечно же нет. Все, что мне требуется, я могу получить за ночь от голубки. Гудрун говорит, что, если бы я хотела стать по-настоящему сильной, мне следовало бы брать человеческую кровь, ибо нет на свете жизненной сущности мощнее, чем у людей. И Клаус тоже иногда меня уговаривает – он хочет снова обменяться со мной кровью. Но я сказала Гудрун, что не хочу Силы. А что касается Клауса... – Тут она умолкла и опустила глаза. Тяжелые ресницы легли ей на щеки. Затем девушка негромким голосом продолжила: – Я не думаю, что это можно делать так запросто. Я стану брать человеческую кровь, только если найду себе спутника. Человека, который на всю вечность останется вместе со мной. – Она серьезно на него посмотрела.

Стефан радостно рассмеялся, чувствуя необыкновенную легкость и буквально переполняясь чувством гордости. Он едва мог сдерживать счастье, которое в тот момент его захлестнуло.

Но все это было еще до того, как его брат Дамон вернулся из университета. До того, как Дамон прибыл и увидел голубые как лазурит глаза Катрины.

Лежа на кровати в комнате с низким потолком, Стефан мучительно застонал. Но Тьма сгустилась вокруг него, и новые образы стали вспыхивать в голове.

Это были разрозненные сюжеты из прошлого без всякой связной последовательности. Стефан словно видел картины, высвечиваемые краткими вспышками молнии. Перекошенное лицо его брата – маска нечеловеческого гнева. Искрящиеся и сияющие голубые глаза Катрины, танцующей в новом белом платье. Какое-то белое мерцание за лимонным деревом. Вот в руке у

Стефана меч, а Джузеппе что-то кричит ему издалека. Снова лимон. Он не должен заходить за лимон. Снова лицо Дамона, однако на сей раз брат дико хохочет. Все хохочет и хохочет, но звук такой, как будто бьется стекло. И вот лимон стал еще ближе.

– Дамон... Катрина... нет... нет!

Стефан сидел на кровати.

Он медленно восстанавливал дыхание, приглаживая волосы дрожащими руками.

Кошмарный сон. Прошло уже много времени с тех пор, как Стефана мучили кошмарные сны; по-настоящему долгое, ибо обычно он не спал вовсе. Несколько секунд последняя сцена повторялась у него в голове – он снова и снова видел лимон и слышал смех своего брата.

Этот смех слишком уж отчетливо звенел у него в ушах. Совершенно внезапно, даже не приняв сознательного решения двигаться, Стефан вдруг оказался у открытого окна. Ночной воздух овеял его щеки прохладой, когда он заглянул в серебристую тьму.

«Дамон?» – Стефан безмолвно послал эту мысль на приливе Силы.

Затем он застыл в неподвижности, напряженно прислушиваясь.

Нет, он не смог ощутить ровным счетом ничего, даже самой слабой ряби ответа. Поблизости с веток взлетели две ночные птицы. В городке спало множество разумов; в лесу ночные животные отправлялись по своим тайным делам.

Стефан вздохнул и отвернулся от окна. Вероятно, он ошибся насчет смеха; возможно, он даже ошибся насчет той угрозы на кладбище. Феллс-Черч был тих и недвижим. Пожалуй, в этом Стефану следовало подражать городку. Он отчаянно нуждался в нормальном человеческом сне.

* * *

5 сентября (на самом деле 6 сентября – сейчас около часа ночи)

Мой милый Дневник!

Пожалуй, мне следовало вернуться в постель. Все лишь несколько минут тому назад я проснулась. Мне показалось, что кто-то кричит, но теперь в доме тихо. Так много всяких странностей случилось вчера вечером. Кажется, мои нервы немного сдают.

По крайней мере, я проснулась, точно зная, что намерена предпринять в связи со Стефаном. Нужные мысли просто всплыли у меня в голове. И так план Б. Фаза первая начинается завтра.

Глаза Френсис сверкали, а щеки разругались, когда она приблизилась к трем девочкам за столом:

– Ах, Елена, тебе непременно следует это услышать!

Вежливо, но не слишком любезно Елена ей улыбнулась. И Френсис наклонилась к ней каштановую головку:

– Я хочу сказать... можно мне тоже присоединиться к вам? Я только что услышала самые безумные новости о Стефани Сальваторе.

– Садись, – тактично предложила Елена, – Однако, – добавила она, намазывая маслом пышную булочку. – Новости о Стефани Сальваторе нас не слишком интересуют.

– В самом деле?.. – Френсис пристально на нее посмотрела.

Затем перевела взгляд с Меридит на Бонни.

– Да вы, подруги, должно быть, шутите!

– Вовсе нет. – Очистив стручок зеленого горошка, Меридит аккуратно пересчитала горошины. – Сегодня у нас уже другое на уме.

– Это точно, – подтвердила Бонни, невольно вздрогнув. – Новости о Стефани Сальваторе, они, знаешь ли, старые. Несовременные, – Она нагнулась и потеряла лодыжку.

Френсис изумленно взглянула на Елену:

– А я думала, вы хотите знать о нем все.

– Из чистого любопытства, – объяснила Елена. – В конце концов, он наш гость, и мне хотелось, как полагается, поприветствовать его в Феллс-Черче. Но, конечно, я должна буду сохранить верность Жан-Клоду.

– Жан-Клоду, – подтвердила Мередит, поднимая бровь и вздыхая.

– Жан-Клоду, – игриво повторила Бонни.

Осторожно двумя пальчиками, Елена вытянула из своего рюкзака фотографию:

– Вот он стоит перед коттеджем, где мы останавливались. Сразу же после этого он преподнес мне цветы и сказал... Ах, – она загадочно улыбнулась, – Этого мне, пожалуй, лучше не повторять.

Френсис жадно изучала фотографию. На ней был изображен молодой бронзовокожий мужчина без рубашки. Стоя перед кустом гибискуса, мужчина скромно улыбался.

– Ведь он старше нас, правда? – с уважением поинтересовалась Френсис.

– Ему двадцать один год. Конечно... – Елена печально вздохнула, – Моя тетушка никогда этого не одобрит, так что мы с Жан-Клодом решили держать нашу любовь в тайне от нее, пока я не закончу школу. Пока что мы будем лишь переписываться.

– Как романтично, – выдохнула Френсис. – Обещаю, я никому об этом не расскажу. Но как же Стефан?..

Елена одарила ее снисходительной улыбкой.

– Если уж, – нравоучительно произнесла она, – переходить на европейцев, то француза я всегда предпочту итальянцу. – Она повернулась к Мередит: – Верно?

– Вне всяких сомнений. – Елена и Мередит понимающе улыбнулись друг другу, затем повернулись к Френсис: – Ты согласна?

– О да, – торопливо закивала Френсис. – Конечно, согласна. Ты совершенно права, – Она тоже понимающе улыбнулась Елене, а затем встала и направилась к выходу из столовой.

Как только Френсис скрылась за дверью, Бонни жалобно протянула:

– Не-ет, это меня убьет. Послушай, Елена, я просто умру, если не услышу эту сплетню.

– Даже так? Ну что ж, могу тебя проинформировать, – спокойно отозвалась Елена. – Френсис собиралась сообщить нам о том, что Стефан Сальваторе – агент по борьбе с наркотиками. По крайней мере, ходит такой слух.

– Кто-кто? – Бонни непонимающе на нее уставилась, а затем разразилась смехом. – Но это же глупость. Какой агент по борьбе с наркотиками стал бы так одеваться и носить темные очки? Я хочу сказать, ведь он фактически делает все, что может, лишь бы привлечь к себе внимание... – Тут девочка умолкла, и ее карие глаза расширились. – Но тогда... может статься, именно поэтому он все это и делает? Кто может его заподозрить, когда все так дьявольски очевидно? Да, ведь он действительно живет один, и он жутко скрытный... Елена! Что, если это правда?

– Это неправда, – охладила ее пыл Мередит.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда, что я сама этот слух распустила. – Оценив по достоинству выражение лица Бонни, Мередит ухмыльнулась и добавила: – Елена мне велела.

– Ахх. – Бонни с восхищением посмотрела на Елену. – Ты чертовски хитра. А можно мне рассказать всем, что он смертельно болен?

– Нет, нельзя. Не хочу, чтобы наши местные Флоренс Найтингейл выстроились к нему в очередь для прощального рукопожатия. Зато про Жан-Клода ты можешь рассказывать все, что хочешь.

Бонни подняла фотографию:

– А кто он на самом деле?

– Садовник. По этим кустам гибискуса он просто с ума сходил. К тому же он женат и у него двое детей.

– Жаль, – серьезным тоном заметила Бонни. – И ты велела Френсис никому про него не рассказывать...

– Ага, – Елена сверилась с часами, – А значит, примерно через два часа это будет известно всей школе.

После уроков девочки направились домой к Бонни. Их тут же приветствовал визгливый лай, и, стоило Бонни открыть дверь, как очень старый и оплывший жиром пекинес попытался вырваться на улицу. Он носил имя Янцзы и был так избалован, что никто, кроме матушки

Бонни, не мог его выносить. Проклятый пес цапнул Елену за лодыжку, когда она проходила мимо.

Полутемная гостиная была тесно заставлена вычурной мебелью, а на окнах висели тяжелые шторы. Сестра Бонни по имени Мэри стояла у кофейного столика и вынимала приколки, удерживающие медицинскую шапочку на ее волнистых рыжих волосах. Всего на два года старше Бонни, она уже работала в клинике Феллс-Черча.

– А, Бонни! – сказала Мэри. – Рада, что ты уже вернулась. Привет, Елена, привет, Мередит.

Елена и Мередит тоже с ней поздоровались.

– Что случилось? – поинтересовалась Бонни. – У тебя усталый вид.

Мэри бросила шапочку на кофейный столик. Вместо ответа она задала встречный вопрос:

– Ты была очень расстроена, когда вчера вечером вернулась домой. Так, где вы, девочки, вчера побывали?

– На кла... ну, просто поблизости от Плетеного моста.

– Так я и подумала. – Мэри тяжело вздохнула. – Ну вот что, а теперь, Бонни Маккалог, будь добра внимательно меня послушать. Не смей больше туда ходить, особенно по вечерам!

– Но почему? – озадаченно спросила Бонни.

– Потому что вчера там кое на кого напали, вот почему! И знаете где? Прямо на берегу под Плетеным мостом.

Елена и Мередит недоверчиво на нее посмотрели, а Бонни схватила Елену за руку:

– На кого-то напали под мостом? Но на кого? Что случилось?

– Толком не знаю. Сегодня утром его обнаружил один из кладбищенских рабочих. Какой-то бродяга, надо полагать, и он, вероятно, спал под мостом, когда на него напали. А когда этого бродягу нашли, он уже был полумертв. И до сих пор не пришел в сознание. Вполне возможно, он умрет.

Елена с трудом сглотнула слюну:

– А что ты имеешь в виду, говоря, что на него напали?

– Я, – произнесла Мэри, четко выговаривая каждое слово, – имею в виду, что ему разорвали горло. Он потерял немыслимое количество крови. Сначала было решено, что это мог сделать какой-то зверь, но теперь доктор Лоуэн говорит, что здесь повинен человек. И полиция считает, что тот, кто это сделал, скорее всего, прятался на кладбище. – Мэри посмотрела на всех девочек по очереди, и рот ее вытянулся в тонкую струнку. – Так что, если вы действительно были рядом с мостом – или на кладбище, Елена Гилберт, – тогда этот человек вполне мог оказаться там вместе с вами. Улавливаете?

– Не стоит нас и дальше пугать, – слабо отозвалась Бонни. – Да, Мэри, мы улавливаем.

– Очень хорошо. Ну, тогда ладно. – Мэри заметно расслабилась и устало потерла виски. – Я должна ненадолго прилечь. Извините, я совсем не хотела раздражаться. – И она вышла из гостиной.

Оставшись наедине, девочки переглянулись.

– На его месте могла оказаться любая из нас, – тихо заметила Мередит. – Особенно ты, Елена. Ведь ты пошла туда одна.

Кожу Елены словно покалывали маленькие иголки. Снова возникло то мучительно-тревожное чувство, которое охватывало ее на старом кладбище. Казалось, она снова ощущала холодок ветра и видела вокруг себя ряды высоких надгробий. Солнечный свет и средняя школа имени Роберта Ли еще никогда не казались ей такими далекими.

– Послушай, Бонни, – медленно проговорил Елена, – а ты там никого не видела? Что ты имела виду, когда сказала, что меня там кто-то поджидает.

Бонни непонимающе на нее посмотрела:

– Ты о чем? Я ничего такого не говорила.

– Нет, говорила.

– Нет, не говорила. Я никогда этого не говорила.

– Брось, Бонни, – вмешалась Мередит, – мы обе тебя слышали. Ты глазела на старые надгробия, а затем сказала Елене, что...

– Я понятия не имею, о чем вы толкуете. Я ничего такого не говорила. – Лицо Бонни

перекосилось от гнева, но в ее глазах стояли слезы. – Все, я больше не хочу об этом говорить.

Елена и Мередит беспомощно переглянулись. А дневное солнце как раз скрылось за облачком.

Глава 6

26 сентября

Мой милый дневник!

Сожалею, что прошло столько времени, и я даже не могу толком объяснить, почему так долго не писала, скорее всего, о том, что происходит, я боюсь говорить даже с тобой.

Во-первых, случилось несчастье. В тот день, когда мы с Бонни и Мередит были на кладбище, там напали на одного бездомного старика и чуть его не убили. Полиция пока не нашла человека, который это сделал. Люди думают, что старик просто спятил, поскольку очнувшись, он тут же стал бредить о каких-то «глазах во тьме», качающихся дубах и других странностях. Но я помню, что в тот вечер случилось с нами, и не перестаю задаваться вопросами, и это меня пугает.

Какое-то время люди были напуганы, и всем детям было строго приказано после наступления темноты либо оставаться дома, либо выходить группами. Но теперь прошло уже три недели, никаких новых нападений не следовало, и общее возбуждение понемногу утихает. Тетя Джудит говорит, что все это, должно быть, дело рук какого-то бродяги. Отец Тайлера Смоллвуда даже предположил, что старик и сам мог это сделать, – хотя мне очень хотелось бы посмотреть на человека, который умудрился перегрызть себе горло.

В целом я была занята осуществлением плана, пока все идет довольно неплохо. Я получила несколько писем и букет красных роз от Жан-Клода (очень удачно, что дядя Мередит – флорист). Все, похоже, забыли, что я вообще интересовалась Стефаном. Так что мое общественное положение вполне устойчиво. Даже Кэролайн мне не доставляла мне никаких проблем.

Если честно, то я даже не знаю, что Кэролайн делала все это время, и мне наплевать. Я больше ни разу не видела ее за ланчем или после уроков. Кажется, она окончательно откололась от своей старой компании.

Теперь меня заботит только одно. Стефан.

Даже Бонни и Мередит не понимают, как он для меня важен. Я боюсь им рассказывать: боюсь, они подумают, что я спятила. В школе я ношу маску полного спокойствия и самоконтроля. Но внутри... внутри с каждым днем становится все хуже.

Тетя Джудит начала за меня тревожиться. Она говорит, что в последнее время недостаточно хорошо питаюсь, и она права. Я никак не могу сконцентрироваться на занятиях или даже на каких-то приятных хлопотах вроде организации дома с привидениями к Хэллоуину, вообще я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме Стефана. И даже не понимаю почему.

После того ужасного дня он ни разу со мной не заговорил. Но я расскажу тебе кое-что очень странное и интересное. На прошлой неделе, на уроке истории, я подняла взгляд и вдруг обнаружила, что он на меня смотрит. Мы сидим совсем недалеко друг от друга, и он развернулся боком, чтобы внимательно на меня посмотреть, на мгновение я почти испугалась, и сердце ужасно заколотилось. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга, а потом он отвернулся с тех пор такое случалось еще дважды. Каждый раз, прежде чем поднять глаза, я чувствовала на себе его взгляд. Это совершенно точно не моя выдумка.

Стефан не похож ни на одного из моих знакомых мальчиков.

Он кажется таким, отстраненным, таким одиноким. Пусть даже он сам это для себя выбрал. Стефан здорово проявил себя в футбольной команде. Но он не водит компании ни с кем из парней, кроме, разве что Мэтта. Разговаривает он только с Мэттом. Ни с кем из девочек он, насколько я знаю, не общается, так что надо думать, слух про агента по борьбе с наркотиками оказался как нельзя кстати. Ведь скорее он всех избегает, чем наоборот. Стефан куда-то исчезает на переменах и после футбольной тренировки, и я ни разу не видела его в столовой, в свою комнату в пансионате он никогда ни кого не приглашает. И в

кафетерий никогда не приходит.

Так как же мне найти то место, где он точно от меня не сбежит? Вот, в чем настоящая загвоздка с планом Б.

Бонни насмехается, говоря: «Почему бы тебе не застрять с ним где-нибудь в грозу, чтобы вам пришлось согревать друг друга своими телами?» Мередит предлагает, чтобы на улице перед пансионом как-нибудь сломалась моя машина, все подобные идеи совершенно нереальны, и я просто с ума схожу, пытаясь придумать что-то получше.

С каждым днем мне становится все хуже и хуже. Я чувствую себя подобно часам, которые кто-то все сильнее и сильнее заводит. Если я совсем скоро не придумаю, что мне делать, я просто...

Я хотела написать «умру».

Решение пришло к Елене легко и неожиданно.

Ей было очень совестно перед Мэттом: она понимала, что слух про Жан-Клода заставляет его страдать. Мэтт почти не разговаривал с Еленой со дня разглашения этой «тайны», обычно приветствуя ее быстрым кивком. А когда она однажды наткнулась на него в пустом коридоре у входа в кабинет литературы, он так и не поднял глаз.

– Мэтт... – начала Елена.

Она хотела сказать ему, что все это неправда, что она никогда бы не стала встречаться с другим парнем без предварительного разговора с ним. Еще Елена хотела сказать, что она вовсе не собиралась причинять ему боль, что она теперь ужасно себя чувствует. Но не знала с чего начать.

– Извини! – наконец выпалила Елена и повернулась, чтобы войти в класс.

– Елена, – произнес Мэтт, и она опять повернулась к нему.

Теперь он, по крайней мере, на нее смотрел. Взгляд парня медленно скользил по ее прекрасным волосам. Он покачал головой, словно в недоумении, и, наконец, поинтересовался:

– У тебя с тем французским парнем все серьезно?

– Нет, – немедленно и без колебаний ответила Елена, – Я его придумала, – призналась она. – Просто чтобы показать всем, что мне нет никакого дела до... – Тут она осеклась.

– До Стефана. Я понял. – Мэтт кивнул. Елене показалось, что взгляд его стал жестче, но в голосе прозвучало сочувствие. – Послушай, Елена, это было чертовски скверно с его стороны. Но я не думаю, что там присутствовало что-то личное. Он так со всеми...

– Кроме тебя.

– Нет. Порой Стефан со мной разговаривает, но никогда о личном. Он никогда не упоминает о своей семье или о каких-то внешкольных занятиях. Такое ощущение, будто... будто вокруг него есть стена, сквозь которую мне не пробиться. Не думаю, что он вообще кого-то за эту стену пропустит. И это очень плохо, потому что, как мне кажется, за этой стеной он очень несчастен.

Такое суждение о Стефане было совершенно неожиданным, ничего подобного ей даже в голову не приходило. Стефан всегда казался таким выдержанным, таким строгим и невозмутимым. С другой стороны, сама Елена тоже порой казалась окружающим именно такой. Возможно ли, что под этой оболочкой Стефан так же потерян и несчастен, как она?

И в этот момент к ней пришла идея, и идея эта оказалась смехотворно простой. Никаких запутанных схем, никаких жутких гроз или неисправных машин.

– Мэтт, – медленно произнесла Елена, – а тебе не кажется, что кому-то было бы очень неплохо пробиться сквозь эту стену? Очень неплохо для Стефана, я имею в виду. Тебе не кажется, что ничего лучшего для него даже и придумать нельзя? – Она напряженно смотрела на парня, отчаянно желая, чтобы он правильно ее понял.

Мэтт какое-то время просто на нее смотрел, затем ненадолго закрыл глаза и недоверчиво покачал головой.

– Знаешь, Елена, – наконец сказал он, – ты просто невозможна. Ты вертишь людьми как марионетками, и самое скверное, что ты, по-моему, сама этого не осознаешь. Вот теперь ты просишь меня помочь тебе загнать Стефана в засаду, а я такой тупой сопляк, что даже могу на это согласиться.

– Ты не тупой сопляк, ты джентльмен. И я хочу попросить тебя оказать мне услугу. Причем только в том случае, если ты думаешь, что так будет правильно. Я не хочу причинять боль ни Стефану, ни тебе.

– Правда?

– Правда. Я понимаю, как это может выглядеть... но все равно. Я просто хочу... – Елена опять осеклась.

Как ей объяснить, чего она хочет, если она сама этого толком не понимает?

– Ты просто хочешь, чтобы весь мир вращался вокруг Елены Гилберт, – горько произнес Мэтт. – Ты просто хочешь того, чего не имеешь.

В шоке Елена отступила на шаг и внимательно посмотрела на старого друга. В горле у нее сжался комок.

– Нет, не надо, – тут же сдался Мэтт. – Брось, Елена, не надо так. Извини. – Он тяжело вздохнул. – Ладно, что я должен сделать? Связать его как кабана и принести к твоему порогу?

– Нет, – отозвалась Елена, все еще пытаюсь справиться с наворачнувшимися слезами, – не надо. Просто сделай так, чтобы он пришел на вечер встречи выпускников на следующей неделе. На лице у Мэтта застыло странное выражение.

– Ты просто хочешь, чтобы он пришел не танцы?

Елена кивнула.

– Хорошо. Я постараюсь сделать так, чтобы он там оказался. И знаешь, Елена... на самом деле никого, кроме тебя, мне бы приглашать не хотелось.

– Хорошо, – после секундного колебания согласилась Елена. – Спасибо.

На лице у Мэтта по-прежнему оставалось какое-то особенное выражение.

– Не надо, Елена. Не благодари, – произнес он. – На самом деле... все это сущая ерунда.

Елена все еще раздумывала над этими словами, когда Мэтт повернулся и пошел дальше по коридору.

– Стой смирно, – приказала Мередит, укоризненно дергая Елену за волосы.

– А я все еще думаю, – подала голос Бонни со стула у окна, – что они оба были просто великолепны.

– Кто? – рассеянно поинтересовалась Елена.

– Как будто не знаешь, – укорила ее Бонни. – Два твоих парня, которые сотворили настоящее чудо на последней минуте вчерашнего матча. Когда Стефан поймал тот роскошный пас, я подумала, что вот-вот в обморок хлопнусь.

– Бонни, я тебя умоляю, – возмутилась Мередит.

– А Мэтт... этот парень – просто поэзия в движении...

– И вовсе ни один из них не мой парень, – ровным тоном заметила Елена.

Под ловкими пальцами Мередит ее волосы стали превращаться в настоящее произведение искусства, мягкую массу гнutoго золота. И платье было под стать – его льдисто-фиолетовый цвет идеально гармонировал с ее фиалковыми глазами. Однако сама себе Елена казалась бледной и холодной, вовсе не исполненной нежного волнения, а жесткой и целеустремленной, подобно молодому солдату, которого отправили на передовую.

Стоя вчера на футбольном поле, пока ее официально провозглашали королевой вечера в честь встречи выпускников, Елена лелеяла только одну мысль. Теперь Стефан просто не сможет отказаться с ней танцевать. Если он вообще придет на танцы, он не сможет отказать королеве праздника. И теперь, разглядывая свое отражение в зеркале, она еще раз себе это повторила.

– Сегодня ты добьешься всего, что пожелаешь, – успокаивающе говорила Бонни. – И... послушай, Елена. Когда ты окончательно порвешь с Мэттом, могу я его утешить?

Мередит фыркнула:

– А что подумает Реймонд?

– Ну... его сможешь утешить ты, Мередит. Нет, правда, Елена, мне очень нравится Мэтт. И с тех пор, как ты взяла на прицел Стефана, вас троих становится как-то много. Так давай я...

– Ах, делай что хочешь. Мэтт действительно заслуживает утешения.

«А от меня он определенно его не получит», – подумала Елена.

Она по-прежнему сама с трудом понимала, как она может так обращаться со старым другом. Но сейчас Елена просто не могла позволить себе оценивать собственные поступки; ей требовалась вся ее сила и сосредоточенность, до последней капли.

– Вот. – Мередит вколола в волосы Елены последнюю шпильку. – А теперь, королева вечера, оглянись и посмотри на свою свиту... ну, по крайней мере, на какую-то ее часть. Ах, как мы прекрасны!

– Как, я слышу царственное «мы»? – насмешлив о осведомилась Елена, однако по сути Мередит сказала чистую правду.

Три подруги действительно были прекрасны. Платье Мередит, чистое роскошество бордового атласа, плотно прилегало на талии и складками изливалось на бедра. Темные волосы свободно лежали у нее на спине. А Бонни, когда она встала и присоединилась к подругам перед зеркалом, походила на переливающуюся статуэтку в розовой тафте с черными блестками.

Что же касалось самой Елены, то... Опытным взглядом она изучила свое отражение и снова подумала: «Платье в полном порядке». Еще ей пришло на ум такое сравнение: «засахаренные фиалки». Бабушка Елены держала целую вазу таких цветов.

Три подруги вместе спустились вниз, как это бывало перед каждым танцами еще с седьмого класса – если не считать того, что раньше с ними была Кэролайн. Елена вдруг с легким удивлением поняла, что она и понятия не имеет о том, с кем Кэролайн придет сегодня вечером.

Тетя Джудит и Роберт, – который должен был вскоре стать дядей Робертом – сидели с Маргарет в гостиной.

– Ах, девочки, как вы прелестны, – всплеснула руками тетя Джудит, покрасневшая от волнения будто она сама шла на танцы.

Затем она поцеловала Елену, а уже облаченная в пижаму Маргарет протянула руки к старшей сестре.

– Ты красивая, – со всей простотой четырехлетки высказалась она.

Роберт тоже смотрел на Елену. Вот он вздрогнул, открыл рот и снова его закрыл.

– В чем дело, Боб?

– Ни в чем. – Со смущенным видом он посмотрел на тетю Джудит. – А вообще-то мне в голову пришла другая Елена. Я тут грешным делом о Елене Прекрасной подумал.

– Прекрасной и обреченной, – радостно уточнила Бонни.

– Пожалуй, – кивнул Роберт, но вид у него при этом стал вовсе не радостный.

Елена промолчала.

В это мгновение раздался звонок в дверь. На ступеньках стоял Мэтт, облаченный в свою привычную спортивную куртку. С ним были Эд Гофф, приятель Мередит, и Реймонд Эрнандес, приятель Бонни. Елена поискала взглядом Стефана.

– Наверно, он уже там, – ответил Мэтт на ее немой вопрос. – Послушай, Елена...

Однако все, что он собирался сказать, заглушила громкая болтовня двух других парочек. Бонни и Реймонд поехали вместе с ними в машине Мэтта. На всем пути к школе они постоянно продолжали сыпать остротами.

Из открытых дверей школы лилась музыка. Когда Елена вышла из машины, ее вдруг охватила странная уверенность.

«Что-то должно случиться», – подумала она, глядя на квадратную громаду здания.

Мирное басовое гудение нескольких последних недель должно было резко повыситься по тону.

«Что ж, я готова», – мысленно сказала себе Елена.

Она действительно так думала.

Внутри был настоящий кружащийся калейдоскоп красок. Их с Мэттом разговор оказался заглушен в тот самый миг, когда они вошли в зал. Compliments обрушились водопадом. Платье Елены... ее прическа... сочетание цветов. Мэтт также представлял собой живое воплощение зарождающейся легенды: новый Джо Монтана, верная гарантия футбольного чемпионства.

В головокружительном вихре, который был для нее самой жизнью и дыханием, Елена продолжала искать невысокого брюнета.

Подошел Тайлер Смоллвуд. Он тяжело дышал на нее, от него пахло пуншем и жевательной резинкой «даблминт». Его подружка выглядела просто убийственно. Елена проигнорировала верзилу в надежде, что он уберется прочь.

Мистер Таннер прошел мимо с размокшим бумажным стаканчиком. Казалось, что учителя истории душит воротничок его рубашки. Сю Карсон, старшая принцесса вечера в честь встречи выпускников, при виде фиолетового платья восхищенно выдохнула и о чем-то заворковала. Бонни уже стояла на танцполе, мерцая розовым в свете софитов. А Стефана Елена нигде не видела.

Ошутив еще одно дуновение «даблминта», Елена подумала, что ее вот-вот стошнит. Она толкнула локтем Мэтта, и они вместе двинулись к столу с закуской, где тренер Лайман как раз восторженно рассказывал о последнем футбольном матче. Пары и группки учеников подходили к столу, чтобы провести несколько минут рядом с королевой, а затем удалялись, освобождая место следующим в очереди.

"Как будто мы и впрямь члены королевской семьи", – с удовлетворением подумала Елена.

Искоса взглянув на Мэтта, она попыталась понять, разделяет ли он ее удовольствие, и обнаружила, что он пристально смотрит куда-то влево.

Елена проследила за его взглядом. Даже в этом мутном свете она разглядела, скорее почувствовала, среди группы футболистов Стефана. В тот же миг ее охватил трепет восторга, напоминая скорее физическую боль, нежели что-то иное.

– Ну, что теперь? – сквозь зубы осведомился Мэтт. – Вязать его как кабана?

– Нет. Я намерена пригласить его на танец только и всего. Но, если желаешь, мы с тобой можем потанцевать первыми.

Мэтт покачал головой, и Елена стала пробираться сквозь толпу, направляясь к Стефану.

По мере приближения разум Елены регистрировал информацию, обрывок за обрывком. Черный, блейзер Стефана был несколько иного покроя, чем у остальных мальчиков, более элегантным, и из-под него выглядывал белый кашемировый свитерок. Юноша стоял совершенно неподвижно, даже не переступая с ноги на ногу, чуть отстранившись от компании футболистов. Хотя Елена видела его только в профиль, она смогла различить, что темные очки Стефан в этот вечер не надел.

Конечно, он снимал их, играя в футбол, но так близко Елена еще никогда его без очков не видела. Она тут же испытала головокружительное возбуждение, как будто здесь проходил маскарад, и пришло время снимать маски.

Елена сосредоточилась на его плечах, линии подбородка, а затем Стефан к ней повернулся.

В это самое мгновение Елена вдруг осознала, что она действительно прекрасна. Дело было вовсе не в платье и не в прическе. Она была прекрасна сама по себе: стройная, с царственной осанкой – небесное создание, созданное из шелка и внутреннего огня.

Она увидела, как Стефан машинально раскрыла рот, и заглянула в его глаза.

– Привет. – Неужели это и вправду был ее голос, такой спокойный и самоуверенный?

Глаза Стефана оказались зелеными. Зелеными, как листва дуба погожим весенним днем.

– Ну как, хорошо время проводишь? – спросила Елена.

– Теперь – «да». – Стефан этого не сказал, но Елена точно знала, что подумал он именно так; она поняла это по тому, как он на нее смотрел.

Никогда еще Елена не была так уверена в своем могуществе. Даже, несмотря на то, что Стефан не походил на человека, хорошо проводившего время; куда скорее он выглядел до глубины души пораженным, охваченным болью, как будто – даже одной минуты не мог всего этого выносить. Зазвучал медленный танец. Стефан все еще неотрывно смотрел на Елену, словно впитывая ее в себя. Зеленые глаза темнели, становясь черными от прилива желания. У девочки вдруг возникло ощущение, что он, не говоря ни единого слова, может внезапно прижать ее к себе и крепко поцеловать.

– Хочешь потанцевать? – негромко спросила Елена.

«Я играю с огнем, с чем-то, чего я не понимаю», – вдруг подумала Елена.

И в это самое мгновение она осознала, что напугана. Сердце бешено заколотилось. Ей показалось, что эти зеленые глаза проникли в самую глубь ее души, и этот взгляд пробудил в

ней отчаянное ощущение опасности. Неведомый инстинкт, старше самой цивилизации, повелевал Елене спастись бегством.

Однако она не двинулась с места. Та же сила, которая устрашала ее, одновременно удерживала на месте.

«Это просто не в моих силах», – внезапно поняла Елена.

Происходило нечто выходящее за пределы ее понимания, ненормальное и неразумное. Но это нельзя было остановить. Даже охваченная страхом, она наслаждалась происходящим. Ничего подобного Елена никогда не испытывала с мальчиками, хотя между ней и Стефаном ровным счетом ничего не происходило. Он просто смотрел на нее, словно загипнотизированный, а она смотрела на него в ответ, и энергия мерцала между ними подобно зарнице. Елена увидела, как глаза Стефана еще больше темнеют, констатируя его поражение, и ощутила дикие удары своего сердца, когда он протянул к ней руку.

А затем все разлетелось на куски.

– Надо же, Елена, как ты сладенько выглядишь, – раздался вдруг чей-то голос, и зрение Елены оказалось временно поражено обилием золота.

Золотисто-каштановые волосы Кэролайн роскошно блестели, а ее кожа загорела до идеально-бронзового цвета. Платье из золотой парчи с рискованным вырезом идеально подчеркивало объем груди. Кэролайн протянула обнаженную руку к Стефану и лениво ему улыбнулась. Вместе они напоминали парочку супермоделей, вломившуюся на школьные танцы. Никого более гламурного и изощренного во всей большой округе не наблюдалось.

– И платьице у тебя такое миленькое, – продолжила Кэролайн, пока разум Елены продолжал машинально работать.

Ее небрежно-властная рука, наконец, ухватила за руку Стефана, объясняя, где Кэролайн была последние несколько недель, и что она все это время готовила.

– Я сказала Стефану, что мы заглянем сюда ненадолго. Так что не обессудь, если танцевать он будет только со мной, ага?

Елену охватило какое-то странное спокойствие; ее мерно гудящий разум был пуст. Встряхнув головой, она стала наблюдать за тем, как Кэролайн, чистая симфония в рыжевatom золоте, вместе со Стефаном отходит в сторону.

Вокруг Елены начали собираться какие-то ребята. Отделавшись от них, она подошла к Мэтту:

– Ты знал, что он придет вместе с ней.

– Я знал, что Кэролайн этого хотела. Она все время таскалась за Стефаном на переменах и после уроков. Вроде как навязывалась. Но...

– Понятно.

Все еще охваченная странным, каким-то искусственным спокойствием, Елена огляделась по сторонам и заметила, что Бонни идет к ней и Мередит тоже встает из-за своего столика. Значит, они все видели. И все остальные, надо полагать, тоже. Не сказав больше ни слова Мэтту, Елена двинулась навстречу подругам, направляясь к женскому туалету.

Там оказалось таклюдно, что Бонни и Мередит воздержались от ярких и откровенных замечаний, но участливо поглядывали на Елену.

– Ты видела ее платье? – спросила Бонни, тайком пожимая Елене руку.

– Спереди оно, наверно, на суперклее держится. А что она на следующие танцы наденет? Целлофан?

– В липкую ленту завернется, – предположила Мередит и тихим голосом добавила: – С тобой все хорошо?

– Да. – Зеркало отразило сверкающий взгляд Елены.

Она пригладила волосы и отвернулась.

Наконец другие девочки освободили туалет, оставляя трех подруг наедине. Бонни теперь нервно возилась с расшитым блестками поясом у себя на талии.

– Может, в конце концов, все не так уж и скверно, – тихо промолвила она. – Я хочу сказать, ведь ты неделями ни о ком, кроме него, не думала. Почти месяц. Так что, может статься, это как раз к лучшему, и ты теперь сможешь заняться другими делами, вместо того чтобы... чтобы его преследовать.

«И ты, Брут?» – горестно подумала Елена.

– Спасибо за поддержку, – вслух сказала она.

– Нет, Елена, не надо так, – вставила Мередит. – Бонни вовсе не пытается сделать тебе больно. Она просто думает...

– И я полагаю, ты тоже так думаешь. Ладно, все в порядке. Тогда, чтобы двигаться дальше, я просто пойду и найду себе другое дело, чтобы им заняться. Например, других подруг, получше. – И она вышла из туалета, оставив Бонни и Мередит глядеть ей вслед.

Снова оказавшись в зале, Елена закружилась в вихре света и музыки. Все вышло еще ярче, чем на всех предыдущих вечеринках. Она танцевала с каждым желающим, слишком громко смеялась, флиртовала со всеми мальчиками подряд.

Наконец ее позвали на коронацию. Елена стояла на сцене, оглядывая похожие на ярких бабочек фигуры внизу. Кто-то вручил ей цветы, кто-то еще надел ей на голову корону с фальшивыми бриллиантами. Послышались энергичные хлопки. Все прошло как во сне.

Елена принялась флиртовать с Тайлером, просто потому, что он оказался ближе всех, когда она сошла со сцены. Затем она вспомнила, как Тайлер с Диком загородили путь Стефану, обломала одну из роз своего букета и вручила ему. Откуда-то сбоку на нее горестно смотрел Мэтт, его губы были плотно сжаты. Позабывтая подружка Тайлера почти плакала.

Теперь в дыхании Тайлера Смоллвуда помимо «двойной мяты» явно ощущался запах алкоголя, а его широкая физиономия покраснелась. Приятели Тайлера со всех сторон окружили Елену, облепив ее кричащей, смеющейся массой, и она заметила как Дик влил в свой бокал с пуншем какую-то жидкость из коричневого бумажного пакета.

Раньше Елена никогда с этими ребятами не общалась. Они бурно приветствовали ее, высказывать свое восхищение, а мальчики наперебой привлекали ее внимание. Шутки звучали со всех сторон. Елена смеялась, даже когда они оказывались лишены всякого смысла. Рука Тайлера обвила ее талию, и Елена рассмеялась еще громче. Краем глаза она видела, как Мэтт качает головой и уходит прочь. Девочки становились все визгливее, мальчики – все вульгарнее. Тайлер тыкался сопливым носом ей в щеку.

– У меня есть идея, – объявил он всей честной компании, еще крепче прижимая к себе Елену, – Давайте пойдем в более веселое место!

– Куда, Тайлер? К тебе домой? – выкрикнул кто-то.

На физиономии Тайлера сияла пьяная, беспечная ухмылка.

– Нет, я имею в виду куда-нибудь, где можно оставить о себе память. Скажем, на кладбище!

Девочки дико завизжали. А мальчики начали толкать друг друга локтями и обменялись шутливыми ударами в челюсть.

Подружка Тайлера по-прежнему стояла чуть поодаль.

– Тайлер, это безумие, – пропищала она тонким голоском. – Ты же знаешь, что случилось с тем стариком. Я туда не поеду.

– Классно, тогда ты останешься здесь. – Тайлер вытащил из кармана ключи от машины и махнул остальной компании. – Ну, кто не боится? – крикнул он.

– Я готов! – откликнулся Дик, и раздался одобрительный хор.

– Я тоже, – поддержала его Елена.

Яркая и вызывающая, она улыбнулась Тайлеру, и тот чуть не оторвал ее от пола.

А затем они с Тайлером повели шумную, хулиганскую толпу на автостоянку, где все принялись набиваться в машины. Тайлер опустил верх своего автомобиля, и Елена забралась на заднее сиденье вместе с Диком и его подружкой по имени Викки Беннетт.

– Елена! – крикнул кто-то от освещенного входа в школу.

– Поехали, – велела она Тайлеру, сняла корону и мотор зарычал.

Послышался резкий визг резины, в лицо дохнул прохладный ночной ветер.

Глава 7

Бонни танцевала с Реймондом, закрыв глаза и позволяя музыке теплыми волнами омыwać ее тело. Когда она на мгновение открыла глаза, оказалось, что Мередит пытается привлечь ее

внимание и подозвать. Сначала Бонни протестующе выдвинула вперед подбородок, но, когда жесты стали еще настойчивее, ей пришлось недовольно закатить глаза и подчиниться. Реймонд последовал за ней.

Мэтт и Эд стояли рядом с Мередит. Мэтт хмурился. Эд явно чувствовал себя неловко.

– Елена только что ушла, – сообщила Мередит.

– У нас свободная страна, – отозвалась Бонни.

– Она ушла с Тайлером Смоллвудом, – уточню Мередит. – Мэтт, ты точно не слышал, куда они собрались?

Мэтт покачал головой.

– Я бы сказал, она заслуживает того, что случится дальше... хотя в некотором смысле тут есть моя вина, – печально промолвил он.

– Пожалуй, нам следует отправиться следом за ней.

– Бросить танцы? – удивленно спросила Бонни и взглянула на Мередит, которая одними губам обозначила ей слова «ты же поклялась». – Нет, просто не верится, – раздраженно пробормотала девочка.

– Не знаю, как мы ее найдем, – сказала Мередит, – Но мы должны попытаться. – Затем она необычно нерешительным голосом добавила: – Слушай, Бонни, а ты случайно не знаешь, где она?

– Что? Я? Нет, конечно же, нет. Я просто танцевала. Зачем еще, по-твоему, ходят на танцы?

– Вы с Реем останетесь здесь, – сказал Мэтт Эду. – Если она вернется, скажите, что мы ее ищем.

– Если мы готовы, нам лучше пойти прямо сейчас, – нелюбезно встала Бонни.

Резко повернувшись, она уткнулась в темный блейзер.

– Охх, извините, – буркнула девочка, поднимая глаза и узнав Стефана Сальваторе.

Юноша ничего не сказал, и они с Мэттом и Мередит направились к двери, оставляя позади стоящих с несчастным видом Реймонда и Эда.

Звезды в безоблачном небе казались яркими и прозрачными как кусочки льда. Елена чувствовала себя одной из них. Она смеялась и кричала вместе с Диком, Викки и Тайлером, заглушая шум ветра, и одновременно словно наблюдала за всем этим откуда-то издалека.

Тайлер припарковался на полпути вверх по холму к разрушенной церкви и оставил фары включенными. Хотя от школы за ними отправились еще несколько машин, до кладбища почему-то удалось добраться только им.

Тайлер открыл багажник и вытащил оттуда блок из шести банок пива.

– Нам больше достанется.

Он предложил пиво Елене, но та лишь покачала головой, старательно пытаясь игнорировать неприятное чувство внизу живота. Почему-то Елена чувствовала, что им не нужно здесь находиться, хотя прямо сейчас решительно не желала этого признавать.

Они стали подниматься дальше по устланной каменными плитами дорожке. Девочки с большим трудом ковыляли на высоких каблуках, опираясь на руки парней. Когда они добрались до гребня холма, Елена охнула, а Викки пронзительно вскрикнула.

Гигантский красный диск висел над самым горизонтом. Только несколько секунд спустя Елена поняла, что это луна. Огромная и несколько нереальная, эта луна тускло сияла каким-то нездоровым светом и казалась реквизитом научно-фантастического фильма.

– Совсем как большая гнилая тыква, – прошипел Тайлер и бросил в луну камнем.

Елена заставила себя, как ни в чем не бывало, ему улыбнуться.

– Почему бы нам туда не зайти? – предложила Викки, свободной рукой указывая на зияющее отверстие дверного проема церкви.

Большая часть церковной крыши уже рухнула, но высокая колокольня по-прежнему возвышалась над кладбищем. Три стены еще стояли, а четвертая была всего лишь по колено высотой. Повсюду валялись груды камней. Внезапно у самой щеки Елены, вспыхнул яркий свет. Пораженная, она резко повернулась и увидела, что Тайлер держит в руке зажигалку. Парень ухмыльнулся, показывая крепкие белые зубы, а затем спросил:

– Ну как, хочешь моим «биком» пощелкать?

Желая скрыть внезапную неловкость, Елена рассмеялась громче остальных, взяла у Тайлера зажигалку и осветила гробницу в боковой части церкви. На первый взгляд казалось, что эта гробница ничем не отличается от множества подобных по всему кладбищу, однако отец Елены говорил, что видел похожие усыпальницы в Англии. Внешне она выглядела как каменный ящик, достаточно большой для двух человек, с двумя белыми мраморными человеческими фигурами, словно прилеглими отдохнуть на крышку.

– Томас Кипинг Фелл и Онория Фелл, – с широким жестом объявил Тайлер, словно представляя их присутствующим. – Старина Томас предположительно основал Феллс-Черч. Хотя на самом деле Смоллвуды тоже в то время здесь обитали. Прапрадед моего прадеда жил в долине у Утопшего ручья...

– ...пока его там волки не съели, – сострил Дик и запрокинул голову в подражание волку.

Затем он рыгнул. Викки захихикала. На широкой физиономии Тайлера выразилось раздражение, но он все же сподобился выдавить из себя улыбку.

– Томас и Онория бледноваты на вид, – заметила Викки, все еще хихикая. – Думаю, не помешало бы их немного подкрасить. – Достав из сумочки помаду, она принялась покрывать мраморные губы женской фигуры алым блестящим слоем.

Елена ощутила где-то внутри еще один болезненный укол. В раннем детстве ее всегда завораживали эта бледная дама и этот суровый мужчина, которые лежали с закрытыми глазами, сложив руки на груди. И покойные родители теперь представлялись ей точно так же, лежащими бок о бок чуть дальше на кладбище. Однако Елена лишь подняла зажигалку повыше, пока Викки рисовала губной помадой усы и клоунский нос Томасу Феллу.

Тайлер внимательно за ними наблюдал:

– Ну вот, теперь они классно прикинуты, но пойти им некуда. – Он уперся ладонями в каменную крышку и приналег, пытаясь столкнуть ее в бок. – Как думаешь, Дик, может, устроить им ночную прогулку по городку? Пусть прямо сейчас по центру прогуляются.

«Нет!» – в ужасе подумала Елена, когда Дик **согласился**, и Викки чуть не захлебнулась от смеха.

Затем Дик пристроился рядом с Тайлером. Упершись ладонями в каменную крышку, они приготовились.

– На счет три, – сказал Тайлер и тут же отсчитал: – Раз, два, три.

Елена не сводила испуганных глаз с клоунского лица Томаса Фелла, пока мальчики кричали и тужились. Мышцы вздувались у них под одеждой. Но крышку им не удалось сдвинуть ни на дюйм.

– Проклятая ерундовина, должно быть, как-то тут присобачена, – злобно процедил Тайлер, отворачиваясь и выходя.

Елена облегченно выдохнула. Стараясь казаться непринужденной, она оперлась о каменную крышку гробницы – и тут-то все и случилось.

Раздался каменный скрежет, Елена почувствовала, как крышка сдвигается под ее левой рукой, и стала терять равновесие. Зажигалка выпала, а Елена закричала и взмахнула руками, стараясь удержаться на ногах. Она падала в открытую гробницу, и ее обдувал ледяной ветер. В ушах у Елены звенели крики.

Наконец ей все-таки удалось вернуть себе равновесие, и она бросилась вон из церкви. В лунном свете она взглянула на лица остальных. Тайлер ее поддержал. Елена с диким видом огляделась по сторонам.

– Ты спятила? Что случилось? – Тайлер с силой ее тряс.

– Она сдвинулась! Крышка сдвинулась! Она скользнула в сторону... гробница открылась... я не знаю... я чуть туда не упала! Там так холодно...

Парни хохотали.

– Несчастливая крошка перепугалась, – резюмировал Тайлер.

– Ладно, Дик, давай посмотрим...

– Нет, Тайлер, нет...

Но парни уже вернулись в церковь. Викки осталась в проходе, наблюдая за отчаянно дрожащей Еленой. Вскоре Тайлер их позвал.

– Вот, посмотри, – сказал он, когда она с неохотой туда подошла.

Отыскав упавшую зажигалку, Тайлер поднял ее над мраморной грудью Томаса.

– Здесь все как было. По-прежнему тепло и темно. Понимаешь?

Елена уставилась на идеально прилегающую крышку.

– Но она действительно сдвинулась. Я чуть туда не упала.

– Конечно, как скажешь, детка. – Тайлер обнял ее со спины.

Оглянувшись, Елена увидела, что Дик и Викки стоят в точно такой же позе, причем Викки, закрыв глаза, похоже, наслаждается этим. Тайлер потерся подбородком о ее волосы.

– Хочу как можно скорее вернуться на танцы, – ровным тоном произнесла Елена.

Последовала пауза, подбородок перестал тереться о ее волосы. Затем Тайлер вздохнул и сказал:

– Конечно, детка. – Он взглянул на Дика и Викки. – А вы как думаете?

Дик ухмыльнулся:

– А мы лучше пока здесь останемся.

Викки хихикнула, не открывая глаз.

– Ладно. – Елена не очень понимала, как Дик и Викки собираются возвращаться, но позволила Тайлеру вывести себя из церкви.

Снаружи он, однако, помедлил.

– Нет, – произнес он, – я просто не могу тебя отпустить, пока ты не взглянешь на могилу моего деда. Ну, давай же, Елена, идем. – Тайлер потянул ее за руку, когда она было запротестовала.

– Перестань, не оскорбляй моих чувств. Ты непременно должна ее увидеть – это предмет гордости всей нашей семьи.

Елена заставила себя улыбнуться, хотя в животе у нее словно застыл лед. Возможно, если она будет потакать Тайлеру, он скорее ее оттуда вызволит.

– Хорошо, – сказала Елена и направилась на кладбище.

– Нет, не туда. Вот сюда. – И в следующее мгновение Тайлер повел ее в сторону старых захоронений.

– Вообще-то это совсем недалеко от тропы. Вон там, видишь? – Он указал одно из надгробий, сияющее под лунным светом.

Елена охнула, и сердце ее сжалось. Там словно возвышался гигант с круглой безволосой головой. Елене совсем не нравилось находиться среди этих наклонных гранитных плит, оставшихся от прошедших столетий. От яркого лунного света кругом ловились странные тени, а между надгробиями образовывались пятна непроницаемой черноты.

– Там просто шар наверху, – объяснил Тайлер, притягивая Елену с тропы и подводя ее к сияющему надгробию.

Оно было высечено из красного мрамора, так что венчающий его массивный шар напоминал раздутую и багровую луну. Но настоящая луна теперь сияла им, белая как каменные руки Томаса Фелла. Елена не смогла сдержать дрожь.

– Бедняжка, ты замерзла. Надо бы тебя согреть, – миготом отреагировал Тайлер, прижимая ее к себе.

Елена попыталась его оттолкнуть, но он был слишком силен.

– Тайлер, я хочу уйти. Я прямо сейчас хочу отсюда уйти...

– Конечно, детка, мы отсюда уйдем, – согласился Тайлер. – Но сперва надо тебя согреть. Ведь ты черт знает, как замерзла.

– Тайлер, прекрати, – раздельно выговорила Елена.

Руки Тайлера уже перестали просто ее обнимать; теперь эти руки жадно шарили по ее телу, нащупывая обнаженную кожу.

Еще ни разу в жизни Елена не оказывалась в подобной ситуации. И помочь ей никто не мог. Она нацелила острый каблук на подъем ботинка из патентованной кожи, но парень вовремя отдернул ногу.

– Тайлер, убери руки!

– Брось, Елена, не дергайся, я просто хочу как следует тебя согреть...

– Тайлер, отпусти, – выдохнула Елена и попыталась вырваться.

Парень оступился, и они оба полетели в сплетение плюща и сорняков. Тайлер оказался сверху, всей своей тяжестью придавливая ее к земле.

Елена в отчаянии зашипела:

– Я убью тебя Тайлер. Я серьезно. Убери руки.

По-дурацки хихикая, Тайлер попытался перекатиться на бок, но ставшие вдруг тяжелыми и неловкими руки и ноги не слушались его.

– Ну-ну, брось, Елена, не психуй. Я просто тебя согреваю. Ведь Елена – Снежная королева, ее надо согреть... Теперь тебе уже теплее, правда?

Внезапно Елена почувствовала, как он тычется ей в щеку горячими и влажными губами.

Тайлер по-прежнему прижимал ее к земле и уже лепил слюнявые поцелуи ей на шею. Тут Елена услышала, как рвется ткань.

– Охх! – прохрипел Тайлер. – Извини.

Елена повернула голову, и ее рот наткнулся на руку Тайлера, неловко ласкающую ее щеку. Она со злобным наслаждением погрузила зубы в мясистую ладонь.

Укус вышел очень неплохим – Елена ощутила вкус крови и услышала возмущенный вопль Тайлера. Рука тут же отдернулась.

– Эй! Я же извинился! – Тайлер обиженно разглядывал укушенную ладонь.

Затем лицо его потемнело от гнева, и, не сводя глаз с ладони, он сжал руку в кулак.

«Вот тебе и на, – с кошмарным спокойствием подумала Елена. – Кажется, он собирается либо изнасиловать меня, либо убить».

Она собралась с духом и приготовилась к получению удара.

* * *

Стефан изо всех сил сопротивлялся побуждению пойти на кладбище. Все в нем восставало против этой мысли. Ведь когда он в последний раз там оказался, пострадал невинный старик.

Дикий ужас пронзил его при этом воспоминании. Стефан мог бы поклясться, что он вовсе не опустошил старого бродягу под мостом, взял у него совсем немного крови, не причинил серьезного вреда. Но воспоминания о том вечере после всплеска Силы были какими-то спутанными и разрозненными. Если, конечно, там вообще случился всплеск Силы. Может статься, то было лишь его воображение – или вообще дело его рук. Страннейшие вещи могли происходить, когда потребность выходила из-под контроля.

Стефан зажмурился. Когда он слышал, что того старика госпитализировали в полумертвом состоянии, то испытал настоящий шок. Как он позволил себе так далеко зайти? Случилось почти убийство – а ведь он никого не лишал жизни с тех самых пор, как...

Нет, думать об этом Стефан просто не мог себе позволить.

Теперь, стоя в крошечной тьме перед кладбищенскими воротами, Стефан ничего так не хотел, как уйти отсюда прочь. Вернуться назад на танцы, где он оставил Кэролайн, податливое создание, которое было рядом с ним в полной безопасности, потому что ровным счетом ничего для него не значило.

Но Стефан не мог вернуться, потому что Елена оказалась на кладбище. Он чувал ее присутствие. А теперь он ощущал, как ее страх возрастает с каждой секундой. Елена оказалась на кладбище, попала в беду, и Стефан просто должен был ее найти.

Юноша уже был на полпути вверх по холму, когда вдруг нахлынуло головокружение. Едва удерживая равновесие, Стефан поднимался к церкви, темный силуэт которой был единственным, что он мог держать в фокусе. Серые волны тумана прокатывались у него в голове, но Стефан упорно продолжал двигаться дальше. Он был слаб, так слаб... И беспомощен против страшной силы этого головокружения.

Стефану отчаянно требовалось добраться... добраться до Елены... но он был слаб, совсем слаб... а если он собирался помочь Елене, ему требовалось...

Тут перед ним разверзся вход в церковь.

* * *

Над левым плечом Тайлера Елена видела луну.

«Как это органично, если последним, что ты видишь в этой жизни, оказывается именно луна», – подумала девочка. И крик застрял у нее в горле.

А затем что-то вдруг подхватило Тайлера и отшвырнуло прямо на надгробие его дедушки.

По крайней мере, Елене так показалось. Она перекатилась на бок, отчаянно задыхаясь, одной рукой придерживая на себе разорванное платье, другой лихорадочно шаря вокруг в поисках оружия.

Оно ей не потребовалось. Что-то задвигалось в темноте, и она узнала человека, который оторвал от нее Тайлера. Стефан Сальваторе. Но такого Стефана Елена еще никогда не видела: его тонкое лицо было белым от холодной ярости, а в зеленых глазах пылал огонь убийства. Даже не двигаясь, Стефан источал страшную угрозу, и Елена вдруг поняла, что боится его больше, чем Тайлера.

– Когда я впервые тебя увидел, то сразу понял, что ты никогда не научишься хорошим манерам, – произнес Стефан голосом негромким, но твердым, а у Елены вдруг странным образом закружилась голова.

Она не могла отвести глаз от Стефана, пока он приближался к Тайлеру, который, обалдело мотая головой, уже начинал подниматься. Стефан двигался как танцор, каждое его движение оказывалось легким, точно контролируемым.

– Но я понятия не имел, что ты настолько недоразвит.

Рослый верзила вытянул перед собой мясистую руку, однако Стефан почти с издевательской легкостью врезал ему по скуле. Со стороны показалось, что он почти его не коснулся.

Тайлер отлетел к другому надгробию. Затем опять поднялся на ноги и встал, тяжело дыша и сверкая глазами. Елена заметила, что из носа у парня течет красная струйка. Наконец Тайлер бросился на противника.

– Джентльмен никому не навязывает свою компанию, – нравоучительно произнес Стефан и снова взмахнул кулаком.

Тайлер растянулся на земле, зарывшись лицом в сорняки. На сей раз, он поднимался заметно медленней, а кровь текла из обеих его ноздрей и изо рта. Пялясь на Стефана, он хрипел как испуганный кролик.

Стефан схватил Тайлера за куртку и крепко встряхнул, игнорируя хаотичное движение больших мясистых кулаков. Затем он рванул противника на себя и снова бросил его на землю.

– Джентльмен не оскорбляет женщин, – продолжил Стефан.

Лицо Тайлера было зверски искажено, глаза его лезли на лоб, но он все же сумел ухватить противника за ногу. Стефан рывком поднял его и снова потряс. Тайлер внезапно обмяк, как тряпичная кукла, глаза его совсем закатились. Крепко удерживая Тайлера за грудки и сильно встряхивая при каждом слове, Стефан продолжил свое наставление:

– А самое главное, он никогда не причиняет женщине никакого вреда...

– Стефан! – воскликнула Елена.

Голова Тайлера от каждой встряски болталась из стороны в сторону. Именно это зрелище Елену и напугало: она боялась того, что Стефан мог сделать дальше. Но больше всего ее пугал холодный голос Стефана, который был похож на пляшущую рапиру – смертоносную и безжалостную.

– Стефан, прекрати.

Стефан резко повернул к ней голову, и на лице у него отразилось удивление, будто он совершенно забыл о присутствии Елены. Какое-то мгновение он глядел, не узнавая ее, глаза его были черными в лунном свете. Елена невольно подумала о каком-то хищнике – о громадной птице или плотоядном животном, которому чуждо все человеческое. Затем взгляд Стефана стал более осмысленным, и глаза будто бы посветлели.

Стефан обернулся на Тайлера, после чего аккуратно опустил его на красное мраморное надгробие. Колени Тайлера подогнулись, и он развалился на могиле, но, к удивлению Елены, глаза парня открылись – по крайней мере левый. Правый уже заплыл и теперь стремительно превращался в узкую щелку.

– С ним все будет в порядке, – опустошенно выдохнул Стефан.

Чувствуя, как страх постепенно уходит, Елена тоже ощутила опустошение.

«Шок, – подумала она. – Я в шоке. И в любую минуту могу впасть в истерику».

– Тебя некому проводить домой? – спросил Стефан, все еще леденяще-смертоносным голосом.

Елена подумала о Дике и Викки, которые черт знает чем занимались возле статуи Томаса Фелла.

– Некому, – ответила она.

Разум снова начинал работать, подмечая все до мелочей. Фиолетовое платье было зверски разорвано спереди – фактически загублено. Чисто механически Елена старалась его придерживать.

– Давай я тебя отвезу, – предложил Стефан.

Даже сквозь оглушающую пустоту Елена вдруг ощутила новый прилив страха. Она внимательно оглядела элегантную фигуру, стоящую среди надгробий. Лицо Стефана казалось совсем бледным в лунном свете. Раньше он никогда не представлялся Елене таким... таким прекрасным. Однако эта красота была какой-то чужеродной. Не просто иностранной, а почти нечеловеческой, ибо ни один человек не мог источать такую ауру силы – или, раз уж на то пошло, отчужденности.

– Спасибо. Очень мило с твоей стороны, – медленно выговорила Елена.

Больше ей ничего не оставалось.

Они оставили Тайлера мучительно подниматься на ноги рядом с надгробием его предка. Елена ощутила еще один приступ страха, когда они добрались до тропы, и Стефан повернул к Плетеному мосту.

– Нам придется забрать машину у пансионата, – объяснил он. – Так мы быстрее всего туда доберемся.

– Так ты пришел этим путем?

– Нет. Я не переходил через мост. Но так будет безопасно.

Елена ему поверила. Бледный и безмолвный Стефан шел рядом с ней, не касаясь ее. Сняв блейзер, он набросил его ей на голые плечи. Елена почему-то не сомневалась, что Стефан убьет любого, кто попытается на нее напасть.

Плетеный мост белел в лунном свете, а внизу ледяные воды речушки крутились меж древних камней. Весь мир был недвижим, прекрасен и холоден, пока Елена и Стефан сквозь дубовую рощу шли к проселочной дороге.

Миновав огороженные пастбища и темные поля, они, наконец, добрались до длинной и извилистой подъездной дорожки. Пансионат представлял собой пассивное здание красно-коричневого кирпича, изготовленного из природной глины, а вокруг него возвышались старинные кедры и клены. Все окна, кроме одного, были темны.

По скрипучей лестнице Елена и Стефан поднялись к плохо освещенной площадке на втором этаже. А там, к удивлению Елены, Стефан провел ее через одну из комнат и открыл дверь, которая по всем признакам должна была вести в чулан. Однако за этой дверью Елена увидела очень крутую, очень узкую лестницу.

«Какое странное место, – подумала девочка. – Э то же потайная лестница, укрытая в самом центре дома, куда снаружи не может проникнуть ни один звук».

Поднявшись по лестнице, Елена вошла в просторную комнату, которая занимала почти весь третий этаж здания.

Комната оказалась освещена так же плохо, как и лестница, но Елена все же смогла разглядеть грязноватый деревянный пол и обнаженные брусья наклонного потолка. По всем сторонам там располагались высокие окна, а массивная мебель была завалена множеством разнообразных чемоданов.

Тут Елена поняла, что Стефан внимательно за ней наблюдает.

– А есть тут ванная, где я бы смогла...

Стефан молча кивнул в сторону одной из дверей. Елена сняла блейзер, не глядя протянула его юноше и направилась в ванную.

Глава 8

Входя в ванную, Елена чувствовала легкое головокружение и искреннюю благодарность. А вышла она оттуда в гневе. Девочка и сама не вполне понимала, как произошла такая резкая трансформация. Просто, промывая царапины на лице и руках, досадуя на отсутствие зеркала и на тот факт, что ее сумочка осталась в машине Тайлера, Елена снова начала испытывать нормальные человеческие эмоции. И первой такой эмоцией стал гнев.

Проклятый Стефан Сальваторе! Черт бы его побрал! Как он был сдержан и холоден – даже когда спасал ее жизнь! Будь он проклят за свою вежливость, за свою галантность! И за те стены вокруг его персоны, которые теперь казались Елене непреодолимыми.

Вытащив из волос оставшиеся шпильки, Елена скрепила ими перед своего платья. Затем пробежала по распущенным волосам резной костяной расческой, которую нашла у раковины. Из ванной Елена вышла с высоко поднятым подбородком и надменно прищуренными глазами.

Стефан так и не надел свой блейзер. Он стоял у окна в белом свитерке, склонив голову и напряженно ожидая. Когда Елена снова появилась в комнате, он, не поднимая головы, указал на солидный отрез темного бархата, брошенный на спинку стула.

– Возможно, ты захочешь накинуть это поверх платья.

Отрез бархата оказался роскошным мягким плащом с высоким воротником. Елена набросила его себе на плечи. Однако щедрый дар вовсе ее не умиловил, к тому же она подметила, что Стефан не сделал к ней ни одного шага и даже не посмотрел на нее, пока говорил.

Закутываясь в плащ, Елена намеренно вторглась в личное пространство Стефана, даже в этот момент стоявшего неподвижно и молча оценивавшего красоту тяжелых бархатных складок, струящихся вдоль ее тела на пол. Вплотную подойдя к Стефану, она внимательно осмотрела массивный комод красного дерева у окна.

На комоде лежал зловещный на вид кинжал с рукояткой из слоновой кости, и стояла изящная агатовая чаша в серебряной оправе. Там также оказалась золотая сфера с чем-то напоминающим циферблат, а также несколько золотых монет.

Елена взяла одну из монет. Отчасти ей было интересно, а отчасти она желала досадить Стефану, которого, безусловно, должна была задеть бесцеремонность, с какой она трогала его вещи.

– Что это такое?

Стефан выдержал долгую паузу и лишь затем ответил:

– Золотой флорин. Венецианская монета.

– А это?

– Немецкие часы-кулон. Конец пятнадцатого столетия, – рассеянно ответил юноша. Затем добавил. – Послушай, Елена...

Прежде чем он успел продолжить, Елена протянула руку к небольшому железному ларцу с крышкой на петлях:

– А это что? Он открывается?

– Нет! – У Стефана были поистине кошачьи рефлексы – его рука мгновенно хлопнула по ларцу, удерживая крышку. – Это личная вещь, – со странным напряжением в голосе сказал он.

Елена с неудовольствием заметила, что ладонь Стефана с предельной аккуратностью коснулась только выпуклой металлической крышки, но не ее руки. Тогда она подняла пальцы, и юноша тут же убрал руку.

Гнев вспыхнул с новой силой, и Елена не могла больше сдерживаться.

– Осторожно, – свирепо процедила она. – Не прикасайся ко мне, а то заразишься.

Стефан отвернулся к окну.

И все же, отстранившись от Стефана и вернувшись в центр комнаты, Елена почувствовала, что он внимательно наблюдает за ее отражением. И вдруг девочка поняла, какой она ему в этот момент предстает: светлые волосы рассыпались по черноте плаща, белая рука удерживает бархат у горла. Разгневанная принцесса, расхаживающая по своей башне.

Елена наклонила голову, чтобы взглянуть на люк в потолке, и услышала негромкий, но отчетливый вздох. Когда она повернулась, пристальный взгляд Стефана был сосредоточен на ее

обнаженном горле; в глазах у него застыло странное выражение. Однако в следующий миг лицо парня словно застыло, и он отвернулся.

– Пожалуй, – хрипло выговорил Стефан, – Мне лучше проводить тебя домой.

В этот момент Елене захотелось причинить ему боль, заставить испытывать такие же скверные ощущения, какие охватили ее. Но она также хотела знать правду. Елена устала от этой дешевой игры, устала составлять сложные схемы, без конца планировать и пытаться угадать мысли Стефана Сальваторе. Поэтому ужасным и одновременно чудесным облегчением для нее стали невольно слетевшие с ее языка слова, которые так долго вертелись в голове:

– За что ты меня так ненавидишь?

Стефан пристально на нее посмотрел. На мгновение показалось, будто он просто не в силах подобрать слова. Но затем он четко произнес:

– Я вовсе тебя не ненавижу.

– Ненавидишь, – сказала Елена. – Я знаю, не очень... не очень вежливо так говорить, но мне наплевать. Я знаю, я должна быть благодарна тебе за то, что сегодня вечером ты меня спас, но мне и на это тоже наплевать. Я вовсе не просила меня спасти. Между прочим, я даже не знаю, почему ты вообще оказался на кладбище. И я совершенно не понимаю, почему ты так поступил, особенно учитывая те чувства, которые ты ко мне испытываешь.

Качая головой, Стефан негромко выговорил:

– Я не испытываю к тебе ненависти.

– С самого начала ты избегал меня так, как будто я... не знаю, прокаженная. Я пыталась вести себя дружелюбно, а ты швырнул мне это дружелюбие прямо в лицо. Разве джентльмен так поступает, когда кто-то пытается его поприветствовать?

Стефан опять пытался что-то сказать, но Елена неслась дальше, не задумываясь:

– Ты раз за разом публично мною пренебрегал, ты на глазах у всех унижал меня в школе. Ты и теперь словно не желаешь меня замечать, если только это не оказывается вопросом жизни и смерти. Что только так я могу вытянуть из тебя хоть словечко? Только когда кого-то чуть ли не убивают? И даже сейчас, – горестно продолжила Елена, – даже сейчас ты не хочешь, чтобы я оказывалась рядом с тобой. Что ты за человек, Стефан Сальваторе, что ты так живешь? Почему тебе приходится обставлять себя стенами, чтобы другие люди за них не проникли? Почему ты не можешь никому доверять? Что с тобой, в самом деле, такое?

Теперь Стефан молчал, отвернувшись от Елены. Она на быстро перевела дух, расправила плечи и повыше подняла голову – даже несмотря на то, что в глазах у нее блеснули слезы.

– И что такое со мной, – добавила она, уже чуть потише, – что ты даже не можешь на меня смотреть, зато всю позволяешь Кэролайн Форбс за тобой увиваться? По-моему, хотя бы это я все-таки имею право знать. Ладно, я больше никогда тебя не потревожу и даже не заговорю с тобой в школе, но, прежде чем я отсюда уйду, я хочу узнать правду. Скажи, Стефан, за что ты так меня ненавидишь?

Стефан медленно повернулся и поднял голову. Его смертельно грустные глаза смотрели в никуда, и в Елене словно что-то перевернулось от той боли, отражение которой она увидела на его лице.

Голос Стефана по-прежнему остался выдержанным – но где-то на самой грани. Елена явственно слышала, какие отчаянные усилия требуются юноше, чтобы говорить ровным тоном.

– Да, Елена, – произнес Стефан, – думаю, у тебя есть право знать.

Тут он посмотрел ей прямо в глаза, и она подумала: «Неужели все так скверно? Что может быть хуже?»

– Я не испытываю к тебе ненависти, – продолжил юноша, тщательно, отдельно произнося каждое слово. – Я никогда тебя не ненавидел. Просто ты... ты мне кое-кого напоминаешь.

Елена оказалась захвачена врасплох. Она ожидала чего угодно, только не этого.

– Я напоминаю тебе какую-то знакомую?

– Да, знакомую, – тихо подтвердил Стефан.

– Но, – медленно добавил он, словно втайне недоумевая, – на самом деле ты совсем другая. Она действительно на тебя походила, но была хрупкой, нежной. Уязвимой. Как внутри, так и снаружи.

– А я не такая.

Стефан издал звук, который вполне можно было принять за смешок, если бы он не был таким печальным:

– Да. Ты не такая. Ты воительница. Ты... это ты.

Некоторое время Елена безмолвствовала. Видя боль на его лице, она с трудом, но все же сдерживала гнев.

– Ты был с ней очень близок?

– Да.

– А что случилось потом?

Последовала долгая пауза, такая долгая, что Елена даже подумала, будто Стефан вообще не собирается отвечать. Наконец он промолвил:

– Она умерла.

Елена шумно выдохнула. Последний остаток ее гнева испарился.

– Должно быть, это ужасно больно, – негромко посочувствовала она, думая о белом надгробии Гилбертов среди сорняков. – Извини.

Стефан промолчал. На лицо его снова словно упала тень. Взгляд юноши обратился внутрь, на что-то ужасное, разбивающее сердце, что мог видеть только он. Но в выражении его лица сквозило не просто горе. Сквозь плотные стены, сквозь все хрупкое самообладание Елена смогла разглядеть невыносимое познание вины и жуткое одиночество. Вид у Стефана был такой потерянный и одержимый, что Елена, сама того не желая, пододвинулась к нему ближе.

– Стефан, – прошептала она.

Казалось, он ее не услышал; казалось, он заново переживал какое-то давнишнее несчастье.

Елена не смогла удержаться и положила ему руку на плечо:

– Поверь, Стефан, я знаю, как это может быть больно...

– Ты не можешь этого знать! – внезапно крикнул Стефан, и вся изящная оболочка его сдержанности вдруг взорвалась белой яростью.

Он опустил взгляд на руку Елены, словно не понимая, как она там оказалась, и разгневанный тем, что девочка осмелилась прикоснуться к нему. Зеленые глаза юноши были темными, когда он стянул чужую ладонь со своего плеча и поднял руку, чтобы помешать Елене снова до него дотронуться... но, взяв руку Елены, Стефан уже не смог ее отпустить и только с изумлением наблюдал, как их пальцы переплетаются, словно навеки объединяя их. Наконец потрясенный взгляд юноши перешел от сплетенных пальцев на лицо девочки.

– Елена, – прошептал Стефан.

Елена увидела его страдальческий взгляд и поняла, что он просто не может больше с собой бороться. Оборона замка пала, стены, наконец, рухнули, и она ясно увидела, что лежит по ту сторону.

Стефан обреченно наклонил голову к ее губам.

* * *

– Погоди... остановись здесь, – велела Бонни.

– По-моему, я что-то увидела.

Потрепанный «форд» Мэтта притормозил, съезжая к обочине дороги, где густо росла ежевика. Впереди что-то мерцало, постепенно к ним приближаясь.

– Боже мой, – вымолвила Мередит.

– Это Викки Беннетт.

Девушка проковыляла на освещенное фарами место и остановилась, покачиваясь, пока Мэтт тормозил. Ее кудрявые светло-каштановые волосы бы всклочены, а взгляд казался остекленевшим. Лицо Викки было измазано грязью. Из одежды на ней осталась лишь тонкая комбинация.

– Давайте посадим ее в машину, – сказал Мэтт.

Мередит уже открывала дверцу. Выскочив наружу, она подбежала к девочке, явно пребывавшей в состоянии шока.

– Викки, с тобой все хорошо? Что с тобой случилось?

Викки простонала, все еще глядя прямо перед собой. Затем она словно вдруг увидела Мередит и крепко ухватила за нее, впиваясь ногтями в кожу.

– Убирайтесь отсюда! – выдохнула Викки, и глаза ее переполнились отчаянным страданием.

Хриплый голос девочки звучал сдавленно, как будто у нее что-то было во рту.

– Убирайтесь отсюда оно надвигается.

– Что надвигается? Викки, где Елена?

– Убирайтесь немедленно...

Мередит внимательно посмотрела на дорогу, затем провела дрожащую девочку к машине.

– Мы заберем тебя отсюда, – спокойно сказала она, – но ты должна рассказать нам, что стряслось. Бонни, дай мне твою шаль. Она вся дрожит.

– С ней что-то такое сделали, – угрюмо заметил Мэтт. – А дрожит она от шока. Весь вопрос в том, где все остальные. Викки, Елена была с вами?

Викки рыдала, закрыв лицо ладонями, пока Мередит закутывала ее в переливчатую розовую шаль Бонни.

– Нет... Дик, – невнятно произнесла девочка. Похоже, ей было больно говорить. – Мы были в церкви... это было ужасно. Оно пришло... словно обволакивало. Темный туман. И глаза. Я видела глаза в темноте, они горели. Они меня жгли...

– Она в бреду, – предположила Бонни. – Или в истерике. Как хотите, называйте.

– Викки, пожалуйста, скажи нам только одно, – медленно и отдельно заговорил Мэтт. – Где Елена? Что с ней случилось?

– Не знаю, – Викки подняла заплаканное лицо к небу. – Мы с Диком... мы были одни. Мы были вместе... а потом оно вдруг оказалось вокруг нас. Я не могла убежать. Елена сказала, что гробница открылась. Может быть, оно вышло оттуда. Это было ужасно...

– Они были на кладбище, в разрушенной церкви, – верно истолковала Мередит. – И Елена была вместе с ними. А теперь... да вы только на нее посмотрите!

В тусклом свете салона все смогли различить глубокие свежие царапины, бегущие по шее Викки к кружевному лифу ее комбинации.

– Похоже на отметины от когтей какого-то животного, – предположила Бонни. – Скажем, с кошки.

– Того старика под мостом явно не кошка обработала, – заметил Мэтт.

Лицо его оставалось бледным, а на щеках вздувались желваки. Мередит проследила за его пристальным взглядом в сторону дороги, а затем покачала головой.

– Нет, Мэтт, сперва мы должны забрать ее. Должны, – подчеркнула она. – Послушай меня, я ведь о Елене не меньше твоего беспокоюсь. Но Викки нужен доктор, и нам необходимо вызвать полицию. Мы просто обязаны вернуться.

Мэтт еще долгое время смотрел на дорогу, а затем решительно выдохнул. Захлопнув дверцу, с резким рывком включил первую передачу и развернул машину.

Всю обратную дорогу в город Викки стонала и что-то бормотала про глаза во тьме.

* * *

Елена почувствовала, как губы Стефана осторожно прикасаются к ее губам.

А дальше... дальше все оказалось так просто. Все вопросы получили свои ответы, все страхи растворились, все сомнения развеялись. Елена чувствовала не просто страсть, а колоссальную нежность и любовь настолько сильную, что она едва не сотрясала все ее тело. Эта любовь могла стать пугающей, но теперь, оказавшись со Стефаном, Елена уже ничего не боялась.

Здесь она почувствовала себя как дома.

Вот где было ее место – рядом со Стефаном. Наконец-то она его нашла!

Стефан слегка отстранился, и Елена почувствовала, что он дрожит.

– Ах, Елена, – прошептал юноша прямо ей в губы. – Нам нельзя...

– Но мы уже это делаем, – прошептала в ответ Елена и снова притянула его к себе.

Казалось, что Елена могла слышать мысли Стефана, чувствовать его эмоции.

Удовольствие и желание вспыхивали между ними, соединяя их, притягивая друг к другу. И Елена также ощущала внутри Стефана родник еще более глубоких эмоций. Он хотел вечно защищать ее от любой опасности. Он хотел оградить Елену от всего зла, которое ей угрожало. Хотел объединить ее жизнь со своей.

Елена почувствовала нежный напор его губ и едва смогла снести сладость поцелуя.

«Вот оно, счастье», – подумала она.

Радостное ощущение растекалось по ее телу, подобно тихой ряби, пробегающей по зеркалу тихого, прозрачного пруда. Елена утопала во взаимных чувствах – в радости, которую она чувствовала в Стефане, и в восхитительном ответном порыве, который исходил от нее самой. Любовь Стефана омывала ее, сияла, подобно солнцу, освещая все потаенные темные уголки ее души. Елена вся дрожала от удовольствия, от любви и страстного желания.

Стефан медленно отстранился, словно совершенно не желая этого, и они с невероятной радостью посмотрели друг другу в глаза. Говорить было не о чем. Нужды в словах просто не было. Стефан погладил светлые локоны Елены, так легко, что она едва это почувствовала, словно он боялся, что она может сломаться в его руках. И тут Елена окончательно поняла, что вовсе не ненависть заставляла Стефана так долго ее избегать. Нет, совсем не ненависть.

Елена понятия не имела, сколько часов или столетий пролетело, прежде чем они тихо сошли по лестнице пансионата. В любое другое время она с восторгом забралась бы в черную блестящую машину Стефана, но теперь она едва ее заметила. Стефан держал Елену за руку, пока они ехали по безлюдным улицам.

Первым, что Елена заметила, когда они приблизились к ее дому, были вспышки огней.

– Там полиция, – сказала она, с трудом снова обретая способность говорить.

Странно было разговаривать после столь долгого молчания.

– И машина Роберта стоит на подъездной дорожке. А вон машина Мэтта. – Елена взглянула на Стефана, и наполнивший ее покой вдруг показался невероятие хрупким. – Интересно, что случилось. Ты ведь не думаешь, что Тайлер уже обо всем рассказал?..

– Даже Тайлер не такой идиот, – отозвался Стефан.

Он припарковался рядом с одной из полицейских машин, и Елена с неохотой отпустила его руку. Она всем сердцем желала, чтобы они со Стефаном просто могли все время оставаться наедине, чтобы никогда не приходилось сталкиваться лицом к лицу с остальным миром.

Но этого было не избежать. Они прошли по дорожке ко входной двери, которая оказалась открыта. Внутри дом буквально сиял от света.

Войдя в гостиную, Елена увидела десяток лиц, которые мгновенно к ней повернулись. Она вдруг представила, как эффектно должна выглядеть, стоя в дверях в черном бархатном плаще до самого пола рядом со Стефаном Сальваторе. А затем тетя Джудит испустила радостный крик и подбежала обнять любимую племянницу.

– Елена! Ах, слава богу, с тобой все хорошо. Но где ты была? И почему не позвонила? Неужели ты не понимаешь, что нам всем пришлось пережить?

Елена озадаченно огляделась. Она ничего не понимала.

– Мы просто рады, что ты вернулась, – вставил Роберт.

– Мы были в пансионате, у Стефана, – медленно сообщила Елена. – Тетя Джудит, это Стефан Сальваторе. Он снимает там комнату. И он привез меня домой.

– Благодарю вас, – сказала тетя Джудит Стефану поверх плеча Елены. Затем, внимательно оглядев Елену, она неподдельно удивилась: – Но твое платье, твои волосы... Что случилось?

– Так ты не знаешь? Значит, Тайлер ничего вам не рассказал? Но тогда почему здесь полиция? – Елена инстинктивно пододвинулась к Стефану и почувствовала, как он тоже к ней приближается, желая ее защитить.

– Полиция здесь потому, что сегодня вечером на кладбище было совершено нападение на Викки Беннетт, – вмешался Мэтт. Они с Бонни и Мередит стояли рядом с тетей Джудит и Робертом, явно испытывая облегчение, некоторую неловкость и нешуточную усталость. – Мы нашли ее два, может, три часа тому назад и с тех пор искали тебя.

– Нападение? – изумленно переспросила Елена. – Но кто на нее напал?

– Никто не знает, – ответила Мередит.

– Может статься, здесь вовсе не о чем беспокоиться, – успокоительно произнес Роберт. – Доктор сказал, что она пила спиртное, а потом очень сильно чего-то испугалась. Так что все это может оказаться просто игрой ее воображения.

– Царапины на шее у Викки вовсе не воображаемые, – заметил Мэтт вежливо, но настойчиво.

– Какие царапины? О чем ты говоришь? – потребовала ответа Елена, переводя взгляд с одного лица на другое.

– Сейчас я тебе все расскажу, – вмешалась Мередит, после чего коротко описала, где и в каком виде они нашли Викки. – Она все говорила, что не знает где была, говорила, что осталась наедине с Диком, когда все это случилось. А когда мы привезли ее сюда, доктор сказал, что ни к каким определенным выводам он прийти не может. Никаких повреждений, кроме тех царапин, обнаружено не было, а их вполне могла нанести кошка.

– Так вы говорите, что никаких других отметин на ней не было? – с внезапной резкостью спросил Стефан.

Он заговорил впервые с тех пор, как вошел в дом, и Елена внимательно на него посмотрела, удивленная его тоном.

– Она будет жить? – резко спросил он.

– Доктор сказал, что ничего страшного с ней не стряслось, – ответил Мэтт. – Никто даже не предполагал, что она может умереть.

Стефан энергично кивнул и повернулся к Елене.

– Я должен идти, – холодно сказал он. – Ты теперь в полной безопасности.

Елена поймала его за руку, когда он от нее отвернулся.

– Конечно, я в полной безопасности – согласилась она. – Благодаря тебе.

– Да, – опять кивнул Стефан, однако его зеленые глаза ничего не выражали.

Тусклые, они словно смотрели на Елену из-за незримого щита.

– Позвони мне завтра, – Елена сжала его руку, пытаясь вложить все свои чувства в любящий взгляд.

Она от всей души желала, чтобы Стефан ее понял.

Стефан без всякого выражения опустил взгляд на их руки, затем снова поднял его на Елену. И наконец, удостоил ее слабого рукопожатия.

– Хорошо, Елена, – прошептал юноша, глядя Елене прямо в глаза.

И направился к двери.

Елена перевела дух и повернулась к остальным. Тетя Джудит по-прежнему пребывала в замешательстве и разглядывала порванное платье Елены под бархатным плащом.

– Елена, – начала она, – так что же все-таки случилось? – И глаза тети Джудит обратились к двери, в которую только что вышел Стефан.

Сдавленный смех вырвался из горла Елены, однако она быстро справилась с ним.

– Нет, это не Стефан, – объяснила Елена. – Наоборот, Стефан меня спас. – Она опустила глаза, а затем подняла их на полицейского офицера за спиной у тети Джудит. – Это Тайлер. Тайлер Смоллвуд...

Глава 9

Нет, она не была реинкарнацией Катрины. Направляя машину обратно к пансионату в лавандовой предрассветной тиши, Стефан напряженно об этом думал.

Собственно, он так ей и сказал, но только теперь Стефану стало ясно, как долго он к этому выводу шел. Неделями ощущая каждый вздох Елены, он скрупулезно констатировал каждое различие.

Волосы ее были чуть светлее, чем у Катрины, а брови и ресницы, наоборот, темнее. У Катрины они были почти серебристыми. Ростом Елена была заметно выше Катрины. Она также двигалась с большей непринужденностью – девочки этого века куда лучше владели своим телом.

Даже глаза Елены, те самые глаза, что так поразили Стефана в самый первый день, оказались на самом деле несколько другими. Глаза Катрины обычно бывали либо расширены от

детского удивления, либо опущены долу, как подобало добропорядочной девушке пятнадцатого столетия. Но глаза Елены смело встречали любой взгляд, смотрели прямо и бестрепетно. А порой они, что было бы совершенно неслыханно для Катрины, сужались от вызова или решимости.

По грации, красоте и чистой притягательности эти две девушки были схожи. Но там, где Катрина казалась белым и пушистым котенком, Елена представляла белоснежной тигрицей.

Проезжая кленовую рощу, Стефан сжимался от воспоминания, которое внезапно возникло у него в голове. Сознательно он не стал бы об этом думать, нипочем не позволил бы себе... но образы уже разворачивались перед ним. Ему казалось, словно перед его глазами раскрылся красочный журнал, и Стефану не оставалось ничего другого, кроме как беспомощно смотреть картинки, складывающиеся в сюжет из его прошлого.

В тот день Катрина была в белом платье, сквозь прорези на рукавах которого выглядывала тонкая полотняная сорочка. На шее Катрины сверкало золотое ожерелье с жемчугами, а в ушах – крошечные жемчужные сережки.

Девушка была в необычайном восторге от этого нового платья, которое специально для нее заказал ее отец.

Вертясь перед Стефаном, Катрина приподнимала длинную полу платья, показывая юноше нижнюю юбку желтой парчи.

– Вот видишь, там даже вышиты мои инициалы. Это папа постарался. Ах, майн либер папа... – Тут Катрина умолкла и перестала кружиться, медленно опуская изящные руки. – Но что случилось, Стефан? Ты даже не улыбнешься.

А он и не пытался. Вид Катрины, подобной какому-то эфирному созданию в этом золотисто-белом наряде, причинял ему невыносимую физическую боль. Стефан даже не мог себе представить, как он станет жить дальше, если потеряет ее.

Пальцы юноши судорожно сомкнулись на прохладной рукоятки меча.

– Помилуй, Катрина, как я могу улыбаться, как я могу быть счастлив, когда...

– Когда что?

– Когда я вижу, как ты смотришь на Дамона. – Итак, слово было сказано. Стефан мучительно продолжил: – Пока он не вернулся домой, мы с тобой каждый день были вместе. Наши отцы были этому рады и даже поговаривали о брачных планах. Но теперь дни стали короче, лето почти прошло – и ты проводишь с Дамоном столько же времени, сколько со мной. Отец разрешает ему здесь оставаться только потому, что ты об этом просишь. Но почему ты об этом просишь, Катрина? Я думал, ты равнодушна ко мне.

В ее голубых глазах читалось смятение:

– Я очень к тебе равнодушна, Стефан! Знал бы ты, как!

– Тогда зачем ходатайствовать за Дамона перед моим отцом? Если бы не ты, он бы давно выбросил Дамона на улицу...

– И это, вне всякого сомнения, очень порадовало бы тебя, младший братец. – Голос от двери звучал ровно и надменно, но, когда Стефан обернулся, он увидел, что глаза Дамона буквально пламенеют гневом.

– Ах, нет, это неправда, – с чувством промолвила Катрина. – Стефан не желает тебе зла.

Губы Дамона изогнулись в самодовольной ухмылке, и он искоса бросил взгляд на Стефана, подходя к Катрине.

– Очень может быть, что желает, – сказал он девушке, и его голос слегка смягчился. – Но мой брат прав, по меньшей мере, в одном. Дни становятся короче, и скоро твой отец покинет Флоренцию. И заберет тебя с собой – если только у тебя не найдется веской причины остаться.

«Если только у тебя не будет мужа, чтобы остаться с ним».

Эти слова не были произнесены, но все явственно их услышали. Барон слишком любил свою дочь, чтобы выдавать ее замуж против воли. В конечном счете, это должно было стать решением Катрины. Выбором Катрины.

Теперь, когда животрепещущая тема была оглашена, Стефан не смог смолчать.

– Катрина знает, что она в любом случае должна будет скоро покинуть своего отца... – начал он, выставив напоказ свое тайное знание, но брат его перебил.

– Ну да, прежде чем старик начнет кое о чем догадываться, – небрежно бросил Дамон. – Даже самые любящие отцы порой не на шутку задумываются, когда их дочери выходят из дома только по ночам.

Гнев и боль захлестнули Стефана. Значит, такова была правда – Дамон все знал. Итак, Катрина поделилась секретом с его братом.

– Зачем ты рассказала ему, Катрина? Зачем? Что ты в нем нашла? Ведь этот человек не заботится ни о чем, кроме собственного удовольствия! Как он сможет сделать тебя счастливой, когда он думает только о себе?

– А как этот мальчик может сделать тебя счастливой, когда он ничего не знает о жизни? – вмешался Дамон, и его презрительный голос сделался острым как бритва, – Как он сможет тебя защитить, если сам никогда не сталкивался лицом к лицу с реальностью? Он прожил свою жизнь среди книг и картин, так позволь ему там и остаться!

Катрина горестно качала головой, голубые самоцветы ее глаз затуманились слезами.

– Вы оба ничего не понимаете, – начала она. – Вы думаете, что я могу выйти замуж и устроить свою жизнь подобно любой другой флорентийской девушке. Но мне не удастся вести жизнь обычной замужней дамы. Как я смогу держать домашнее хозяйство и заправлять слугами, которые станут следить за каждым моим шагом? Как я смогу постоянно жить в одном месте, где люди со временем увидят, что годы надо мной не властны? Обычная жизнь для меня невозможна.

Катрина поглубже вздохнула и посмотрела на братьев по очереди.

– Тот, кто решит стать моим супругом, должен будет отказаться от жизни под солнечным светом, – прошептала она. – Он должен будет выбрать жизнь под луной, в часы Тьмы.

– Тогда ты должна выбрать того, кто не боится Теней, – сказал Дамон, и Стефан удивился внутренней энергии в его голосе. Он еще никогда не слышал, чтобы его брат говорил с такой серьезностью, почти не рисуясь. – Катрина, ты только посмотри на моего брата. Разве он способен отказаться от солнечного света? Он слишком привязан к обыденному: к друзьям, к отцу, к своему долгу в отношении Флоренции. Тьма его просто уничтожит.

– Лжец! – воскликнул Стефан, тоже вспыхивая гневом, – Я так же силен, как ты, братец, и я ничего не боюсь ни в Тени, ни под солнцем. Я люблю Катрину гораздо сильнее, чем друзей или членов семьи...

– ...или твоего долга. Достаточно ли ты ее любишь, чтобы отказаться еще и от этого?

– Да! – с вызовом кивнул Стефан. – Достаточно, чтобы отказаться от всего на свете!

Саркастически усмехнувшись, Дамон повернулся к Катрине.

– Похоже на то, – сказал он, – что выбор всецело за тобой. Здесь два соискателя твоей руки. Подумай, на чье предложение ты согласишься.

Катрина медленно склонила золотистую головку. Затем она подняла голубые глаза на братьев:

– Дайте мне подумать до воскресенья. А пока что не донимайте меня вопросами.

Стефан неохотно кивнул.

– Значит, в воскресенье? – спросил Дамон.

– Да, в воскресенье вечером, уже в сумерки, я сделаю свой выбор.

Сумерки, глубокая фиолетовая тьма...

Бархатные оттенки ночи уже рассеялись вокруг Стефана, и он пришел в себя. Никаких сумерек. Вокруг разгорался рассвет, щедро даривший краски светлеющему небу. Погруженный в свои мысли, юноша доехал до самой опушки леса.

Дальше к северо-западу виднелся Плетеный мост и кладбище. Новые воспоминания заставили пульс Стефана отчаянно участиться.

Тогда он сказал Дамону, что готов отказаться от всего ради Катрины. Именно так он и поступил. Стефан отказался от всех претензий на солнечный свет и стал ради нее порождением Тьмы. Стал охотником, обреченным вечно гоняться за самим собой, вором, похищающим жизнь, чтобы наполнить свои вены.

И, очень даже возможно, убийцей. Хотя нет. Они сказали, что Викки умереть не должна. Зато следующая жертва Стефана вполне может покинуть этот мир. Самым худшим в этом

последнем нападении было то, что Стефан ровным счетом ничего о нем не помнил. Он помнил только слабость, всеподавляющую потребность. Еще помнил, как проковылял через дверной проход в церковь, но больше ничего. Стефан пришел в себя, лишь когда крики Елены зазвенели у него в ушах. Тогда он просто бросился к ней, не подумав о том, что произошло чуть ранее.

Елена... На мгновение Стефан ощутил прилив чистой радости и благоговения, забывая обо всем остальном. Елена, теплая как солнечный свет, нежная как раннее утро, но словно со стальным стержнем внутри, который невозможно сломать. Она была как огонь, горящий во льду, как острое лезвие серебряного кинжала.

Но было ли у Стефана право любить ее? Само его чувство к Елене ставило ее под угрозу. Что, если в следующий раз, когда потребность овладеет им, Елена окажется в непосредственной близости и покажется ему всего лишь живым сосудом, полным теплой, обновляющейся крови?

«Я умру, прежде чем ее коснусь, – подумал Стефан, давая себе зарок. – Я умру от жажды, прежде чем вскрою ее вены. Клянусь, Елена никогда не узнает даже малую толику моей тайны. Она никогда не откажется от солнечного света ради меня».

Небо впереди уже светлело. Но прежде чем уехать, Стефан послал призыв, полный всей имевшейся у него Силы и стоящей за ней боли, в попытке найти другую Силу, которая могла оказаться поблизости. Он надеялся найти подтверждение другой версии произошедшего в церкви.

Но он не дождался ни единого намека на ответ. Кладбище своим молчанием словно насмехалось над ним.

* * *

Елена проснулась, когда солнце уже вовсю светило в окно. И сразу же почувствовала себя так, словно только что выздоровела после долгого гриппа или, словно это было утро Рождества.

Мысли смешались, когда Елена села на кровати.

Охх. У нее все болело. Но они со Стефаном... они же ничего такого не делали. Этот пьяный подонок Тайлер... Впрочем, Тайлер уже не имел никакого значения.

Ничто не имело значения, кроме любви Стефана к ней.

Елена спустилась вниз в ночной сорочке, понимая, что солнце косо светит в окна и что она, должно быть, проснулась очень поздно.

Тетя Джудит и Маргарет сидели в гостиной.

– Доброе утро, тетя Джудит. – Елена крепко обняла удивленную тетю. – Доброе утро, тыква. – Подхватив Маргарет, она провальсировала с ней по комнате. – И... ах! Доброе утро, Роберт. – Слегка смущенная избыточностью проявленных чувств и скудностью наряда, Елена посадила Маргарет на стул и поспешила на кухню.

Тетя Джудит последовала за племянницей. Хотя под глазами у нее были темные круги, она улыбалась:

– Вижу, ты сегодня в хорошем настроении.

– О да. – Елена еще раз обняла любимую тетю, стараясь загладить свою вину за вызванную накануне тревогу.

– Ты знаешь, что мы должны заехать к шерифу, чтобы объясниться насчет Тайлера?

– Да. – Елена достала из холодильника апельсиновый сок и налила его в стакан. – Но я могу сначала навестить Викки Беннетт? Я знаю, как она расстроена, особенно когда ей далеко не все верят.

– А ты ей веришь, Елена?

– Да, – медленно кивнула Елена. – Да, я ей верю. И знаешь, тетя Джудит, – добавила она, внезапно принимая решение, – со мной в церкви тоже кое-что случилось. Мне показалось, что...

– Елена! – послышался из коридора голос Роберта. – Здесь Бонни и Мередит. Они хотят тебя видеть.

Доверительная атмосфера развеялась без следа.

– Охх... впустите их, – крикнула Елена и глотнула апельсинового сока. – Я потом вам обо

всем расскажу, – пообещала она тете Джудит, слыша шаги в коридоре.

Бонни и Мередит нерешительно остановились в дверях.

Чувствуя себя довольно неловко, Елена подождала, пока тетушка выйдет из комнаты.

Она откашлялась, сосредоточив взгляд на истертом квадратике паркета. Затем быстро подняла глаза и обнаружила, что Бонни и Мередит смотрят на тот же самый квадратик.

Тогда Елена закатилась смехом, и подруги удивленно подняли на нее глаза.

– Я слишком счастлива, чтобы держать оборону, – начала Елена, протягивая к ним руки. – Знаю, мне должно быть совестно после случившегося, но, к сожалению, я просто не могу раскаиваться. Я вела себя ужасно и заслужила самую жестокую казнь, но... можем мы сделать вид, будто ничего не произошло?

– Тебе действительно должно быть совестно после того, как ты так беспардонно от нас сбежала, – укорила подругу Бонни, когда девушки радостно обнялись.

– И с кем! С Тайлером Смоллвудом! – поддержала ее Мередит.

– Что ж, я извлекла из случившегося серьезный урок, – сказала Елена, и на мгновение ее хорошее настроение испортилось.

Однако тут Бонни залилась звонким смехом:

– Зато ты подцепила самого крутого парня – Стефана Сальваторе. Это к вопросу о театральных выходах. Когда ты появилась вместе с ним в дверях, я подумала, что галлюцинирую. Как тебе это удалось?

– Никак. Он просто в нужное время появился – как кавалерия в тех старых фильмах.

– И защитил твою честь, – заметила Бонни. – Что может быть более волнующим?

– Вообще-то мне в голову приходит еще несколько вещей, – вмешалась Мередит. – Но с другой стороны – может, у Елены и они схвачены?

– Я вам непременно все расскажу, – пообещала Елена, отпуская подруг и отступая на пару шагов. – Но давайте сначала зайдем домой к Викки. Я хочу с ней поговорить.

– Раз уж на то пошло, то нам ты можешь все рассказать, пока одеваешься, а мы тебе все расскажем, пока ты чистишь зубы, – уперлась Бонни. – И если ты упустишь хоть одну маленькую детальку, тебе придется предстать перед испанской инквизицией!

– Ну вот, – лукаво заметила Мередит, – работа мистера Таннера не пропала даром. Бонни теперь знает, что испанская инквизиция – это не название рок-группы.

Елена смеялась от души, пока они вместе поднимались по лестнице.

У миссис Беннетт был бледный и усталый вид, однако она любезно пригласила их войти.

– Вообще-то Викки лучше отдохнуть; доктор велел ей оставаться в постели, – со странно тревожной улыбкой объяснила хрупкая женщина, провожая Елену, Бонни и Мередит по узкому коридору.

Миссис Беннетт легко постучала в дверь.

– Викки, деточка, к тебе тут девочки из школы пришли. Пожалуйста, не задерживайтесь, – попросила она, открывая дверь.

– Не задержимся, – пообещала Елена, входя в прелестную бело-голубую спальню.

Бонни и Мередит последовали за ней.

Викки лежала на кровати, приподнявшись на подушках. К самому ее подбородку было подтянуто голубое ватное одеяло. На его фоне лицо девочки казалось бледным как бумага, а взгляд ее глаз с опухшими веками был устремлен куда-то вдаль.

– Точно так же она выглядела вчера ночью, – прошептала Бонни.

Елена подошла к кровати.

– Послушай, Викки, – начала она. Викки продолжала глазеть прямо перед собой, но Елене показалось, что задышала она как-то по-другому. – Викки, ты меня слышишь? Я Елена Гилберт. – Она неуверенно взглянула на Бонни и Мередит.

– Может, ей дали транквилизаторы? – предположила Мередит.

Но миссис Беннетт ни о каких лекарствах не упоминала. Хмурясь, Елена снова повернулась к никак не реагирующей на все ее обращения девочке:

– Викки, это я, Елена. Я просто хотела поговорить с тобой про то, что случилось ночью. Я хочу, чтобы ты знала: я тебе верю. – Елена проигнорировала острый взгляд, которым наградила

ее Мередит, и продолжила: – Я только хотела тебя спросить...

– Нет!

Резкий и пронзительный вопль вдруг вырвался из горла Викки. Тело, неподвижное как у восковой куклы, лихорадочно задвигалось. Светло-каштановые волосы Викки хлестали ей по щекам, пока она отчаянно мотала головой, молотя руками по воздуху.

– Нет! Нет! – визжала девочка.

– Сделайте же что-нибудь! – выдохнула Бонни. – Миссис Беннетт! Миссис Беннетт!

Елена и Мередит пытались удерживать Викки в постели, а она изо всех сил от них отбивалась. Дикие вопли не затихали ни на секунду, пока рядом с ними вдруг не оказалась мама Викки. Отталкивая девочек, она попыталась обнять дочь.

– Что вы с ней сделали? – воскликнула она.

Викки вцепилась в свою маму, понемногу успокаиваясь, но затем ее припухшие глаза вдруг обратились на Елену.

– Это ты во всем виновата! Ты злая! – истерически завопила она на Елену. – Держись от меня подальше!

Елена была просто ошарашена:

– Викки! Я только пришла спросить...

– Думаю, вам лучше уйти. Оставьте нас в покое, – резко произнесла миссис Беннетт, сжимая дочь в объятиях, – Разве вы не видите, что вы с ней сделали?

Ошарашенная, Елена молча вышла из комнаты. Бонни и Мередит последовали за ней.

– Должно быть, это лекарства, – предположила Бонни, пока они покидали дом. – Она была решительно не в себе.

– А ты обратила внимание на ее руки? – спросила у Елены Мередит. – Пока мы пытались ее удержать, я ухватила ее за руку. Она была холодна как лед.

Елена озадаченно качала головой. Все это, казалось, лишено всякого смысла, но она не собиралась позволять произошедшему инциденту испортить ей весь день. Нет, ни за что. Елена отчаянно поискала у себя в голове что-то, способное компенсировать неприятные ощущения, что-то, способное вернуть ее в состояние счастья.

– Точно, – вдруг вымолвила она. – Пансионат.

– Что?

– Я попросила Стефана сегодня мне позвонить, но почему бы нам вместо этого не зайти в пансионат? Это совсем недалеко отсюда.

– Всего лишь двадцатиминутная прогулка, – уточнила Бонни, и лицо ее прояснилось. – По крайней мере, мы наконец-то сможем увидеть его комнату.

– Вообще-то, – поспешила заметить Елена, – я думаю, что вы двое могли бы подождать внизу. Я всего на несколько минут поднимусь к нему, – добавила она в порядке оправдания, когда две девочки недовольно на нее посмотрели.

Странно, однако, на данный момент Елена была совершенно не расположена делить Стефана с подругами. В нем все еще оставалась какая-то тайна.

На стук в дубовую дверь откликнулась миссис Флауэрс. У этого сморщенного гномика в женском облике были на удивление ясные черные глаза.

– Должно быть, ты Елена, – сказала старуха. – Я видела тебя со Стефаном, когда вы выходили из дома. А потом, вернувшись, он сказал мне, как тебя зовут.

– Вы нас видели? – изумленно спросила Елена. – А я вас не заметила.

– Не заметила, – подтвердила миссис Флауэрс и хихикнула. – Какая ты прелестная девочка, моя милая, – добавила она. – Просто красавица. – И старуха потрепала Елену по щеке.

– Ах, спасибо, – неуверенно отозвалась Елена. Ей решительно не нравилось, как эти птичьи глазки ее пожирают. Затем она взглянула в сторону лестницы: – А Стефан дома?

– Если его не сдуло с крыши, то дома! – сострила миссис Флауэрс и снова хихикнула.

Елена вежливо рассмеялась.

– Мы останемся здесь, с миссис Флауэрс, – сказала Мередит Елене, а Бонни мученически закатила глаза.

Сдерживая смех, Елена кивнула и стала подниматься по лестнице.

«Какой странный старый дом», – подумала девочка, отыскивая потайную лестницу.

Голоса от входа едва доносились сюда, а когда Елена стала подниматься, они и вовсе затихли. Вокруг воцарилась тишина, и, когда Елена достигла смутно освещенной двери наверху, у нее возникло ощущение, что она попала в другой мир. Стук в дверь прозвучал тихо и нерешительно.

– Стефан? – Елена не услышала ни звука, но дверь внезапно распахнулась.

«Должно быть, все сегодня выглядят бледными и усталыми», – успела подумать Елена, а затем она очутилась в объятиях Стефана.

Его руки почти судорожно ее сжали:

– Елена. Ах, Елена...

Затем Стефан отстранился. Все вышло почти как прошлой ночью: Елена едва ли успела заметить, как между ними разверзается пропасть. В глазах у Стефана появилось что-то до тошноты рассудочное и холодное.

– Нет, – вымолвила Елена, едва сознавая, что говорит вслух. – Я тебе этого не позволю. – Целуя, она прильнула к нему всем телом.

Сначала Стефан никак не откликнулся, но затем его тело задрожало, и их поцелуй стал поистине жгучим. Его пальцы погрузились в ее волосы, и вселенная сжалась вокруг Елены. Более не существовало ничего, кроме Стефана, его рук, обнимавших ее, и огня, рождавшегося от соприкосновения их губ.

Несколько мгновений или столетий спустя они разорвали объятия, не в силах справиться с дрожью. Но взгляды влюбленных так и остались прикованы друг к другу, и Елена заметила, что зрачки Стефана слишком широки даже для этого скудного света; вокруг них оставалась лишь тонкая зеленая полоска. Юноша выглядел потрясенным, а его рот – этот рот! – казался немного припухшим.

– Думаю, – начал Стефан, и Елена опять смогла расслышать излишнюю рассудочность в его голосе, – думаю, в таких случаях нам следует быть осторожнее.

Елена кивнула, потрясенная произошедшим не меньше.

«Только не на публике, – подумала она. Не в тот момент, когда Бонни и Мерedit ждут внизу. Да и наедине тоже, если только...»

– Но ты можешь просто меня обнимать, – заметила она.

Как странно, что после такого страстного порыва она испытывала в его объятиях такой мир и покой.

– Я люблю тебя, – прошептала Елена в грубую шерсть его свитера.

И почувствовала, как его охватывает дрожь.

– Елена... – снова начал Стефан, и в голосе его зазвучало откровенное отчаяние.

Елена подняла голову:

– В чем дело, Стефан? Разве в этом можно ошибиться? Разве ты меня не любишь?

– Я...

Он беспомощно на нее посмотрел – тут они услышали, как от подножия лестницы слабо доносится голос миссис Флауэрс:

– Мальчик мой! Мальчик мой! Стефан! – Похоже, старуха вдобавок барабанила туфлей по перилам.

Стефан вздохнул:

– Лучше я пойду посмотрю, что ей нужно. – С непроницаемым лицом он выскользнул из ее объятий.

Оставшись одна, Елена сложила руки на груди и невольно вздрогнула. Здесь было так холодно.

«Где то должен быть огонь», – думала она, медленно оглядывая комнату и, наконец, упираясь взглядом в комод красного дерева, который она рассматривала прошлой ночью.

Металлический ларец.

Елена взглянула на закрытую дверь. Если Стефан внезапно вернется и ее поймает... Нет, ей определенно не стоило этого делать... однако Елена уже двигалась к комоду.

«Вспомни жену Синей Бороды, – сказала она себе. – Ее погубило именно любопытство».

Но пальцы Елены тем временем уже ощупывали железный ларец. Сердце стучало оглушительно, но она откинула крышку.

В тусклом свете шкатулка сначала показалась пустой, и Елена нервно рассмеялась. Чего она ожидала? Любовные записки от Кэролайн? Окровавленный кинжал?

Но затем Елена увидела тонкую шелковую полоску, аккуратно свернутую и уложенную в угол шкатулки. Достав полоску, она пробежала по ней пальцами. Вот она, та самая абрикосовая ленточка, которую Елена потеряла на второй день занятий в школе.

«Ах, Стефан!»

Слезы жгли Елене глаза, а в ее сердце неотвратимо поднималась всесокрушающая любовь.

«Так сразу? Ты так сразу в меня влюбился? Стефан, я так тебя люблю!»

«И совершенно неважно, что ты не можешь в этом признаться», – подумала Елена.

За дверью раздались какие-то звуки. Быстро свернув ленточку, Елена положила ее обратно в угол ларца. А затем обернулась к двери, торопливо утирая непрошеные слезы.

«Неважно, что ты не можешь сказать мне это прямо сейчас. Я скажу это за нас обоих. И когда-нибудь ты ответишь мне».

Глава 10

7 октября, около 8 утра

Мой милый дневник!

Пишу это на уроке тригонометрии и отчаянно надеюсь, что Гальперн ничего не заметит.

Вчера вечером у меня при всем желании не нашлось времени записать новости. Получился безумный, непредсказуемый день – вроде того вечера встречи выпускников. Сегодня утром на уроке мне показалось, что все, случившееся в прошлый уик-энд, было сном. Скверные события оказались очень скверными, зато хорошие – необычно хорошими.

Я не собираюсь официально выдвигать обвинения против Тайлера. Правда, он временно исключен из школы и из футбольной команды. Так же как и Дик – за пьянство на танцах. Никто, правда, открыто об этом не говорит, но я не знаю, что очень многие считают его ответственным за то, что случилось с Вики. Сестра Бонни видела вчера Тайлера в клинике и говорит, что у него под глазами два колоссальных фингала, а все лицо в лиловых подтеках. Я волей-неволей тревожусь о том, что случилось, когда они с Диком вернутся в школу. Теперь них куда больше причин ненавидеть Стефана.

Итак. Стефан. Я проснулась сегодня утром и запаниковала, думала: «А что, если все это не правда? Или, если этого никогда не происходило? Или если он передумал?» Тетя Джудит за завтраком тоже беспокоилась, потому что я опять толком ничего не ела. Но затем я отправилась в школу и увидела Стефана в коридоре рядом с канцелярией. Мы просто посмотрели друг на друга. И все мои сомнения развелись. Стефан мне лукаво улыбнулся. Я сообразила, что он опять прав, что нам лучше не набрасываться друг на друга в школьном коридоре. Если мы, конечно, не собираемся своими страстными объятиями повеселить секретарей.

Между нами все замечательно. Это точно. Теперь мне просто надо найти способ объяснить это Жан-Клоду. Ха-ха-ха!

Однако я, впрочем, определенно не понимаю. Почему Стефан не пылает счастьем как я? Когда мы оказываемся в компании, я могу понять, как Стефан себя чувствует, я знаю, как сильно он меня любит, как я ему нужна. У него внутри появляется такой отчаянный голод, когда он меня целует, словно он желает насладиться не только моим телом, но и душой. Получается как с той черной дырой, которая...

По-прежнему 7 октября, но теперь уже 2 часа дня.

Пришлось прерваться, потому что мисс Гальперн все-таки меня поймала. Она даже начала было читать вслух то, что я написала, но потом, как мне показалось, она вспомнила о предмете урока и перестала. Однако учительница была откровенно расстроена. Что ж мне придется серьезно подумать о таких ничтожных делах, как возможный провал по тригонометрии.

Мы со Стефаном вместе перекусили – точнее, просто посидели в углу футбольного поля, куда я захватила свой ленч. Стефан даже не потрудился что-нибудь себе взять. Мы почти – а на самом деле совсем – друг друга не касались, только разговаривали и переглядывались. Я очень хочу до него дотронуться. Больше чем до любого из моих знакомых мальчиков. И Стефан тоже хочет до меня дотронуться, потому что явно сдерживается. Вчера у него в комнате я нашла стопроцентное доказательство того, что он с самого начала в меня влюбился. Помнишь, я рассказывала тебе, как на второй день занятий мы с подругами были на кладбище? Ну, так вот, в комнате Стефана я нашла абрикосовую ленточку, которую я в тот день носила. Наверное, она у меня выпала из волос на бегу, он, должно быть, подобрал и сохранил ее. Я не стала рассказывать о своем открытии, потому что Стефан хочет держать это в секрете. Но ведь это неопровержимо доказывает, как сильно он меня любит, разве не так?

Между прочим, у нас тут есть еще одна откровенно расстроенная персона. Кэралайн. Очевидно, она каждый день заволакивала Стефана в фотографический кабинет на больших переменах, и, когда он сегодня не появился, она стала его искать, а нашла нас двоих. Бедный Стефан, он совсем про нее забыл и явно был собой недоволен. Как только Кэралайн ушла – позеленевшая от злости, – Стефан сказал, что она к нему цеплялась с самого первого дня. Кэралайн заметила, что он ничего не ест за ленчем, а сама она тоже ничего не ела, так как сидела на диете. Так они и сблизились. На самом деле ничего плохого Стефан о ней не говорит, хотя я догадываюсь, что просто таково его представление о хороших манерах, что джентльмену так поступать негоже. Тем не менее, он заверил меня, что между ними решительно ничего не было. А быть забытой для Кэралайн наверняка оказалось хуже, чем, если бы они поссорились.

Однако мне интересно, почему Стефан ничего не ест за ленчем. Для футболиста это странно.

Вот черт. Мистер Таннер только что прошел мимо, и я еле-еле успела накрыть дневник учебным блокнотом. Бонни захихикала, прикрываясь учебником истории, – мне видно, как трясутся ее плечи. А Стефан, который сидит прямо передо мной, так напряжен, будто в любую секунду может вскочить из-за стола. Мэтт одаривает меня красноречивыми взглядами типа «ты ненормальная», а Кэралайн злобно сверкая глазами. Я же веду себя очень-очень невинно, делая записи в дневник и одновременно не сводя глаз с мистера Таннера. Так что если мой почерк будет не совсем ровным, ты поймешь почему.

В последний месяц я была не в себе. Никак не могла толком обдумать что-то или сосредоточиться на чем-то помимо Стефана. Накопилось столько дел, что даже страшно. Предположительно, я несу ответственность за обустройство Дома с приведениями к Хэллоуину, а мы еще даже не начинали. Теперь у меня ровно три с половиной недели на то, чтобы все как следует организовать. А я все время хочу быть со Стефаном.

Конечно, я могла бы выйти из комитета. Но тогда там стали бы распоряжаться Бонни и Мерedit. Как тут не вспомнить, что сказал Мэтт, когда я попросила его пригласить Стефана на танцы: «Ты просто хочешь, чтобы весь мир вращался вокруг Елены Гилберт».

Это правда. Или, по крайней мере, если так было в прошлом, больше я этого не хочу. Я хочу... да-да, я знаю, это прозвучит предельно глупо, но я хочу быть достойной Стефана. Я знаю, он бы не позволил товарищам по футбольной сборной просто отбывать игру. Я хочу, чтобы он мной гордился.

Я хочу, чтобы он любит меня так же сильно, как люблю его я.

– Скорее! – крикнула Бонни от входа в физкультурный зал.

Рядом с ней в ожидании стоял мистер Шелби, старший вахтер школы.

Елена бросила последний взгляд на отдаленные очертания футбольного поля, а затем неохотно прошла по асфальтовой дорожке, чтобы присоединиться к Бонни.

– Я просто хотела сообщить Стефану, куда пошла, – объяснила она.

После недели в обществе Стефана Елена по-прежнему чувствовала восторженный трепет от одного лишь произнесения его имени. Каждый вечер перед закатом на этой неделе он приходил к ней домой, держа руки в карманах куртки с неизменно поднятым воротником. Они

с Еленой обычно гуляли в сумерках или сидели на веранде, болтая о всякой всячине. Хотя ни слова на этот счет сказано не было, Елена подозревала, что Стефан, таким образом, заботился о том, чтобы они не оставались наедине. С той самой ночи после танцев Стефан всячески старался соблюдать определение предосторожности.

«Защищает мою честь», – лукаво думала Елена, хотя в груди у нее при мыслях об этом что-то покалывало.

– Один вечер он прекрасно и без тебя проживет, – бессердечно заметила Бонни. – Начнешь говорить, так никогда не закончишь, а я еще хочу домой к ужину поспеть.

– Здравствуйте, мистер Шелби, – поприветствовала Елена вахтера, который терпеливо стоял у дверей. К ее удивлению, Шелби торжественно ей подмигнул. – А где Мередит? – спросила она.

– Здесь, – послышался голос у нее за спиной, и Мередит появилась в проеме, держа в руках картонную коробку с папками и блокнотами.

– Я забрала вещи из твоего шкафчика.

– Теперь, значит, вы все собрались? – спросил мистер Шелби. – Хорошо, девочки, значит, запиrite дверь на замок. Тогда никто туда не войдет.

Бонни, уже готовая войти в физкультурный зал, вдруг остановилась.

– А вы уверены, что там сейчас никого нет? – настороженно спросила она.

Елена толкнула ее между лопаток.

– Скорее! – язвительно передразнила она. – Я еще хочу домой к ужину поспеть.

– Никого там нет, – заверил подруг мистер Шелби, недовольно кривя рот. – Но вы, значит, девочки, кричите, если что потребуется. Я буду рядом.

Дверь захлопнулась за ними с каким-то безнадежным стуком.

– Итак, работаем, – покорно промолвила Мередит и поставила картонную коробку на пол.

Елена кивнула, оглядывая большое пустое помещение. Каждый год ученический совет устраивал Дом с привидениями как благотворительное предприятие по сбору средств. Последние два года Елена вместе с Бонни и Мередит входила в комитет по обустройству, но должность председателя была для нее в новинку. Ей приходилось принимать решения, которые затрагивали всех до единого, и она даже не могла положиться на опыт прошлых лет.

Дом с привидениями обычно устраивался на лесном складе, но, в связи с растущей напряженностью в городке из-за происшествий на кладбище, было решено, что школьный физкультурный зал гораздо безопаснее. Для Елены это решение означало пересмотр всего дизайна интерьера, причем всего за три недели до Хэллоуина.

– На самом деле здесь и так чертовски страшно, – тихо заметила Мередит.

«И действительно, – подумала Елена. – В таком большом и пустом помещении становится как-то тревожно».

Она вдруг обнаружила, что невольно понижает голос.

– Давайте для начала его измерим, – предложила она.

Девочки двинулись по залу, их шаги гулко отзывались в тишине.

– Ну вот, хорошо, – сказала Елена, когда они закончили измерения. – Теперь давайте за работу.

Она старалась успокоиться, убеждая себя в том, что просто глупо чего-то бояться в школьном физкультурном зале, когда Бонни и Мередит рядом с ней, а футбольная команда тренируется менее чем в двухстах ярдах.

С ручками и блокнотами в руках три девочки сели на открытую трибуну. Елена и Мередит сверились с набросками дизайна предыдущих лет, а Бонни тем временем кусала ручку и задумчиво оглядывалась по сторонам.

– Итак, вот физкультурный зал, – начала Мередит, делая быстрый набросок в своем блокноте. – А вот отсюда будут входить гости. В самом конце экскурсии мы можем расположить Окровавленный труп. А кто, кстати сказать, станет в этом году Окровавленным трупом?

– Тренер Лайман, наверно. Он прекрасно справился в прошлом году. – Елена указала на набросок. – Ну ладно, вот здесь мы поставим перегородки и оборудуем Средневековую пыточную камеру. Оттуда народ пойдет в Камеру живых мертвецов...

– Думаю, мы должны сделать Комнату друидов, – вдруг предложила Бонни.

– Кого? – переспросила Елена, но, как только Бонни начала орать «дру-и-дов», успокаивающе подняла руку: – Хорошо-хорошо, я помню. Но почему?

– Потому что это именно они изобрели Хэллоуин. Он начался как один из их священных праздников, для которого они раскладывали костры и выставляли напоказ репы с вырезанными на них человеческими лицами, чтобы отогнать злых духов. Друиды верили, что именно в этот день грань между живыми и мертвыми почти исчезает. И все это было по-настоящему страшно. Они приносили человеческие жертвы. А мы могли бы принести в жертву тренера Лаймана.

– А что, совсем неплохая идея, – одобрила Мередит, – Окровавленный труп мог бы стать жертвой. Представьте, он лежит на каменном алтаре, а рядом валяется окровавленный нож. И кругом лужи крови. А когда люди будут подходить к нему совсем близко, он может внезапно садиться.

– Может случиться слишком много сердечных приступов, – сказала Елена, однако ей тоже пришлось признать, что эта идея совсем неплоха, и ее точно можно назвать пугающей.

Ей даже стало как-то нехорошо, когда она об этом задумалась. Лужи крови... хотя на самом деле там была бы всего лишь кукурузная патока «Каро».

Две другие девочки тоже притихли. Из мужской раздевалки послышался шум бегущей воды, хлопанье шкафчиков и глухие, неразборчивые голоса.

– Тренировка закончена, – резюмировала Бонни. – На улице, должно быть, уже темно.

– Да-да, и наш герой отмывается, – сказала Мередит, со значением поднимая брови в адрес Елены. – Хочешь подсмотреть в замочную скважину?

– Очень бы хотелось, – лишь наполовину шутливо призналась Елена.

Атмосфера в пустом зале заметно помрачнела. И в этот момент Елена действительно пожелала увидеть Стефана, оказаться рядом с ним.

– А вы больше ничего не слышали про Викки Беннетт? – внезапно спросила она.

– Почти ничего, – отозвалась Бонни, – Только то, что родители Бонни подыскивают ей психиатра.

– Специалиста по душевным болезням? А зачем?

– Ну-у... наверно, они думают, что ее рассказы... в общем, что все это связано с галлюцинациями или с чем-то вроде того. И еще я слышала, что Бонни видит чертовски кошмарные сны.

– Надо же, – выдохнула Елена.

Звуки в мужской раздевалке постепенно затихли, и девочки услышали, как хлопает наружная дверь.

«Галлюцинации, – подумала Елена. – Галлюцинации и кошмарные сны».

Почему-то она вдруг вспомнила ту ночь на кладбище, когда Бонни заклинала их спастись от чего-то, чего никто из них видеть не мог.

– Думаю, мы все-таки должны вернуться к работе, – сказала Мередит.

Елена стряхнула с себя неприятное воспоминание и кивнула.

– А знаете... мы могли бы устроить кладбище, – неуверенно предложила Бонни, словно бы читая мысли Елены. – В Доме с привидениями, я имею в виду.

– Нет, – резко откликнулась Елена. – Нет, думаю, нам нужно придерживаться того, что у нас уже запланировано, – добавила она уже немного спокойнее, склоняясь над своим блокнотом.

Снова какое-то время не слышалось ни единого звука, кроме негромкого скрипа авторучек и шуршания бумаги.

– Ну, хорошо, – наконец попытожила Елена. – Теперь нам придется сделать замеры для других перегородок. Кому-то придется забраться за трибуны... Что скажете?

Тут свет в физкультурном зале моргнул и стал тусклым.

– Вот тебе и на, – раздраженноотреагировала Мередит.

Свет еще раз моргнул, погас и опять загорелся, но ярче не стал.

– Не могу ничего различить, – сказала Елена, вглядываясь в свои записи.

Посмотрев на Бонни и Мередит, она увидела два белых пятна вместо лиц.

– Наверно, что-то не так с аварийным генератором, – предположила Мередит. – Я позову

мистера Шелби.

– Может, мы лучше закончим завтра? – жалобно попросила Бонни.

– Завтра суббота, – напомнила Елена. – А мы еще на прошлой неделе должны были все это закончить.

– Я позову Шелби, – снова сказала Мередит. – Бонни, тебе лучше пойти со мной.

– Мы все могли бы пойти... – начала было Елена, но Мередит ее перебила:

– Если мы все пойдем и не сможем его найти, тогда нам уже не удастся вернуться в гимнастический зал. Пойдем, Бонни, это совсем рядом.

– Но там так темно.

– Сейчас везде темно: дело уже к ночи. Идем, нам двоим там ничто не грозит. – И Мередит потянула упирающуюся Бонни к двери. – А ты, Елена, никого сюда не впускай.

– Будто мне требуется об этом напоминать – отозвалась Елена, выпуская девочек за дверь и наблюдая, как они идут по коридору.

Когда их силуэты стали растворяться в сумерках, она отступила назад и закрыла дверь.

«Фантастическая катавасия», – обычно выражалась в подобных случаях ее матушка.

Елена подошла к картонной коробке, которую притащила Мередит, и начала складывать папки и блокноты обратно. В скудном свете она едва различала смутные очертания предметов. Не слышалось никаких звуков, кроме ее собственного дыхания и шорохов, которые она производила. Елена оказалась одна в этом огромном, плохо освещенном помещении... И кто-то за ней наблюдал... Елена сама не понимала, как такое может быть, но она ни секунды в этом не сомневалась. Кто-то находился у нее за спиной в физкультурном зале, внимательно наблюдая за ней.

«Глаза в темноте», – сказал тогда бездомный старик.

Викки тоже о них упомянула. И теперь эти глаза смотрели на Елену.

Она быстро развернулась лицом к просторному залу и принялась отчаянно напрягать зрение, вглядываясь в темноту и стараясь даже не дышать. Елене казалось, что если она издаст хоть один звук, то тварь, которая там таится, тут же на нее набросится. Однако ничего увидеть и услышать ей не удавалось.

Трибуны были мрачны, их угрожающие формы простирались в никуда. Дальний конец зала растворялся в сером безликом тумане.

«Темная мгла», – подумала Елена, отчаянно прислушиваясь, и почувствовала мучительное напряжение всех мышц.

Господи, что это еще за негромкое шуршание? Наверняка воображение играло с ней злые шутки... Да-да, пусть уж лучше воображение.

Внезапно разум Елены прояснился. Ей требовалось как можно скорее отсюда убраться. Здесь таилась реальная опасность, а вовсе не ее фантазия. В тених определенно пряталось что-то злое, что-то ужасно навязчивое. И Елена была совершенно одна. Внезапно в дальнем конце зала что-то зашевелилось.

Крик застыл у Елены в глотке. Мышцы тоже одеревенели, скованные страхом – и какой-то неведомой силой. Елена беспомощно смотрела, как неясная форма двигается среди теней, направляясь в ее сторону. Ощущение было такое, как будто сам мрак ожил и теперь, прямо у нее на глазах, оформляется в человеческую фигуру, в симпатичного молодого человека.

– Извините, если я вас напугал.

Голос был очень приятным, с легким акцентом, принадлежность которого Елена определить не смогла. Однако складывалось ощущение, что молодой человек вовсе не извинялся.

Облегчение оказалось таким сильным и внезапным, что стало почти болезненным. Елена расслабилась и шумно выдохнула.

С виду молодой человек напоминал недавнего школьника или помощника мистера Шелби. Обычный улыбчивый парень. Казалось, его позабавило, что Елена из-за него чуть не лишилась сознания.

Хотя... может быть, не вполне обычный. Этот парень был удивительно привлекателен. Пока он подошел, Елена успела разглядеть под шапкой темных волос почти идеальное четко

очерченное лицо. Эти изящные скулы были настоящей мечтой скульптора. Парень был почти незаметен в темноте, потому что носил все черное: мягкие черные ботинки, черные джинсы, черный свитер и черную кожаную куртку.

И он по-прежнему еле заметно улыбался. Облегчение Елены сменилось гневом.

– Как вы сюда вошли? – требовательно спросила она. – И что вы здесь делаете? Вам здесь не следует находиться.

– Я вошел в дверь, – ответил молодой человек.

Его негромкий голос был очень вежливым, однако Елена различила в нем нотки какого-то самодовольства и насторожилась.

– Все двери заперты, – заметила Елена, и в ее тоне прозвучало обвинение.

Парень удивленно поднял брови и улыбнулся:

– В самом деле?

Елена ощутила еще один приступ страха.

– По крайней мере, им полагалось быть закрытыми, – произнесла она самым холодным тоном, на какой была способна.

– Вы злитесь, – серьезным тоном отозвался молодой человек. – Но я же извинился. Еще раз прошу прощения, если я вас напугал.

– Я вовсе не испугалась! – недовольно рявкнула Елена и почему-то на удивление по-дурацки себя почувствовала.

Она теперь казалась себе маленьким ребенком, которого высмеивал кто-то старший и куда более опытный. От этого девочка еще сильнее разозлилась.

– Я просто очень изумилась, – продолжила она. – И это вряд ли удивительно, когда вы так затаились в темноте.

– В темноте порой происходят очень интересные вещи. – Парень по-прежнему явно над ней потешался – Елена могла прочесть это в его глазах.

Затем он подступил еще на шаг, и Елена различила, что глаза у него очень необычные – почти черные, но со странными огоньками внутри. Казалось, вглядываясь в их глубину, можно было упасть, и это падение могло продолжаться вечно.

Елена вдруг поняла, что пристально смотрит в эти черные глаза. Почему же до сих пор не зажегся свет? Елене хотелось убраться подобру-поздорову из физкультурного зала. Она немного отодвинулась в сторону, так что между ней и юношей теперь оказался край трибуны, и собрала оставшиеся папки в сумку. На сегодняшний вечер о любой работе можно было забыть. Теперь Елене хотелось только выбраться отсюда. Однако затянувшееся молчание заставляло ее испытывать определенную неловкость. Молодой человек просто стоял, не двигаясь и внимательно за ней наблюдая. Почему он ничего не говорил?

– Вы здесь кого-то искали? – Елена подсадовала на саму себя за то, что ей пришлось заговорить первой.

Юноша по-прежнему на нее смотрел, его черные глаза буквально в нее впились, отчего Елена испытывала все большее и большее неудобство. Она с трудом сглотнула слюну.

– О да, – прошептал молодой человек, не сводя глаз с ее губ.

– Что? – Елена уже забыла, о чем спросила.

Ее щеки и шея горели от прилившей к ним крови. Елена чувствовала необычайную легкость в голове. Если бы он только перестал так на нее смотреть...

– Да, я здесь кое-кого искал, – повторил он не громче чем раньше.

А затем неспешно подошел к ней, так что теперь их разделял только угол сиденья на трибуне.

Елена даже не могла вздохнуть. Он стоял так близко. Достаточно близко, чтобы до нее дотронуться. Елена чувствовала легкий запах одеколона и кожаной куртки. Зрачки его глаз, черных как полночь, были расширены, точно у кота. Таких глаз Елена еще никогда в жизни не встречала. Она видела только эти глаза, пока молодой человек нагибался к ней, постепенно склоняя голову. Елена ощутила, как глаза ее закрываются. А затем почувствовала, как голова ее запрокидывается, а губы раздвигаются.

Нет! Елена очень вовремя мотнула головой в сторону. И почувствовала себя так, словно только что отшатнулась от края пропасти.

«Что я делаю? – подумала она в шоке. – Я чуть было не позволила ему меня поцеловать. Совершенно незнакомому человеку, которого я каких-то несколько минут тому назад впервые в жизни увидела!»

Но это было еще не самое худшее. Помимо всего прочего, случилось нечто совершенно невероятное. На эти несколько минут Елена совершенно забыла о Стефане.

Однако теперь образ любимого заполнил ее разум, и страстное томление разлилось в ней почти как физическая боль. Елена отчаянно хотела, чтобы Стефан как можно скорее ее обнял, хотела быть вместе с ним.

Она с трудом сглотнула. Ноздри ее раздулись, тогда Елена резко втянула в себя воздух. В ее ровном голосе наконец-то зазвучало достоинство.

– Мне лучше отсюда уйти, – произнесла Елена. – Если вы тут кого-то искали, вам следует посмотреть в другом месте.

Глава 11

Елена брела по темному коридору, пытаясь хоть что-то различить в окружающем сумраке. А затем мир вокруг словно вспыхнул и снова стал ярким, и Елена обнаружила, что стоит среди хорошо знакомых ей шкафчиков. Облегчение стало таким сильным, что она чуть не вскрикнула. Никогда бы Елена не подумала, что будет так счастлива просто видеть все окружающее.

Молодой человек как-то странно на нее смотрел. Елена никак не могла понять, что отражается у него на лице. Пожалуй, смесь раздражения, невольного уважения... и чего-то еще. Чего-то яростного и жаркого, смутно пугающего.

Юноша дождался, пока она возьмется за дверную ручку, а затем ответил тоном негромким, но серьезным, лишенным всяких следов прежнего удовольствия:

– Возможно, я уже ее нашел... Елена.

Когда она обернулась, то уже ничего не сумела там различить. С минуту она стояла, благодарно озираясь.

– Елена! Что ты здесь делаешь?

По коридору к ней спешили Бонни и Мередит.

– Где вас носило? – гневно спросила Елена.

Мередит скорчила гримасу:

– Мы никак не могли найти Шелби. А когда наконец-то нашли, оказалось, что он спит. Я серьезно, – добавила она под недоверчивым взглядом Елены. – Он спал. И мы никак не могли его разбудить. Только когда свет вспыхнул, он соизволил открыть глаза. Тогда мы пустились обратно к физкультурному залу. Но что ты здесь делаешь?

Елена заколебалась.

– Я устала ждать, – как можно непринужденней объяснила она. – И решила, что на сегодня мы уже достаточно поработали.

– Как странно от тебя это слышать, – отозвалась Бонни.

Мередит ничего не сказала, однако бросила на Елену пристальный, любопытный взгляд. У Елены возникло неприятное ощущение, будто темные глаза ее подруги заглядывают к ней в душу.

Весь уик-энд и всю последующую неделю Елена работала над планами для Дома с привидениями. Времени на личную жизнь отчаянно не хватало, но еще больше ее разочаровывал Стефан. Елена чувствовала, как страстно он ее любит, но в тоже самое время ясно видела, как он с собой борется, стараясь, чтобы они ни на минуту не оставались вдвоем. Во многих отношениях Стефан оставался для нее такой же загадкой, как в день самой первой их встречи.

Он никогда не заговаривал с Еленой о своей семье или о своей жизни до прибытия в Феллс-Черч. Если же она задавала вопросы, Стефан оставлял их без внимания. Однажды Елена спросила его, не скучает ли он по Италии, не сожалеет ли о том, что приехал сюда. И на мгновение глаза Стефана прояснились, и в их лиственной зелени промелькнули искры.

– Как я могу сожалеть, когда ты здесь? – спросил он в ответ у Елены и поцеловал ее так, что у нее из головы тут же вылетели все сомнения.

В это мгновение Елена вдруг поняла, что значит быть абсолютно счастливой. Она также почувствовала радость Стефана и, стоило ему только отстраниться, увидела, что лицо его сияло, словно освещенное солнцем.

– Ах, Елена, – прошептал Стефан.

Если бы так было всегда! Однако в последнее время Стефан все реже и реже ее целовал, и Елена чувствовала, что дистанция между ними все увеличивается.

В пятницу они с Бонни и Мерedit решили заночевать у Маккаллогов.

Серое небо грозило пролиться дождем, когда они с Мерedit приближались к дому Бонни. Было непривычно прохладно для середины октября, а деревья, обрамлявшие узкую улочку, уже явно почувствовали укусы холодных ветров. Между темно-алыми вспышками кленов желтели китайские гинкго.

Бонни приветствовала их у двери радостными восклицаниями:

– Ура! Все уехали! Весь дом будет в нашем распоряжении до завтрашнего дня, пока мои родные не вернутся из Лисберга. – Она поманила подруг внутрь, одновременно придерживая перекормленного пекинеса, который отчаянно пытался выбраться наружу. – Нет-нет, Янцзы, останься! Не надо, Янцзы! Нет!

Но было уже слишком поздно. Янцзы вырвался на волю и стремительным колом прокатился через передний двор к одинокой березе, где увлеченно залаял куда-то в сторону ветвей. Складки жира на его спине тревожно подрагивали.

– Ну и на кого он теперь ополчился? – зажимая уши, поинтересовалась Бонни.

– Похоже, там ворона, – сказала Мерedit.

Елена оцепенела. Затем сделала несколько шагов к дереву, внимательно вглядываясь в золотистую листву. И точно, там сидела та самая ворона, которую она уже дважды видела.

«Возможно, даже трижды», – подумала Елена, припоминая темную форму, что махала крыльями среди дубов на кладбище.

При виде вороны в животе у девочки все сжалось от страха, а руки похолодели. Птица снова смотрела на нее блестящими черными глазами, почти человеческими. Эти глаза... где же еще она видела такие глаза?

Внезапно все три подруги разом подпрыгнули, когда ворона испустила хриплое карканье и забила крыльями, срываясь с березы в их сторону. В самый последний момент птица изменила направление и понеслась напрямик на маленькую собачонку, которая по-прежнему истерически лаяла. Промчавшись в считанных дюймах от собачьих клыков, наглая ворона снова взмыла вверх и, перелетев через дом, исчезла в ветвях черного ореха на противоположной стороне. Девочки изумленно застыли. Затем Бонни и Мерedit переглянулись, и их нервный смех несколько рассеял общее напряжение.

– На какое-то мгновение мне показалось, будто она летит прямо на нас, – заметила Бонни, подходя к взбешенному пекинесу и унося его обратно в дом.

Пес так и не переставал истерически лаять.

– Мне тоже, – тихо промолвила Елена.

Следуя за подругами, она не присоединилась к их смеху.

Однако стоило только им с Мерedit оказаться в знакомом, теплом и светлом доме, как вечер пошел по привычному сценарию. Трудно было удержать в себе тревогу и неловкость, сидя у Бонни в гостиной перед полыхающим камином, с чашкой горячего шоколада в руках. Вскоре все трое уже энергично обсуждали окончательные планы относительно Дома с привидениями, и Елена заметно расслабилась.

– Вообще-то мы удивительно непредусмотрительны, – наконец заметила Мерedit. – Мы так долго и подробно обсуждали костюмы всех остальных, что даже не успели подумать о своих собственных.

– Мой костюм будет предельно прост, – откликнулась Бонни. – Я собираюсь нарядиться друидской жрицей, так что мне нужен только венок из дубовых веток и какие-нибудь просторные белые одежды. Мы с Мэри сможем сшить их за один вечер.

– А я, пожалуй, буду ведьмой, – задумчиво произнесла Мерedit. – Мне потребуется всего

лишь длинное черное платье. А ты, Елена?

Елена улыбнулась:

– Вообще-то я намеревалась держать это в секрете, но ладно... Тетя Джудит позволила мне сходить к портному. В одной из книг, которые я использовала для устного доклада, я нашла картинку с дамским платьем времен Ренессанса и скопировала ее. Мой наряд из венецианского шелка снежно-голубого цвета будет великолепен.

– Это даже звучит великолепно, – заметила Бонни. – И очень дорого.

– Я использую деньги из родительского кредита. Очень надеюсь, что Стефану понравится мой наряд. Для него это станет сюрпризом... в общем, надеюсь, ему понравится.

– А сам Стефан, что собирается делать? Он помогает тебе с Домом с привидениями? – заинтригованно спросила Бонни.

– Не знаю, что он надумал, – после некоторой заминки призналась Елена. – Стефана, похоже, не слишком вдохновляет вся эта возня с Хэллоуином.

– Сложно представить его завернутым в рваные кровавые простыни подобно другим парням, – согласилась Мередит. – Для такого он... ну, скажем, слишком благороден.

– Я знаю, что надо сделать! – вдруг воскликнула Бонни. – Точно знаю, и ему даже наряжаться особенно не придется. Послушайте, ведь он иностранец, и он такой бледный. У него такой чудесный задумчивый вид... Просто оденем его во фрак – и получится идеальный граф Дракула!

Елена, сама того не желая, криво улыбнулась.

– Что ж, я ему предложу, – сказала она.

– Кстати, о Стефане, – медленно произнесла Мередит, не сводя темных глаз с Елены. – Как у вас там дела?

Негромко вздохнув, Елена отвернулась от камина.

– Не знаю... не уверена, – медленно промолвила она, наконец. – Бывает так, что все чудесно, а бывает по-другому...

Бонни и Мередит переглянулись, а затем Мередит спокойно спросила:

– Как по-другому?

Елена заколебалась, размышляя. Затем она приняла решение.

– Одну секунду, – сказала она и поспешила вверх по лестнице.

Вскоре девочка вернулась с синей бархатной книжкой в руках.

– Я написала это прошлой ночью, когда никак не могла заснуть, – начала Елена. – Тут все просто идеально изложено. – Она нашла нужную страницу, перевела дух и стала читать:

17 октября

Мой милый Дневник!

Сегодня ночью я ужасно себя чувствую. И я непременно должна с кем-то поделиться своими мыслями.

Между мной и Стефаном происходит что-то непонятное. У него внутри таится страшная печаль, до которой я не могу добраться, и это нас разделяет. Я просто не знаю, что делать.

Я неспособна вынести даже мысли о том, что могу его потерять. Но Стефан из-за чего-то так несчастен. Если он не скажет мне, что это, если он полностью мне не доверится, я не вижу для нас никакой надежды.

Вчера Стефан меня обнял, и я почувствовала что-то гладкое и округлое у него под рубашкой. Оказалось, что кольцо на цепочке. Я насмешливо спросила, не подарок ли это от Кэролайн. А Стефан вдруг застыл и даже не ответил. Как будто он вдруг оказался за тысячу миль отсюда, а его глаза... в его глазах появилась такая боль, что я с трудом смогла это вынести.

Тут Елена перестала читать и молча пробежалась глазами по последней записи в дневнике.

Мне кажется, кто-то причинил ему ужасную боль в прошлом, и Стефан так и не смог с

этим примириться. А еще мне кажется, что у него есть какая-то страшная тайна, и он отчаянно боится, что я ее открою. Ах, если бы я только узнала, что это за тайна, я смогла бы доказать Стефану, что он может мне доверять. И тогда он уже станет доверять мне до самого конца.

– Если бы я только знала, – невольно прошептала Елена.

– Что? – переспросила Мередит, и Елена подняла глаза, наполнившиеся слезами.

– Если бы я только знала, что будет дальше, – быстро проговорила Елена, закрывая дневник. – Я хочу сказать, если бы я только знала, что мы в конечном итоге разойдемся, может статься, я бы захотела со всем этим покончить. А если бы я только знала, что, в конце концов, все сложится хорошо, я бы не стала уделять столько внимания тому, что происходит прямо сейчас. А так, ничего толком не зная, просто ужасно день за днем все это терпеть.

Бонни прикусила губу, и глаза ее заискрились.

– Я могу показать тебе, Елена, как это можно выяснить, – предложила она. – Моя бабушка рассказала мне про один из способов узнать, за кого ты выйдешь замуж. Этот ритуал называется «немой ужин».

– Ваш старый друидский фокус, как я догадываюсь, – язвительно вставила Мередит.

– Не знаю, насколько он старый, – отозвалась Бонни. – Бабушка говорит, что «немые ужины» существовали всегда. Так или иначе, этот способ работает. Моя матушка попробовала его и увидела образ моего отца, а через месяц они уже поженились. Все очень просто, Елена, да и что ты теряешь?

Елена перевела взгляд с Бонни на Мередит.

– Не знаю, – сказала она. – Наверно, ничего. Но послушай, неужели ты, правда, веришь, что...

Бонни напустила на себя оскорбленный вид:

– Так ты называешь мою матушку лгуньей? Брось, Елена, попытка не пытка. Почему бы и нет?

– А что я должна сделать? – с сомнением спросила Елена, чувствуя себя на редкость заинтригованной, но в то же время несколько напуганной.

– Все очень просто. Мы только должны успеть подготовиться до полуночи...

В итоге за пять минут до полуночи Елена стояла в столовой дома Маккаллогов, чувствуя себя последней дурой. Из заднего дворика доносился бешеный лай Янцзы, но внутри дома не было никаких звуков, если не считать неспешного тиканья старинных часов с боем. Следуя инструкциям Бонни, Елена молча расположила на черном ореховом столе одну тарелку, один стакан и один столовый серебряный прибор. Затем она зажгла свечу, стоящую в серебряном подсвечнике в центре стола, после чего встала за стулом, держа его за спинку.

Согласно поучениям Бонни, как только пробьет полночь, Елене следовало отодвинуть стул на себя и пригласить своего будущего супруга на него присесть. В этот момент свече предстояло погаснуть, а на стуле должна была появиться призрачная фигура.

Сначала Елена испытывала по этому поводу легкую неловкость, вовсе не уверенная в том, что желает видеть любые призрачные фигуры, пусть даже своего будущего мужа. Но затем вся церемония стала казаться ей глупой и безвредной. Как только часы начали бить, Елена выпрямилась и покрепче ухватила за спинку стула. Бонни велела ей не отпускать его, пока вся церемония не закончится.

Господи, все это и впрямь было предельно глупо. Возможно, ей не следовало произносить слова... но, как только часы пробili полночь, она вдруг с удивлением услышала собственный голос:

– Входи, – смущенно предложила Елена пустой комнате, вытягивая на себя стул. – Входи, присядь...

Свеча погасла.

Елена вздрогнула во внезапно сгустившейся темноте. Она почувствовала порыв ветра, который, судя по всему, и задул свечу. Этот ветер определенно исходил от застекленной двустворчатой двери у нее за спиной, и Елена быстро повернулась, по-прежнему придерживая одной рукой стул. Она могла бы поклясться, что дверь была закрыта. Что-то двигалось в

темноте.

Страх охватил Елену, унося прочь ее смущение и любые следы интереса к любопытному ритуалу. Господи, да что же она такое наделала, что навлекла на себя? Сердце глухо стучало в груди, и Елене показалось, будто она только что без предупреждения нырнула в самый ужасный ночной кошмар. Вокруг было не только темно, но и тихо, как в могиле. Нечего было видеть и слышать, и Елена падала...

– Разрешите! – вдруг произнес чей-то голос, и яркое пламя вспыхнуло в темноте.

На какое-то ужасное, тошнотворное мгновение Елене показалось, будто это Тайлер. Ей припомнилась его зажигалка в разрушенной церкви на холме. Но когда свеча на столе снова загорелась, Елена увидела вовсе не мясистый кулак Тайлера, а бледную руку с длинными тонкими пальцами, которая держала подсвечник. И тут еще на одно мгновение Елене показалось, будто это Стефан, однако затем она перевела взгляд на лицо гостя.

– Вы! – потрясенно воскликнула она. – Да что вы здесь делаете? – Елена посмотрела на застекленную дверь во двор, которая действительно оказалась открыта. – Вы всегда приходите в чужие дома без приглашения?

– Но ты попросила меня прийти. – Голос был именно такой, каким она его помнила, тихий, ироничный и довольный. Елена припомнила и эту улыбку. – Спасибо, – добавил молодой человек и грациозно сел на стул, который она к себе притянула.

Елена отдернула руку.

– Вас я не приглашала, – беспомощно возразила она, разрываясь между гневом и смущением. – А зачем это вы около дома Бонни болтались?

Юноша улыбнулся. Его черные волосы, слишком мягкие и тонкие, отражали пламя свечи, словно темная вода. Лицо его было очень бледным, но в то же самое время совершенно неотразимым. Внезапно он посмотрел ей прямо в глаза:

– О Елена, краса твоя нежная
Подобна баркам ниццейским,
Что в море душистом плывут...

– Думаю, вам лучше уйти.

Елена больше не хотела с ним разговаривать. Собственный голос творил с ней странные вещи, загадочным образом заставлял ее чувствовать свою слабость. В животе у Елены словно что-то таяло.

– Вам здесь быть не полагается. Пожалуйста, уходите. – Она потянулась к свече, собираясь взять ее и выйти из столовой, стараясь преодолеть нарастающее головокружение.

Но прежде чем Елена успела дотянуться до свечи, произошло нечто совершенно экстраординарное. Молодой человек ловко поймал ее протянутую руку, не грубо, но нежно, и задержал ее в своих изящных прохладных пальцах. Затем он аккуратно повернул руку, нагнул темную голову и поцеловал мягкую ладонь.

– Не надо... – в шоке прошептала Елена.

– Идем со мной, – произнес юноша и заглянул ей в глаза.

– Пожалуйста, не надо... – снова прошептала Елена, пока мир кружился вокруг нее.

Чистое безумие. О чем он говорил? Куда она должна была с ним идти? Но Елена испытывала такое головокружение, такую слабость.

Молодой человек встал со стула, галантно ее поддерживая. Елена оперлась об него и почувствовала, как те прохладные пальцы взяли за первую пуговицу ее блузки, у самого горла.

– Пожалуйста, нет...

– Все будет хорошо. Сама увидишь. – Он отдернул ворот блузки, другой рукой придерживая ее затылок.

– Нет! – Внезапно силы вернулись к Елене, и она резко отстранилась, натываясь на стул. – Я серьезно велела вам уходить. Убирайтесь... сейчас же!

На мгновение чистая ярость засверкала в глазах молодого человека, и словно темные волны угрозы начали исходить от него. Но в следующий миг его глаза вновь стали спокойными

и холодными. Легкая улыбка едва мелькнула на лице юноши.

– Я уйду, – произнес он. – Но ненадолго.

Елена покачала головой и стала наблюдать за тем, как он без единого слова выходит в застекленную дверь. Когда дверь, наконец, захлопнулась, девушка замерла, стараясь восстановить дыхание.

Тишина... но ведь здесь вовсе не должно было быть так тихо. Изумленно повернувшись к старинным часам, Елена обнаружила, что они остановились. Однако, прежде чем она смогла пристально их изучить, послышались громкие голоса Бонни и Мередит.

Елена поспешила выйти в коридор, чувствуя непривычную слабость в ногах. Поправив блузку, она застегнула ее на все пуговицы. Задняя дверь оказалась открытой, и Елена увидела две фигуры, склонившиеся над чем-то лежащим на газоне.

– Бонни? Мередит? Что случилось?

Лишь когда Елена к ним подошла, Бонни подняла потрясенный взгляд. Глаза ее были полны слез:

– Ах, Елена, он мертв.

Похолодев от ужаса, Елена взглянула на небольшое тельце у ног Бонни. Старый пекинес совершенно неподвижно лежал на боку. Глаза его были открыты.

– Ах, Бонни, – выдохнула она.

– Он был стар, – со слезами в голосе произнесла Бонни, – но я никогда не думала, что он умрет так скоро. Ведь еще совсем недавно он лаял.

– Думаю, нам лучше войти в дом, – предложила Мередит.

Елена посмотрела на нее и кивнула. В сегодняшнюю ночь оставаться в темноте определенно не следовало. Приглашать к себе призраков в эту ночь тоже было не лучшей мыслью. Теперь Елена это точно знала, хотя по-прежнему не понимала, что же случилось.

Только когда они вернулись в гостиную, Елена вдруг обнаружила, что ее дневник пропал.

* * *

Стефан оторвался от мягкой, как бархат, шеи оленихи. Лес был полон ночных звуков, и юноша не очень хорошо понимал, что именно его встревожило.

Когда Сила его разума рассеялась, олениха вышла из транса. Стефан почувствовал, как мышцы животного подрагивают, пока оно пыталось подняться на ноги.

«Иди же», – подумал он тогда, улыбаясь и отпуская олениху.

Та тут же легко встала и побежала прочь.

Итак, Стефан получил вполне достаточно. Аккуратно облизывая уголки рта, он чувствовал, как клыки его втягиваются и тупеют. Как всегда после утоления голода, вернулась сверхчувствительность. Так сложно было понять, когда нужно остановиться. Приступы головокружения вроде того, что случился у разрушенной церкви, больше не повторялись, но юноша жил в постоянном страхе перед их возвращением.

Мучил Стефана и один особенный страх: что в один прекрасный день он придет в себя после очередного приступа, а у него в руках окажется безжизненное тело Елены, что на изящном горле девочки окажутся две красные отметинки, а ее сердце навеки замрет.

Вот чего ему следовало опасаться. Жажда крови, со всем разнообразием страхов и наслаждений, даже сейчас оставалась для Стефана загадкой. Прожив с ней несколько столетий, он по-прежнему толком ее не понимал. Как человека, Стефана вне всяких сомнений отвращала, доводила до тошноты сама мысль о том, чтобы высасывать роскошную теплую влагу из живого тела. Если, конечно, именно так все это описывать.

Впрочем, никакие слова не использовались в ту ночь... в ту ночь, когда Катрина его изменила.

Даже после всех этих лет воспоминание по-прежнему оставалось ясным. Стефан спал, когда Катрина появилась в его покоях, тихая, как призрак. Да, он тогда спал, оставшись наедине...

Катрина пришла к нему в одной лишь тонкой полотняной сорочке.

Это случилось как раз перед тем днем, который она сама назвала, чтобы объявить о своем выборе.

Белая рука развела занавеси над его ложем. Стефан очнулся от сна и в тревоге сел на кровати. Но, увидев светло-золотистые волосы Катрины, поблескивающие на ее хрупких плечах, ее голубые глаза в полумраке, юноша лишился дара речи.

Еще ни разу в жизни Стефан не видел ничего столь безупречно-прекрасного. Он задрожал и попытался заговорить, но Катрина приложила два прохладных пальца к его губам.

– Тише, – прошептала она и легла рядом с ним.

Лицо Стефана запылало, а сердце глухо заколотилось от смущения и возбуждения. Женщина в его постель еще никогда не ложилась. И это была Катрина! Катрина, чья красота, казалось, сошла с небес! Катрина, которую он любил больше своей души!

Именно в силу своей любви Стефан сделал над собой великое усилие. Когда Катрина скользнула под одеяла, придвигаясь так близко, что Стефан смог почувствовать прохладную свежесть ее тонкой ночной сорочки, он все-таки сумел заговорить.

– Катрина, – прошептал Стефан. – Мы... знаешь, я могу подождать. Пока мы не обвенчаемся. Я скажу отцу, чтобы он на следующей неделе все организовал. Все будет... очень скоро...

– Тише, – снова прошептала Катрина, и Стефан ощутил холодность ее кожи. Тут он уже не смог с собой справиться – ему пришлось обнять девушку и прижать ее к себе. – То, что мы сейчас сделаем, никакого отношения к браку не имеет, – сказала Катрина и тонкими холодными пальцами погладила горло Стефана.

Он все понял. И ощутил внезапный страх, который, впрочем, вскоре испарился, подчиняясь нежному прикосновению ее пальцев. Стефан хотел этого, хотел чего угодно, лишь бы это позволило ему оставаться вместе с Катриной.

– Лежи смирно, любовь моя, – прошептала Катрина.

«Любовь моя». Два слова утонули в Стефана, когда он откинулся на подушки, так наклоняя голову, чтобы горло оказалось обнажено. Всякий страх пропал, сменяясь счастьем столь великим, что Стефан почти не дышал, опасаясь его разрушить.

Волосы Катрины мягко скользнули по его груди. Стефан ощутил нежное дыхание Катрины на своих губах, затем на горле. И, наконец, почувствовал ее зубы.

Последовала острая боль, но Стефан заставил себя лежать спокойно. Он не издал ни звука, думая только о Катрине, о том, как хотел ей отдалиться. И почти мгновенно боль прошла, а Стефан ощутил, как кровь понемногу уходит из его тела. Все вышло совсем не так ужасно, как он того боялся. Преобладало скорее чувство отдачи, благотворного вскармливания.

Затем их разумы словно стали сливаться, становясь единым целым. Стефан смог ощутить радость Катрины, ее восторг от принятия теплой крови, которая давала ей жизнь. Он также знал, что Катрина может ощутить его восторг, его взаимное чувство.

Однако реальность понемногу уходила, граница между сном и явью становилась размытой. Стефан не мог думать ясно. Собственно говоря, он вообще не мог думать. Он мог только чувствовать, и его эмоции резко взмывали вверх по спирали, вознося его все выше и выше, разрывая последние связи с землей.

Некоторое время спустя Стефан вдруг обнаружил себя в объятиях Катрины, не понимая, как он туда попал. Она баюкала его, точно нежная мать, обхватив его голову и прикладывая его губы к своей обнаженной плоти как раз над низким воротом ночной сорочки. Там оказалась крошечная ранка, темный порез на фоне бледной кожи, Стефан не почувствовал ни страха, ни колебания, а когда Катрина ободряюще погладила его по голове, он начал пить теплую кровь своей любимой.

Холодный и спокойный, Стефан стряхнул грязь со своих коленей. Человеческий мир спал, погрузившись в ночной сумрак, но чувства юноши были остры как кинжал. Итак, ему следовало, как следует насытиться, он снова был голоден – воспоминания резко пробудили аппетит. Ноздри Стефана широко раздувались, ловя мускусный запах лисы, и он снова начал охоту.

Глава 12

Елена неторопливо поворачивалась, разглядывая себя в большом зеркале в спальне тети Джудит. Маргарет сидела в ногах массивной кровати с пологом, голубые глаза девочки округлились от восхищения и торжественности момента.

– Хотела бы я иметь такое платье для игры в «кошелек или жизнь», – выдохнула она.

– А мне ты больше нравишься в костюме белой кошечки, – сказала Елена, целуя сестренку между белых бархатных ушек, прикрепленных к ленте на ее голове.

Затем она повернулась к тетушке, стоящей у двери с иголкой и ниткой наготове.

– Просто идеально, – тепло поблагодарила Елена. – Нам ничего не придется менять.

Девушка, отражавшаяся в зеркале, вполне могла бы сойти со страниц альбомов по итальянскому Ренессансу. Ее шея и плечи были обнажены, а плотный лиф голубого как лед платья спускался к тончайшей талии. Длинные, широкие рукава были разрезаны так, чтобы из-под них выглядывал белый шелк сорочки, а широкая юбка едва касалась пола. Платье казалось безупречно-прекрасным, и его бледно-голубой цвет оттенял фиалковую синеву глаз Елены.

Взгляд девочки упал на старомодные часы с маятником над комодом:

– Ох, нет... уже почти семь. Стефан будет здесь в любую минуту.

– Значит, это его машина, – предположила тетя Джудит, выглядывая из окна. – Пойду приглашу его войти.

– Ничего-ничего, – легко отозвалась Елена. – Я, сама его встречу. До свидания, удачной игры в «кошелек или жизнь»! – И она поспешила вниз по лестнице.

«Ну вот, теперь или никогда», – подумала Елена.

Протягивая руку к двери, она вдруг вспомнила тот день, теперь уже почти два месяца тому назад, когда она встала на пути у Стефана после урока европейской истории. Сейчас ее охватывало то же самое чувство предвкушения, возбуждения и напряжения.

«Хотелось бы надеяться, что на этот раз все выйдет совсем не так, как с тем планом», – подумала Елена.

Последние полторы недели все ее надежды были связаны именно с этим моментом, с этим вечером. Если они со Стефаном в этот вечер не сойдутся, они уже никогда не поладят.

Дверь распахнулась, и Елена отступила на шаг, ощущая непреодолимое смущение и страхась увидеть лицо Стефана. Услышав его резкий вдох, она быстро подняла взгляд – и почувствовала, как сердце ее холодеет.

Да, Стефан смотрел на нее в удивлении. Но это была вовсе не та удивленная радость, которую Елена видела в его глазах в ту первую ночь в его комнате. Здесь оказалось что-то близкое к шоку.

– Тебе не нравится, – тихо прошептала Елена, до смерти перепуганная болью в его глазах.

Старательно моргая и качая головой, Стефан постепенно отошел от первого шока:

– Нет-нет, это платье прекрасно. Ты прекрасна.

«Тогда почему же ты стоишь здесь с таким видом, как будто увидел призрака? – подумала Елена. – Почему ты меня не обнимешь, не поцелуешь?»

– Ты тоже чудесно выглядишь, – тихо промолвила Елена.

И действительно – Стефан смотрелся великолепно в плаще и смокинге, подобранных им для образа вампира. Елена удивилась, с какой легкостью он согласился на эту роль. Странное дело – когда она поделилась с ним этой идеей, Стефан как будто даже обрадовался. И теперь он выглядел изысканно-элегантным, как будто подобный наряд был ему гораздо привычнее неизменных джинсов.

– Нам лучше идти, а то опоздаем, – с серьезным видом заметил Стефан.

Елена кивнула и направилась к машине, но сердце ее уже было не просто холодным – его словно затянуло льдом. Теперь Стефан казался дальше от нее, чем когда-либо, и она просто не представляла, как его вернуть.

Гром рокотал в небе, пока они ехали к школе, и Елена тревожно выглядывала из окна машины. Облачная пелена казалась густой и темной, хотя дождь еще не пошел. В воздухе ощущалась страшная наэлектризованность, и тускло-пурпурные грозовые облака придавали

небу поистине кошмарный вид. Казалось бы, идеальная атмосфера для Хэллоуина, угрожающая и потусторонняя, однако в Елене она пробудила лишь страх. Со времени той ночи в доме у Бонни ее что-то не очень тянуло к зловещему и сверхъестественному.

Дневник так к ней и не вернулся, хотя они с Бонни и Мередит перевернули весь дом. Елена по-прежнему не могла поверить, что синяя книжица действительно пропала, а мысль о незнакомце, читающем самые заветные ее откровения, вызывала у девочки дикие ощущения. Разумеется, дневник был похищен – какое еще объяснение можно было предложить? Безусловно, не одна дверь открывалась той ночью в доме Маккаллогов; кто-то мог легко туда проникнуть. Елене хотелось жестоко отомстить тому, кто это сделал.

Темные глаза то и дело являлись ей в видениях. Тот молодой человек, которому она почти поддалась в столовой у Бонни, тот юноша, который заставил ее на время забыть о Стефане... так это он похитил дневник?

Как только они подъехали к школе, Елена поднялась с сиденья. Она заставляла себя улыбаться, пока они со Стефаном пробирались по коридорам. Физкультурный зал являл собой сложно организованный хаос. С тех пор как Елена видела это место в предыдущий раз, все изменилось. Тогда здесь сустились старшие ученики: участники ученического совета, футболисты, члены клуба «Ключ». Все они накладывали последние штрихи на реквизит и декорации. Теперь тут толпилось множество разных незнакомцев, людей и не только.

Несколько зомби повернули головы, когда Елена вошла. Их ухмыляющиеся черепа просвечивали сквозь гниющую плоть на лицах. Затем к ней зашагал гротескно искривленный горбун, а за ним потащился труп с мертвенно-бледной кожей и впалыми глазницами. С другой стороны к ней подбирался волк-оборотень, чья рычащая пасть была залепана кровью, и подходила очень театральная ведьма.

Внезапно Елена с ужасом поняла, что она никак не может узнать этих страшилищ в красочных костюмах. Они роились вокруг нее, восхищаясь льдисто-голубым платьем, приставая с мелкими проблемами, которые уже успели возникнуть. Елена махнула рукой, призывая к тишине, и повернулась к ведьме, чьи длинные темные волосы роскошно сбегали по облегающему черному платью.

– В чем дело, Мередит? – спросила она.

– Тренер Лайман заболел, – угрюмо доложила Мередит. – И кто-то обеспечил нам Таннера на замену.

– Мистера Таннера! – Елена пришла в ужас.

– Да, и он уже доставляет немало проблем. Бедная Бонни только что получила за все хорошее. Тебе лучше пройти вон туда.

Елена со вздохом кивнула, а затем пробралась почти по всему извилистому маршруту Дома с привидениями. Проходя через вызывающую суеверный страх Пыточную камеру и жуткий Кабинет безумного головореза, она подумала, что эти аттракционы обустроены чересчур удачно. Даже на свету все там выглядело вполне натуралистично.

Друидический зал располагался ближе к выходу. Там был сконструирован маленький картонный Стоунхендж. Однако низенькая и прелестная друидическая жрица в белой мантии и венке из дубовых листьев, стоящая среди довольно реалистичных на вид монолитов, готова была вот-вот залиться слезами.

– Но ведь вы должны истекать кровью, – умоляюще говорила она. – Это часть декорации, ведь вы жертва.

– С меня довольно уже этих нелепых одежд. – Кратко отвечал мистер Таннер. – Никто не сообщил мне о том, что меня с головы до ног измажут сиропом.

– На самом деле он к вам даже не пристанет, – продолжала убеждать строптивого учителя Бонни. – Сироп будет только на одежде и на алтаре. Вы жертва, – повторила она с таким видом, как будто одно это слово могло невесть как его убедить.

– А что касается всей этой декорации, – с отвращением произнес мистер Таннер, – то аутентичность ее весьма сомнительна. Да-да, весьма! В противоположность популярным верованиям, друиды вовсе не строили никакого Стоунхенджа. Напротив, его возвела культура бронзового века, которая...

Елена решительно выступила вперед:

– Поймите, мистер Таннер, дело вовсе не в этом.

– Для вас, может быть, и не в этом, – возразил учитель. – Именно поэтому вы с вашей невротичной подружкой дружно проваливаете историю.

– А вот этого уже вовсе не требуется, – произнес чей-то голос, и Елена быстро обернулась на голос Стефана.

– Мистер Сальваторе, – произнес Таннер с таким видом, как будто эти его слова завершали весь праздник, – полагаю, вы можете предложить нам какие-то новые и необычайно мудрые истины? Или вы просто собираетесь поставить мне фингал? – Взор учителя истории с вызовом был устремлен на Стефана, невероятно элегантного в идеально пошитом смокинге, и Елену вдруг поразила догадка.

«На самом деле Таннер немногим старше нас, – потрясенно подумала она. – Просто он кажется старше из-за небольшой лысины, однако я ручаюсь, что ему еще нет и тридцати».

Затем Елена почему-то вспомнила, как неказисто Таннер выглядел на вечере в честь встречи выпускников в дешевом лоснящемся костюме.

«Уверена, – подумала девочка, – на собственном вечере в честь встречи выпускников он даже никогда не бывал».

И впервые ощутила что-то похожее на симпатию к несурзному историку.

Судя по всему, Стефан тоже испытал что-то подобное, ибо, хотя он воинственно подступил к замухрышке, голос его остался сдержан и тих:

– Нет, не собираюсь. Я просто думаю, что во всем этом деле слегка нарушены пропорции. Почему бы нам не... – Дальнейшее Елена не расслышала, ибо Стефан еще больше понизил голос, говоря успокоительным тоном, и мистер Таннер, похоже, действительно к нему прислушался.

Девочка оглянулась на толпу, что собралась у нее за спиной: пять-шесть упырей, оборотень, горилла и горбун.

– Порядок, все под контролем, – сказала она уродам, и те стали постепенно разбредаться по сторонам.

Каким-то странным образом Стефану все-таки удалось исправить ситуацию, хотя Елена видела теперь только его затылок и не слышала, что он говорит.

Затылок... На мгновение непрощенный образ вспыхнул у нее в голове. Тот первый день в школе. Стефан стоит в канцелярии, разговаривая с секретаршей – миссис Кларк. Миссис Кларк тогда как-то очень странно себя повела. Теперь же, когда Елена взглянула на мистера Таннера, она обнаружила, что на лице у него застыло точно такое же слегка озадаченное выражение. Елена внезапно заволновалась.

– Пошли, – бросила она Бонни. – Давай пройдем дальше.

Они пробрались напрямик через зал приземления инопланетян и Кабинет живых мертвецов, ловко проскальзывая между перегородками. Наконец они оказались в самой первой комнате, куда как раз входили гости и где их приветствовал оборотень. Непринужденно общаясь с парой мумий и египетской царицей, страшилище стянуло с себя голову.

Елена вынуждена была признать, что Кэролайн совсем неплохо выглядит в роли Клеопатры. Великолепные линии ее бронзового тела прекрасно просматривались сквозь просвечивающее, облегающее фигуру льняное платье. Так что Мэтта, того самого оборотня, вряд ли можно было винить в том, что его глаза то и дело опускались от лица Кэролайн на очертания ее прелестей.

– Ну что, как дела? – с наигранной легкостью спросила Елена.

Мэтт слегка вздрогнул, затем неловко повернулся к ней и Бонни. Елена не видела его с того самого вечера встречи выпускников, но знала, что у них со Стефаном тоже вышла размолвка. Из-за нее. Хотя Мэтта и в этом сложно было обвинить, Елена понимала, насколько болезненно все это переживал Стефан.

– Все отлично, – смущенно откликнулся Мэтт.

– Когда Стефан закончит с мистером Таннером, я пошлю его сюда, – сказала Елена. – Думаю, он поможет привлечь побольше народу.

Мэтт безразлично пожал плечами.

– А что он закончит с Таннером? – спросил он.

Елена удивленно посмотрела на старого друга.

Она могла бы поклясться, что минуту назад он сам был в Друидическом зале и все видел. Пришлось объяснить.

Снаружи вновь прогрехотал гром, и через настежь распахнутую дверь Елена ясно увидела в ночном небе вспышку молнии. Спустя несколько секунд последовал новый, более мощный удар грома.

– Надеюсь, хоть дождя не будет, – подсадовала Бонни.

– Да, – выдавила из себя Кэролайн, которая не проронила ни слова, пока Елена разговаривала с Мэттом. – Будет такая жалость, если никто сюда так и не придет.

Елена резко на нее взглянула и увидела в узких, кошачьих глазах Кэролайн неприкрытую ненависть.

– Послушай, Кэролайн, – импульсивно произнесла она. – Разве нельзя считать, что мы с тобой в расчете? Разве нельзя забыть о том, что случилось, и начать все заново?

На какой-то миг глаза Кэролайн невольно расширились, а затем опять превратились в узкие щелки. Рот девочки скривился, и она подступила поближе к Елене.

– Я никогда тебе этого не забуду, – прошипела Кэролайн, а затем повернулась и ушла.

Последовало молчание. Бонни и Мэтт смотрели в пол прямо перед собой. Елена подошла к входной двери, чтобы подставить свежему холодному ветру свои горящие щеки. Снаружи она увидела футбольное поле и раскачивающиеся ветви дубов за ним. Снова ее переполнило то странное чувство невнятного предвестия.

«Сегодня та самая ночь, – горестно подумала Елена. – Сегодня ночь, в которую все случится».

Но что именно случится, она понятия не имела.

В преображенном физкультурном зале прозвучал чей-то громкий голос:

– Все в порядке, очередь с автобусной остановки сейчас пойдет. Гаси свет, Эд! – Внезапно сгустился мрак, а воздух наполнился тяжелыми стонами и маниакальным смехом, словно какой-то inferнальный оркестр настраивал свои инструменты.

Елена со вздохом повернулась к своей подруге.

– Приготовься проводить гостей внутрь, – велела она Бонни.

Та кивнула и исчезла во тьме. Мэтт-оборотень щелкнул выключателем магнитофона, который добавил зловещую музыку к общей какофонии.

Из-за угла вышел Стефан, его волосы и одежда сливались с окружающей тьмой. Ясно была видна только белая рубашка.

– С Таннером все улажено, – сообщил он. – Могу я еще чем-то заняться?

– Вообще-то ты можешь поработать здесь с Мэттом, приглашая людей на вход. – Тут Елена осеклась. Мэтт склонялся над магнитофоном, вроде бы настраивая громкость, но головы он не поднимал. Затем Елена посмотрела на Стефана и увидела, что его до того спокойное лицо напряглось, – Или ты можешь пройти в раздевалку для мальчиков, взять на себя ответственность за кофе и бутерброды для персонала, – устало закончила она.

– Я пойду в раздевалку, – решил Стефан.

Пока он разворачивался и уходил, Елена успела подметить легкую неуверенность в его походке:

– Стефан? С тобой все в порядке?

– Все отлично, – отозвался он, восстанавливая равновесие. – Немного устал, только и всего. – Наблюдая за тем, как он уходит, Елена чувствовала, что на сердце у нее становится все тяжелее и тяжелее.

Тогда она повернулась к Мэтту, желая ему что-то сказать, но в этот самый момент цепочка гостей стала проходить в дверь.

– Представление началось, – сказал Мэтт и пригнулся, надевая голову.

Елена двигалась по лабиринту, по ходу решая возникающие проблемы. В предыдущие годы она больше всего наслаждалась этой стороной дела, наблюдая за разворачиванием жутких сцен и за трогательным страхом гостей. Однако на сей раз на все накладывало свой отпечаток общее напряжение и страхи, которые никак ее не покидали.

«Сегодня та самая ночь», – снова подумала Елена, и кусок льда у нее в груди стал,

казалось, еще объемнее.

Старуха с косой – так, по крайней мере, следовало воспринимать сгорбленную фигуру в плаще с капюшоном – прошла мимо Елены, и девочка вдруг задумалась, не видела ли она эту старуху на одной из прежних вечеринок в честь Хэллоуина. Движения этой фигуры вдруг показались Елене очень знакомыми.

Бонни обменялась усталой улыбкой с высокой и стройной ведьмой, которая направляла поток гостей в Паучьи чертоги, Несколько мальчиков класса этак из третьего-четвертого хлопали ладонями по резиновым паукам, что свисали с потолка. Вдобавок дети громко кричали и в целом являли собой сущее неудобство. Бонни поторопила их в Друидический зал.

Здесь стробы света придавали всему помещению эффект картинки из сновидения. Бонни испытала мрачный триумф при виде того, как мистер Таннер возлежал на каменном алтаре. Белые одежды учителя были густо заляпаны кровью, а его глаза слепо таращились в потолок.

– Классно! – выкрикнул один из мальчишек, подбегая к алтарю.

Бонни отступила в сторону и ухмыльнулась, ожидая, когда окровавленная жертва поднимется и до смерти напугает пацана.

Однако мистер Таннер не двинулся даже после того, как мальчик сунул руку в лужу крови рядом с головой жертвы.

«Вот странно», – подумала Бонни, спешно предотвращая попытку школьника ухватиться за жертвенный нож.

– Не смей, – рявкнула она, и мальчуган поднял окровавленную руку.

Во вспышках строба рука показалась как-то слишком уж красной. Бонни ощутила внезапный иррациональный страх, думая, что мистер Таннер так и останется лежать, пока она к нему не склонится, а затем заставит ее подскочить. Однако учитель истории просто глазел в потолок.

– Мистер Таннер, с вами все хорошо? Мистер Таннер? Мистер Таннер!

Ни звука, ни жеста. Даже широкие белые глаза не моргали.

«Не трогай его, – вдруг внезапно и настойчиво произнес голос в голове у Бонни. – Не трогай его, не трогай, не трогай...»

В свете огней девочка увидела, как ее рука словно по собственной воле тянется вперед, как она хватается мистера Таннера за плечо и трясет, как голова его безжизненно запрокидывается. А потом Бонни увидела его горло.

И дико завопила.

Елена услышала крик – звонкий, отчаянный и долгий, не похожий на любые другие звуки в Доме с привидениями. Она сразу поняла, что это не шутка.

Дальше последовал кошмар.

Бегом добравшись до Друидического зала, Елена увидела настоящую живую картину, но вовсе не ту, которая была заготовлена для визитеров. Бонни пронзительно кричала, Мередит держала ее за плечи. Три мальчугана пытались выбраться через занавешенный выход, а два здоровенных старшеклассника, напротив, пытались туда заглянуть, загораживая им путь. Мистер Таннер бессильно раскинулся на каменном алтаре, а его лицо...

– Он мертв! – всхлипывала Бонни, пока ее вопли с трудом преобразовывались в слова. – Господи, кровь настоящая, и он мертв! Ах, Елена, я до него дотронулась, и он мертв, действительно мертв...

Народ ломился в комнату. Кто-то начал орать, и крики оказались подхвачены кем-то еще, после чего все стали пытаться оттуда вырваться, в дикой панике расталкивая друг друга, врезаясь в перегородки.

– Включите свет! – выкрикнула Елена и услышала, как этот крик опять подхватили остальные. – Мередит, быстро доберись до телефона в физкультурном зале и вызови «скорую помощь», вызови полицию... Да врубите же свет!

Когда свет внезапно вспыхнул, Елена огляделась, но так и не увидела никого из взрослых, никого, кому следовало бы взять ситуацию в свои руки. Отчасти Елена была холодна как лед, и разум ее лихорадочно работал, пока она пыталась прикинуть, что делать дальше. А отчасти она просто онемела от ужаса. Мистер Таннер... Да, он никогда ей не нравился, но от этого все почему-то становилось еще ужаснее.

– Уберите отсюда детей! – скомандовала Елена. – Пусть здесь останется только персонал!

– Нет! Закройте двери! Не позволяйте никому отсюда выскользнуть, пока не прибудет полиция! – вдруг закричал один из стоящих неподалеку оборотней, срывая с себя маску.

Елена в изумлении обернулась на голос и увидела, что это не Мэтт, а Тайлер Смоллвуд.

Тайлеру позволили вернуться в школу только на этой неделе, и на его физиономии по-прежнему красовались впечатляющие следы трепки, которую устроил ему Стефан. Однако в голосе верзилы прозвучала определенная авторитетность, и Елена увидела, как вахтеры закрывают входную дверь. Затем она услышала, как еще одна дверь закрывается в противоположном конце физкультурного зала.

Примерно десяток людей столпился вблизи Стоунхенджа. Только в одном из них Елена узнала своего соратника по организации Дома с привидениями. Остальные были учениками из других классов, не очень хорошо знакомыми ей. Один из них, мальчик, одетый пиратом, обратился к Тайлеру:

– Ты хочешь сказать... ты думаешь, тот, кто это сделал, по-прежнему здесь?

– Все верно! Тот, кто это сделал, по-прежнему здесь. – громогласно ответил Тайлер.

В голосе его прозвучало странное возбуждение, словно он почти наслаждался сложившейся ситуацией. Затем верзила ткнул пальцем в лужу крови на каменном алтаре.

– Кровь еще не свернулась. Убийство произошло только что. И посмотрите на то, как перерезано горло. Убийца, должно быть, воспользовался вот этой штуковиной. – Он указал на жертвенный нож.

– Тогда убийца должен быть здесь прямо сейчас. – Испуганно прошептала девочка в кимоно.

– И нетрудно догадаться, кто это! – безапелляционно заявил Тайлер. – Наверняка это тот, кто ненавидел Таннера, кто вечно вступал с ним в споры на уроках, Тот, кто спорил с ним не далее как сегодня вечером. Я сам видел!

«Значит, оборотнем в этой комнате был именно ты, – недоуменно подумала Елена. – Но что ты в таком случае здесь делал? Ты же неходишь в оргкомитет».

– Тот, кто очень даже склонен к насилию, – продолжал Тайлер, невольно скаля зубы. – Тот, кто является злостным психопатом! Тот, кто прибыл в Феллс-Черч с желанием убивать!

– Тайлер, о чем ты болтаешь? – Терпение Елены лопнуло как мыльный пузырь, и она агрессивно подступила к здоровенному парню. – Ты спятил!

Тайлер ткнул пальцем в Елену, даже на нее не глядя.

– Так говорит его подружка – но, может статься, она малость предвзята!

– А может, это ты, Тайлер, малость предвзят? – раздался голос из толпы, и Елена заметила еще одного оборотня, энергично прокладывающего себе дорогу в зал.

Это был Мэтт.

– Я? В самом деле? А почему бы тебе просто не рассказать нам всем, что ты действительно знаешь о Стефано Сальваторе? Откуда он родом? Где его семья? Откуда у него столько денег? – Тайлер немного развернулся, адресуясь к остальной части толпы. – Кто вообще хоть что-то о нем знает?

Народ дружно качал головами. Елена ясно видела, как на лицах появляется недоверчивое выражение. Недоверие к чему-то неизвестному, к чему-то иному. А Стефан действительно был иным. Он был среди них иностранцем, а теперь людям потребовался козел отпущения.

– До меня дошел слух... – начала девочка в кимоно.

– Вот именно! Слухов мы все наслушались! – воскликнул Тайлер. – Но толком о нем никто ничего не знает. Хотя одно я знаю совершенно точно. Нападения на людей в Феллс-Черче начались в первую неделю занятий – сразу же после того, как сюда прибыл Стефан Сальваторе!

Тут стали раздаваться шепотки, а Елена вдруг потрясенно осознала простую истину. Конечно, все это было прямо смехотворно. Простое совпадение. Однако по сути Тайлер говорил чистую правду. Нападения на людей начались, когда в городок прибыл Стефан.

– И я вам кое-что еще скажу! – заорал Тайлер, взмахом руки призывая к молчанию. – Вы только послушайте! Я вам кое-что еще скажу! – Он подождал, пока все глаза не обратились на него, а затем медленно, стараясь произвести впечатление, произнес: – Стефан Сальваторе

находился на кладбище в ту ночь, когда было совершено нападение на Викки Беннетт.

– Конечно, он был на кладбище – тебе физиономию чистил, – заметил Мэтт, но его словам не хватало привычной силы и убедительности.

Ухватившись за эту ремарку, Тайлер погнал дальше:

– Да-да, и он чуть было меня не убил. А сегодня кто-то действительно убил Таннера. Не знаю, что думаете вы, но, по-моему, это сделал Стефан Сальваторе. Я думаю, он убийца!

– Но где он теперь? – выкрикнул кто-то из толпы.

Тайлер огляделся.

– Если он это сделал, то должен быть где-то здесь, – резонно заключил он. – Давайте его найдем.

– Стефан ничего такого не делал! Тайлер, ты просто... – воскликнула Елена, но ее заглушил шум толпы.

Слова Тайлера, многократно повторенные, были восприняты как призыв к действию.

«Найдем его... найдем его... найдем».

Елена услышала, как настойчивое требование Тайлера переходит от одного человека к другому. Теперь лица в Друидическом зале светились не только недоверием: Елена видела в них гнев и жажду мести. Толпа вдруг обернулась чем-то уродливым и неконтролируемым.

– Где он, Елена? – спросил Тайлер, и она ясно увидела, как глаза парня пылают огнем победы.

Он явно всем этим наслаждался.

– Не знаю, – яростно отозвалась Елена, желая его ударить.

– Он по-прежнему должен быть где-то здесь! Найдем его! – выкрикнул кто-то, а затем все сразу лихорадочно задвигались, указывая пальцами, толкая друг друга, сшибая и отпихивая перегородки.

Сердце Елены бешено колотилось. Группа школьников превратилась в разъяренную толпу. И Елена страшилась того, что эта толпа может сделать со Стефаном, если он попадется под руку. С другой стороны, пытаясь предупредить Стефана, она приведет Тайлера прямо к нему.

Елена отчаянно огляделась. Бонни все еще заморожено смотрела в мертвое лицо мистера Таннера. От нее ждать помощи было бессмысленно. Снова оглядев толпу, Елена встретила глазами с Мэттом.

Парень выглядел смущенным и разгневанным, его светлые волосы растрепались, а щеки пылали. Елена вложила всю свою энергию в умоляющий взор.

«Пожалуйста, Мэтт, – подумала она. – Ведь ты можешь мне поверить. Ты же знаешь, что это неправда».

Однако в глазах парня читалось явное сомнение.

«Пожалуйста, – подумала Елена, пристально вглядываясь в эти голубые глаза, отчаянно желая, чтобы Мэтт ее понял, – Пожалуйста, Мэтт, только ты можешь его спасти. Пожалуйста, даже если ты сомневаешься, попытайся мне довериться... пожалуйста...»

И к облегчению своему, Елена увидела, как лицо Мэтта постепенно меняется. Смятение уходило, уступая место хмурой решимости. Парень еще мгновение смотрел на Елену, буквально сверля ее глазами, а затем лишь раз кивнул. Наконец он резко развернулся и исчез в возбужденной, мятущейся толпе.

Мэтт энергично пробивался сквозь людскую массу, пока не добрался до противоположной стороны физкультурного зала. Там, рядом с дверью в раздевалку для мальчиков, стояли какие-то новички. Мэтт кратко приказал им поднимать поваленные перегородки, а когда они отвлеклись, дернул дверь раздевалки и проскользнул внутрь.

Там Мэтт быстро огляделся, не желая подавать голос.

«Раз уж на то пошло, – подумал он, – Стефан должен был слышать шум в физкультурном зале. Наверно, он уже отсюда сбежал».

Но затем парень заметил фигуру в черном на белом кафельном полу.

– Стефан! Что случилось? – Какое-то жуткое мгновение Мэтт думал о том, что перед ним лежит еще одно бездыханное тело.

Однако, опустившись на колени рядом со Стефаном, он заметил, что тот шевелится.

– Ну-ну, все нормально, просто садись помаленьку... вот так, полегче. С тобой все в порядке?

– Да, – отозвался Стефан. Однако с виду он казался далеко не в порядке. Лицо его было мертвенно-бледным, а зрачки сильно расширились. Стефан был явно не в лучшем виде и не в лучшей форме. – Спасибо, – поблагодарил он Мэтта.

– Можешь на время обо мне забыть. Послушай, Стефан, тебе надо отсюда убраться. Ты слышишь? Тебя ищут.

Стефан повернулся к физкультурному залу, словно бы прислушиваясь. Так ничего и не поняв, он повернулся к Мэтту:

– Кто меня ищет? Почему?

– Все. Не имеет значения, почему. Сейчас имеет значение только то, что тебе надо отсюда убраться, прежде чем они за тобой явятся. – Поскольку Стефан продолжал на него смотреть с искренним удивлением, Мэтт добавил: – Произошло еще одно нападение, на сей раз на Таннера, мистера Таннера. Он мертв, Стефан, и все думают, что это ты его убил.

Теперь в глазах Стефана наконец-то вспыхнула искорка понимания. Понимание, ужас и что-то вроде покорного признания своего поражения – выражение на лице у Стефана не на шутку напугало Мэтта. Он схватил его за плечо и крепко потряс.

– Я знаю, что ты этого не делал, – заверил Мэтт Стефана, и в тот момент это показалось ему правдой. – Все остальные тоже это поймут, когда снова смогут хорошенько подумать. Но пока что тебе лучше отсюда убраться.

– Убраться... да, хорошо, – отозвался Стефан. Похоже, он пришел в себя, и теперь в глазах парня появилась жгучая горечь. – Я отсюда... уберусь.

– Стефан...

– Мэтт... – В зеленых глазах разгоралось темное пламя, и Мэтт вдруг понял, что не может от них оторваться. – А с Еленой все хорошо? Позаботься о ней. Пожалуйста.

– Стефан, о чем ты говоришь? Ты невиновен. Все это обвинение рухнет, как только...

– Просто позаботься о ней, Мэтт.

Мэтт отступил на шаг, все еще заглядывая в эти магически притягивающие зеленые глаза. Затем неспешно кивнул.

– Хорошо, позабочусь, – тихо отозвался он, провожая взглядом выходящего из раздевалки Стефана.

Глава 13

Елена стояла в кругу учителей и сотрудников полиции. Дожидаясь шанса сбежать. Она знала, что Мэтту удалось во время предупредить Стефана – она поняла это по его лицу, – но подойти к ней поближе и переговорить он пока не смог.

Наконец, когда все внимание переключилось на бездыханное тело, Елена выбралась из толпы и подошла к Мэтту.

– Порядок, Стефан успел отсюда убраться, – сообщил ей Мэтт, не сводя глаз с группы взрослых. – Но он велел мне позаботиться о тебе. И я хочу, чтобы ты осталась здесь.

– Позаботиться обо мне? – Елену охватили тревога и подозрение. Почти шепотом она промолвила: – Понимаю, – Еще немного подумав, девочка продолжила, аккуратно выбирая слова: – Послушай, Мэтт, мне надо вымыть руки. Бонни запачкала меня кровью. Подожди здесь. Я скоро вернусь.

Мэтт начал было протестовать, однако Елена уже была настроена решительно. В качестве объяснения она подняла заляпанные кровью ладони. Елена добралась до двери в раздевалку для девочек, и стоящий там учитель ее пропустил. Оказавшись в раздевалке, она прошла ее насквозь и попала в слабо освещенный коридор школы. Оттуда Елена направилась напрямик в ночь.

«Дурак – мысленно ругал себя Стефан, хватая очередную книгу с полки и швыряя ее в стенку. – Дурак! Слепой, безумный кретин! Как можно было быть таким идиотом?»

Найти себе место здесь, в Феллс-Черче? Вписаться в местное общество? Нет, он

определенно был безумен, когда решил, что такое возможно!

Стефан схватил один из тяжелых чемоданов и запустил его через всю комнату. Чемодан врезался в оконную раму и расколол ее. Как глупо, как глупо!

Кто там за ним охотился? Все. Мэтт так и сказал: «Произошло еще одно нападение... Все думают, что это ты его убил».

Что ж, теперь все выглядело так, как будто эти варвары, эти докучливые людишки с их суеверным страхом перед неведомым, были правы. Как еще можно было объяснить то, что случилось в Доме с привидениями? Стефан тогда ощутил жуткую слабость, смятение, головокружение, а затем Тьма объяла его. Когда же он очнулся на полу раздевалки, Мэтт рассказал ему о том, что совершено нападение еще на одного человека. На сей раз этого человека, ни в чем не повинного учителя истории, лишили не только крови, но и самой жизни. Как это еще можно было объяснить? Конечно, это именно он, Стефан, являлся тем самым убийцей!

Именно убийцей он и был. Злой тварью о двух ногах. Существом, порожденным Тьмой, обреченным вечно пребывать среди Теней, охотиться и таиться. А раз охотиться, то почему бы и не убивать? Почему не следовать своей истинной природе? Раз этого нельзя было изменить, можно было с таким же успехом этим наслаждаться. Стефан вполне мог обрушить свои темные побуждения на этот городок, жители которого в эту минуту за ним охотились.

Но сначала... он испытывал безумную жажду. Вены горели как сеть сухих и горячих проводов. Ему требовалось напиться... скорее... как можно скорее...

В пансионате было темно. Елена постучала в дверь, но ответа не получила. Гром трещал над головой. Однако ни капли дождя на землю так и не упало.

После третьего стука Елена попробовала потянуть на себя дверь, и та открылась. Внутри безмолвного дома висел угольно-черный мрак. Ощупью, добравшись до лестницы, девочка начала подниматься.

На площадке второго этажа царила такая же тьма, и Елена споткнулась, пытаясь найти комнату с лестницей на третий этаж. Слабый свет замерцал на самом верху лестницы, и она поднялась туда, почти физически ощущая давление окружающих стен, которые, казалось, смыкались вокруг нее.

Свет пробивался через щель из-под закрытой двери. Елена быстро и не слишком громко по ней постучала.

– Стефан, – прошептала она, а затем позвала погромче, – Стефан, это я.

Никакого ответа. Ухватившись за дверную ручку, Елена толкнула дверь, заглядывая в комнату:

– Стефан...

Комната оказалась пуста. И в полном беспорядке.

Все выглядело так, словно по ней прошелся страшный ураган, оставляя сплошные разрушения на своем пути. Чемоданы, которые прежде мирно стояли по углам, теперь валялись как попало, их крышки были раскрыты, точно беззубые рты, содержимое было раскидано по полу. Одно окно оказалось разбито. Все имущество Стефана, все вещи, которые он так бережно хранил и, казалось, очень ценил, подобно мусору валялись на полу.

Страх охватил Елену. Ярость и неистовство этой сцены разрушения так бросались в глаза, что начинала кружиться голова.

«Тот, кто очень даже склонен к насилию», – сказал Тайлер.

«Мне наплевать, – подумала Елена, пока разгорающийся гнев отгонял страх. – Мне на все наплевать, Стефан, я по-прежнему хочу тебя видеть. Но где же ты?»

Люк в потолке был открыт, и оттуда поступал холодный воздух.

«Там так высоко», – подумала Елена, ощущая внезапный озноб от страха.

Она еще никогда не взбиралась по этой приставной лесенке к площадке с перильцами на крыше, и длинная юбка основательно затрудняла подъем. Наконец Елена медленно пролезла через люк, встала на колени на крыше, а затем поднялась на ноги. Увидев темную фигуру в углу, она быстро двинулась к ней.

– Стефан, я не могла не прийти... – начала Елена и внезапно осеклась.

Вспышка молнии полыхнула в небе в тот самый миг, когда фигура в углу резко развернулась. А затем вышло так, словно все дурные предчувствия, все страхи и кошмары, которые Елена когда-либо переживала, внезапно сбылись. Она даже не могла вскрикнуть – это зрелище уже было за гранью добра и зла.

«О господи... нет», – подумала Елена.

Ее разум категорически отказывался извлекать смысл из того, что видели ее глаза. Нет. Нет. Она просто не станет на это смотреть, она никогда не поверит...

И все же Елена не могла удержаться от созерцания. Даже если бы она зажмурилась, каждая деталь ужасающей сцены уже врезалась в ее память – опалив ее разум подобно вспышке молнии.

Стефан.

Стефан, такой элегантный в своей обычной одежде, в черной кожаной куртке с поднятым воротником. Стефан, чьи темные волосы были подобны одной из грозовых туч, нависавших над городом. Стефан, застигнутый врасплох этой вспышкой света. Стефан, чье тело выгнулось в какой-то звериной позе, полусидя, с выражением животной ярости на тонком лице.

И кровь. Этот нежный, надменный, чувственный рот, заляпанный кровью губы казались кошмарно-красными на фоне бледной кожи, на фоне резкой белизны оскаленных зубов. В руках Стефан держал обмякшее тельце плачущей горлицы, белой как его зубы, беспомощно распростершей крылышки. Еще одна горлица лежала у его ног подобно использованному и скомканному носовому платку.

– О господи, нет! – прошептала Елена.

Продолжая шептать одно и то же и пятясь назад, она едва сознавала, что делает. Разум девочки просто не мог справиться с этим ужасом, мысли разбегались в дикой панике подобно мышам, вырвавшимся из тесной клетки. Нет, она этому не поверит, просто не поверит. Тело было невыносимо напряжено, сердце разрывалось, голова кружилась.

– О господи, нет...

– Елена! – Ужаснее всего остального было видеть, как глаза Стефана глядят на нее с этого звериного лица, наблюдать, как жестокий оскал сменяется видом отчаянным и потрясенным. – Елена, пожалуйста. Пожалуйста, не надо...

– О господи, нет! – Вопли словно сами собой пробивали себе путь наружу из ее гортани. Елена попятилась еще дальше и споткнулась, когда Стефан вдруг к ней шагнул. – Нет!

– Елена, пожалуйста... будь осторожна.

Эта тварь, эта жуткая тварь с глазами Стефана шла к ней, глаза ее горели. Елена метнулась прочь, когда Стефан сделал еще один шаг, протягивая к ней руки. Эти длинные руки с изящными пальцами, которые так нежно гладили ее волосы!

– Не прикасайся ко мне! – вскричала Елена.

А затем отчаянно завопила, спиной ощущая железную ограду площадки. Этому железу было почти полтора столетия, и в некоторых местах оно уже совсем проржавело. Веса до смерти перепуганной девочки оказалось для ограды слишком много, и Елена почувствовала, как перила поддаются под ее тяжестью. Затем послышался резкий скрежет ломающегося металла, смешавшийся с отчаянным воплем. За спиной у Елены зияла пустота, ухватиться было не за что, и она стала падать.

В это мгновение Елена увидела бурлящие темно-пурпурные облака, темную громаду дома рядом с собой. Станным образом у нее оказалось вполне достаточно времени, чтобы ясно все это увидеть и почувствовать всю бесконечность страха, пока она кричала и падала, падала, падала...

Однако ужасный, сокрушительный удар о землю так и не случился. Внезапно Елену обхватили крепкие руки, поддерживая ее в пустоте. Послышался глухой стук, и руки напряглись, тело прижалось к ней, словно впитывая в себя катастрофу. Наконец все вокруг успокоилось.

Елена неподвижно лежала внутри круга этих рук, пытаясь осмыслить случившееся. Пытаясь поверить в еще одно совершенно невероятное событие. Она упала с крыши высокого трехэтажного дома – и осталась жива. Теперь в полной тишине между ударами грома Елена видела вокруг сад позади пансионата, и опавшая листва покрывала то самое место, где должно

было лежать ее разбитое тело.

Наконец Елена обратила взгляд на того, кто сжимал ее в объятиях. Стефан.

Сегодня вечером было испытано слишком много страхов, вынесено слишком много ударов. И теперь Елена могла лишь с бесконечным удивлением смотреть на него.

В глазах Стефана читалась страшная печаль. Эти глаза, что горели как зеленый лед, теперь оказались темными и пустыми, совершенно лишенными надежды. Примерно тоже самое Елена наблюдала в ту первую ночь в его комнате, только сейчас было еще хуже. Ибо теперь глаза были наполнены ненавистью к самому себе, тоской и горестным осуждением. Елена просто не смогла этого вынести.

– Стефан, – прошептала она, чувствуя, как эта грусть входит и в ее сердце.

Елена по-прежнему видела красные пятна на его губах, однако теперь их вид пробуждал трепет жалости наряду с инстинктивным страхом. Быть таким одиноким... таким чужим и таким одиноким...

– Ах, Стефан, – прошептала Елена.

Но ее слова тонули в бездонных глазах, не порождая никакого отклика.

– Идем, – тихо произнес Стефан и повел ее в дом.

Когда они добрались до царства разрушения, которым стала его комната, Стефан ощутил укол жгучего стыда. То, что именно Елена все это увидела, оказалось для него совершенно невыносимо. С другой стороны, возможно, так оно было и лучше. Ибо теперь она воочию могла видеть, каков он на самом деле, что он способен натворить.

Медленно подойдя к кровати, Елена села. А затем заглянула в помрачневшие глаза Стефана.

– Рассказывай, – только и сказала она.

Стефан невесело усмехнулся и заметил, как Елена вздрогнула. Это заставило его еще сильнее себя возненавидеть.

– Что ты хочешь знать? – спросил Стефан. Поставив ногу на один из перевернутых чемоданов, он почти с вызовом обратился к Елене, широким жестом обводя комнату. – Кто это сделал? Я это сделал.

– Ты сильный, – сказала Елена, не сводя пристальных глаз с перевернутого чемодана. Затем она все же подняла взгляд, припоминая о том, что случилось на крыше. – И быстрый.

– Сильнее человека – произнес Стефан с намеренным ударением на последнем слове.

Почему же она теперь от него не попятилась? Почему не посмотрела на него с той ненавистью, которую он уже видел сегодня? Впрочем, Стефан теперь очень мало заботился о том, какие выводы извлечет из его слов Елена.

– Мои рефлексы значительно быстрее, и я более вынослив. Ничего не поделаешь, я охотник, – резко закончил он.

Что-то в выражении лица Елены заставило Стефана вспомнить о том, как она от него отшатнулась. Тыльной стороной ладони он вытер губы, затем подошел к ночному столику, чтобы взять оттуда стакан воды.

Глотая воду и снова вытирая рот, Стефан чувствовал на себе взгляд Елены. О да, теперь его снова волновало, что она о нем подумает.

– Ты можешь есть и пить... всякое разное, – сказала Елена.

– Вообще-то мне ничего не требуется, – тихо отозвался Стефан, чувствуя страшную усталость и подавленность. – Мне больше ничего не требуется. – Внезапно он резко развернулся и почувствовал, как в его сердце снова загорается страстное желание. – Можно сказать, я не из этого мира. Для тебя, Елена, я все равно, что мертв.

Теперь Стефан видел, как она дрожит. Однако голос Елены показался ему спокойным, пока глаза ее неотрывно смотрели в его глаза.

– Расскажи, – снова попросила Елена. – Пойми, Стефан, у меня есть право знать.

Стефан узнал эти слова. И они были так же верны, как и в тот, первый раз.

– Да, думаю, есть, – сказал Стефан голосом усталым, но твердым. Оторвав через несколько секунд взгляд от разбитого окна, он снова посмотрел на Елену и ровным тоном заговорил: – Я родился в конце пятнадцатого столетия. Можешь ты в это поверить?

Елена посмотрела на вещи, которые разбросал по крышке бюро один яростный взмах

руки. Флорины, агатовая чашка, кинжал.

– Да, – негромко отозвалась она. – Я в это верю.

– И ты хочешь знать больше? Как я стал таким? – Когда Елена кивнула, Стефан снова повернулся к окну.

Как же он мог ей все рассказать? Ведь он так долго избегал вопросов, что стал подлинным экспертом в науке прятаться и ускользать.

Существовал только один способ. Стефан должен был рассказать Елене всю правду, ничего не скрывая. Выложить все до мельчайших подробностей, чего он никогда не предлагал ни одной живой душе.

И Стефан действительно хотел это сделать. Пусть даже после этого она от него отвернется. Стефан отчаянно желал показать Елене, кто он на самом деле такой.

И тогда, устремив взгляд в самую глубь мрака за окном, где вспышки голубого сияния время от времени озаряли небо, он начал свой рассказ.

Стефан говорил бесстрастно, без эмоций, тщательно подбирая слова. Он рассказал Елене о своем отце, состоятельном мужчине времен Ренессанса, и о его мире, который преимущественно ограничивался Флоренцией и семейным поместьем. Он рассказал ей о своей учебе и о своих амбициях. О своем брате, так сильно от него отличавшемся, и о враждебных отношениях, которые между ними сложились.

– Даже не знаю, когда Дамон начал меня ненавидеть, – признался Стефан. – Насколько я помню, так было всегда. Возможно, это случилось потому, что наша матушка не оправилась после вторых родов. Она умерла через несколько лет после моего рождения. Дамон очень сильно ее любил, и мне всегда казалось, что он винил меня в ее смерти. – Тут он выдержал паузу и с трудом сглотнул. – А затем, немного позднее, появилась одна девушка.

– Та самая, которую я тебе напоминаю? – негромко спросила Елена. Стефан кивнул. – Та самая, – несколько нерешительно продолжила она, – которая подарила тебе кольцо?

Стефан взглянул на серебряный перстень у себя на пальце, затем внимательно посмотрел в глаза Елене. И медленно вытащил из-под рубашки кольцо, которое носил на цепочке.

– Да, это было ее кольцо, – кивнул он. – Без подобного талисмана мы умираем под солнечным светом – как на костре.

– Значит, она... ты ей нравился?

– Она сделала меня тем, кто я сейчас.

После небольшой заминки Стефан рассказал ей о Катрине. О красоте и прелести Катрины, о своей любви к ней. И о любви Дамона.

– Она была слишком нежной, проникнутой слишком большой любовью, – мучительно произнес он под конец. – Она дарила эту любовь всем, включая моего брата. Но, в конце концов, мы сказали ей, что она должна выбрать между нами. И тогда... тогда она пришла ко мне в спальню.

Воспоминание о той ночи, о той сладостной и ужасной ночи, снова захлестнуло его. Катрина пришла к нему. И Стефан был так счастлив, так полон радости и благоговения. Он попытался рассказать об этом Елене, найти нужные слова. Всю ту ночь юноша был так счастлив, и даже на следующее утро, когда он проснулся и обнаружил, что Катрина ушла, он все еще испытывал величайшее блаженство...

Случившееся вполне могло показаться сном, однако две ранки на шее были вполне реальны. Стефан с удивлением обнаружил, что боли они не причиняли и, казалось, стремительно заживали. Теперь их скрывал высокий воротник его рубашки.

Кровь Катрины горела в его венах, и от одной этой мысли сердце Стефана вдруг забилось быстрее. Катрина поделилась с ним своей силой, она выбрала его.

У него нашлась улыбка даже для Дамона, когда они тем вечером встретились в условленном месте. Весь день брат Стефана где-то отсутствовал, однако в маленьком садике показался как раз вовремя. Дамон невозмутимо стоял под деревом, поправлял манжеты. Катрина опаздывала.

– Возможно, она утомилась, – предположил Стефан, наблюдая за тем, как дынного цвета закат постепенно пропадает в глубокой синеве. Он отчаянно старался изгнать из своего голоса

стыдливое самодовольство. – Возможно, ей теперь требуется больше отдыха, чем обычно.

Дамон резко посмотрел на брата, так и сверля его глазами из-под копны черных волос.

– Возможно, – отозвался он таким тоном, как будто хотел сказать нечто большее.

Однако затем послышалась легкая поступь, и Катрина появилась со стороны живой изгороди. В своем белом платье девушка была прекрасна как ангел.

Для каждого из братьев у девушки нашлась улыбка. Стефан улыбнулся в ответ, одними глазами напоминая ей об их общей тайне.

– Вы просили меня сделать выбор, – начала Катрина, переводя глаза с одного брата на другого. – Теперь, когда вы оба пришли в назначенный час, я скажу вам, что я решила.

Она подняла хрупкую руку, на которой носила кольцо. Стефан посмотрел на камень, снова разглядев в нем ту же синеву, что и в вечернем небе, словно Катрина всегда носила с собой частичку ночи.

– Вы оба видите это кольцо, – тихо промолвила девушка. – И оба знаете, что без него я умру. Не так просто изготавливать подобные талисманы, но, к счастью, моя служанка Гудрун очень сообразительна. А во Флоренции много серебряных дел мастеров.

Стефан слушал, не особенно понимая, о чем идет речь, но, когда Катрина к нему повернулась, он снова ободряюще улыбнулся.

– Стефан, – сказала девушка, глядя ему прямо в глаза. – У меня есть для тебя подарок. – Она взяла его руку и положила что-то в ладонь.

Стефан увидел, что это кольцо – похожее на перстенок Катрины, однако куда более крупное и тяжелое и отлитое из серебра, а не из золота.

– Пока что для жизни под солнцем оно тебе не потребуется, – негромко сказала Катрина, мило улыбаясь Стефану. – Но через некоторое время ты почувствуешь в нем необходимость.

Прилив гордости и восторга заставил Стефана проглотить язык. Он потянулся к руке Катрины, желая ее поцеловать, желая сразу же заключить ее в свои объятия, пусть даже прямо на глазах у Дамона Но Катрина уже от него отворачивалась.

– А вот кольцо для тебя, – продолжила она, Стефан подумал, что слух подводит его, ибо такая теплота и ласка в голосе Катрины никак не могла предназначаться его ненавистному брату. – Тебе оно тоже скоро понадобится.

Последовала такая глухая тишина, как будто настал конец света.

– Катрина... – Стефан едва мог выдавливать из себя слова. – Как ты можешь давать это кольцо ему? После того как мы поделились...

– Чем вы там поделились? – Голос Дамона был резок как щелчок кнута, и он гневно повернулся к Стефану, – Прошлой ночью она пришла ко мне. Выбор уже сделан, – И Дамон резким движением опустил свой высокий воротник, обнажая две ранки на горле.

Стефан безмолвно смотрел на эти ранки, борясь с подступающей тошнотой. Точно такие же отметинки имелись и у него на шее.

В полном недоумении юноша покачал головой.

– Но, Катрина... ведь это был не сон... ты пришла ко мне...

– Я приходила к вам обоим. – Голос Катрины звучал безмятежно, даже радостно, а в ее голубых глазах светилась невинность. Она опять улыбнулась обоим братьям, сначала Дамону, затем Стефану. – Да, это очень меня ослабило, но я все равно рада. Разве вы не понимаете? – продолжила девушка, когда оба брата, онемевшие от шока, посмотрели на нее. – Таков мой выбор! Я люблю вас обоих, и я ни от кого из вас не откажусь. Теперь мы трое всегда будем вместе. И мы будем счастливы.

– Счастливы... – потрясенно выдохнул Стефан.

– Да, счастливы! Мы навеки станем сотоварищами, счастливыми друзьями! – Голос Катрины возвысился от ликования, и лучистый свет детской радости засиял у нее в глазах. – Мы всегда будем вместе, до скончания времен, никогда не старея! Таков мой выбор!

– Счастливы... вот с ним? – Дамон хрипел от ярости, и Стефан ясно видел, как его обычно выдержанный брат белеет от гнева. – С ним? С этим мальчишкой, который между нами стоит? С этим болтливым кривлякой, уродливым образчиком добродетели? Да меня уже сейчас от него тошнит! Черт меня побери, но я больше вообще никогда не желаю его видеть! И голоса его слышать не желаю!

– Все тоже самое я испытываю в отношении тебе братец, – прорычал Стефан, чье сердце буквально выскакивало из груди.

Во всем был виноват Дамон. Да Дамон так отравил разум Катрины, что она уже просто не понимала, что делает.

– И у меня есть твердое намерение как следует позаботиться обо всех последствиях таких отношений, – свирепо добавил юноша.

Дамон правильно понял его слова.

– Тогда доставай свой меч! Если, конечно, сможешь его найти! – прошипел он в ответ, и его глаза стали совсем черны от таящейся там угрозы.

– Дамон, Стефан, пожалуйста! Пожалуйста, не надо! – воскликнула Катрина, вставая между братьями и хватая Стефана за руку. Девушка попеременно смотрела на них обоих, и ее широко распахнутые глаза были полны слез. – Подумайте о чем вы говорите? Ведь вы же братья!

– Я в этом не виноват, – проскрипел зубами Дамон, и его слова стали почти проклятием.

– Но разве вы не можете заключить мир? Ради меня, Дамон... Стефан! Пожалуйста!

Стефан почти поддался, глядя на Катрину. Однако уязвленная гордость и ревность были слишком сильны. Поэтому он остался столь же непреклонным, как и Дамон.

– Нет, – твердо заявил он. – Не можем. Или он, или я, Катрина. Я никогда не стану делить тебя с ним.

Тогда Катрина отпустила его руку, и слезы хлынули из ее глаз. Крупные капли стали падать на белое платье. Девушка задыхалась от мучительных рыданий. Затем, не переставая плакать, Катрина подобрала свои юбки и побежала прочь.

– Тогда Дамон взял кольцо, данное ему Катриной, и надел его на палец, – продолжил Стефан голосом хриплым от усталости и избытка чувств. – Он бросил мне: «Она все равно будет моей, любезный братец». А потом ушел прочь. – Моргая, словно от яркого света после долгой темноты, он повернулся к Елене и внимательно на нее посмотрел.

Девушка все еще неподвижно сидела на кровати, не сводя со Стефана широко распахнутых глаз – так похожих на глаза Катрины. Особенно теперь, когда они были наполнены печалью и страхом. Однако Елена никуда не побежала.

– А что... что было дальше? – настойчиво спросила она.

Кулаки Стефана рефлексивно сжались, и он резко отпрянул от окна. Нет, только не это. Он едва мог выносить само воспоминание, а уж говорить о нем. Как он мог об этом говорить? Как он мог завести Елену во Тьму и показать ей жутких тварей, которые там таятся?

– Нет – выдохнул Стефан. – Я не могу. Не могу.

– Теперь тебе придется мне рассказать, – негромко сказала Елена. – Пойми, Стефан, ведь это не конец всей истории, разве не так? Именно это таится за твоими стенами, именно это ты скрываешь от меня. Но мне необходимо туда заглянуть. Ах, Стефан, теперь ты не должен останавливаться.

Стефан чувствовал, как ужас снова сжимает его липкими пальцами. Разверзлась пропасть, которую он так ясно видел, так ясно чувствовал в тот далекий день. В тот день, когда все закончилось – когда все началось.

Тут Стефан ощутил, как пальцы Елены сомкнулись вокруг его руки, наполняя его теплом и силой. Она пристально смотрела в его глаза:

– Расскажи.

– Ты хочешь знать, что было дальше, что случилось с Катриной? – прошептал Стефан. Елена кивнула, и ее глаза слегка затуманились, но взгляд остался спокойным. – Тогда я тебе расскажу. Катрина умерла на следующий день. Мы, мой брат Дамон и я, – мы оба ее убили.

Глава 14

Елена почувствовала, как у нее по коже пробежали мурашки.

– Но ты ведь это не всерьез, – неуверенно начала она, отгоняя всплывающую в памяти сцену на крыше, кровь, размазанную по губам Стефана. Ей стоило немалых трудов от него не

отшатнуться. – Брось, Стефан, я же тебя знаю. Ты просто не мог этого сделать...

Стефан проигнорировал все протесты, продолжая не сводить с нее глаз, светящихся как зеленый лед на дне глетчера. Но смотрел он не на Елену, а сквозь нее, в какую-то невообразимую даль.

– Лежа той ночью в постели, я вопреки всему надеялся, что Катрина ко мне придет. Мне уже пришлось заметить в себе некоторые перемены. Я лучше видел в темноте, и слух обострился. Я чувствовал себя сильным как никогда, полным какой-то стихийной энергии. И еще я был голоден. Такого голода я даже никогда себе не представлял. За обедом выяснилось, что обычные еда и питье меня не удовлетворяют. Я просто не мог ничего понять. А затем увидел белую шейку одной из служанок и понял в чем дело. – Стефан с шумом втянул в себя воздух, его потемневшие глаза казались измученными. – Той ночью я изо всех сил сопротивлялся голоду, хотя на это потребовалась вся моя воля. Я думал о Катрине и молился, чтобы она ко мне пришла. Молился! – Он испустил краткий смешок. – Если тварь вроде меня может молиться.

Ладони Елены занемели под его цепкими пальцами, однако она терпела, стараясь вселить в него уверенность.

– Продолжай, Стефан.

Некоторое время складывалось ощущение, что он вообще не может продолжать. Казалось, Стефан забыл о присутствии Елены, словно рассказывал эту историю самому себе.

– На следующее утро потребность еще сильнее возросла. Чувство было такое, будто вены высохли и растрескались, отчаянно требуя влаги. Я знал, что долго мне не выдержать. Я прошел в покои Катрины. Я хотел просить ее, умолять... – Тут Стефан осекся. Помедлив, он снова продолжил: – Но Дамон уже был там, ждал у входа в ее комнаты. По нему сразу было видно, что уж он-то потребности не сопротивлялся. На это ясно указывала его пружинистая походка, свечение его кожи. Дамон выглядел самодовольным, как кошка, полакомившаяся сливками. Но Катрины он не получил. «Стучи сколько хочешь, – сказал мне Дамон. – Та старая дьяволица, ее служанка, все равно тебя не пропустит. Я уже попробовал. Может, мы вдвоем ее пересилим?» Я так ему и не ответил. Хитрое и самодовольное лицо Дамона отбило у меня всякую охоту отвечать. Я постучал в дверь, чтобы разбудить... – Тут Стефан запнулся, а затем снова невесело усмехнулся: – Я собирался сказать «разбудить мертвую». – Он опять немного помолчал, после чего все-таки продолжил: – Дверь мне открыла служанка, Гудрун. Лицо у нее было как гладкая белая тарелка, а глаза – как черное стекло. Я спросил, могу ли я увидеть ее госпожу. Я думал, она просто сообщит мне, что ее госпожа спит, но Гудрун перевела взгляд с меня на Дамона. «Ему я не сказала, – ответила она наконец, – но вам скажу. Моей госпожи Катрины нет в покоях. Она сегодня встала пораньше, чтобы погулять в саду. Она сказала, ей требуется побыть одной и серьезно подумать». Я удивился. «Так рано?» – спросил я. «Да, – кивнула Гудрун. А затем сурово взглянула на нас с Дамоном. – Вчера вечером моя госпожа не на шутку расстроилась, – многозначительно сказала она. – И всю ночь проплакала». Как только она это сказала, меня охватило очень странное чувство. Не просто стыд, не просто горе от того, что Катрина так сильно расстроилась. Нет, скорее это был страх. Я начисто забыл про голод и слабость. Даже забыл про смертельную вражду с Дамоном. Мне стало совершенно ясно, что Катрину необходимо как можно скорее найти. Повернувшись к Дамону, я сказал, что нам требуется ее отыскать, и, к моему вящему удивлению, он лишь с серьезным видом кивнул. Мы начали осматривать сад, окликая Катрину по имени. Я прекрасно помню, как все выглядело в тот день. Солнце уже освещало высокие кипарисы и сосны. Мы с Дамоном торопливо бродили среди деревьев и кричали. Мы все продолжали ее звать.

По-прежнему не отпуская пальцев Стефана, Елена почувствовала, как все его тело подрагивает. Дышал он прерывисто и неглубоко.

– Мы уже почти добрались до дальней окраины сада, когда я припомнил одно место, которое Катрина очень любила. Оно располагалось чуть дальше, за невысокой стеной, рядом с лимоном. Я начал искать ее там, то и дело окликая. Однако, приблизившись к лимону, я перестал кричать. Я почувствовал... почувствовал страх... и еще ужасное предчувствие. И я знал, что не должен... не должен туда идти...

– Стефан! – воскликнула Елена. Теперь он делал ей очень больно, изо всей силы сжимая

пальцы. Дрожь в его теле все нарастала, превращаясь в настоящие судороги. – Стефан, пожалуйста!

Но Стефан, казалось, ее не слышал.

– Все было... все было как в кошмаре... все происходило мучительно медленно. Я не мог двинуться с места... и все же мне пришлось. Я должен был идти дальше. С каждым шагом страх все нарастал. Я уже чувствовал запах. Запах горелого мяса. Я не должен был туда идти... я не хотел это видеть...

Голос Стефана сделался громким и настойчивым, а его дыхание вырывалось неровными хрипами. Зеленые глаза были широко распахнуты, как у испуганного ребенка. Елена держала в своих руках его крепко сжатые кулаки.

– Стефан, Стефан, все хорошо. Ты не там. Ты здесь, со мной.

– Я не хотел это видеть... но ничего не мог поделать. Там было что-то белое. Что-то белое под деревом. Не заставляй меня на это смотреть.

– Стефан, Стефан, посмотри на меня!

Однако Стефан не слышал ее. Слова сжимали его горло, подобно страшным спазмам, словно он не мог их контролировать, не мог вовремя выталкивать их из себя.

– Я не могу подойти еще ближе... но все-таки подхожу. Вижу дерево, невысокую стену. И белое. За деревом. Белое с золотом. И тогда я понимаю, понимаю... и двигаюсь туда, потому что это ее платье. Белое платье Катрины. Я обхожу дерево, вижу белое на земле... и вот страшная правда. Это платье Катрины... – тут в голосе Стефана послышался невообразимый ужас, – но самой Катрины там нет.

Елена вдруг ощутила холодок, словно нырнула в ледяную воду. Кожа покрылась мурашками. Девочка попыталась заговорить, но не смогла. Стефан продолжал рассказывать, как будто тем самым он мог отогнать подступивший ужас.

– Катрины там нет. Я думаю, может, это просто шутка, но платье лежит на земле, и оно полно пепла. Совсем как пепел в очаге, только распространяющий запах горелого мяса. Ужасно воняет. От этого запаха меня тошнит, и я совсем слабею. Рядом с рукавом платья белеет лист пергамента. И на камне, тут же на камне лежит кольцо. Кольцо с голубым лазуритом, кольцо Катрины. Кольцо Катрины... – Внезапно Стефан ужасным голосом вскрикнул: – Ах, Катрина, что же ты наделала! – Затем он упал на колени, отстраняясь от Елены и пряча лицо в ладонях.

Елена держала Стефана за плечи, пока он бился в выворачивающих душу рыданиях.

– Катрина сняла кольцо, – прошептала она. – Она оказалась под солнцем без кольца.

Хриплые рыдания Стефана все продолжались, пока Елена прижимала его к широким юбкам голубого платья, глядя сотрясающиеся плечи. Она бормотала какую-то бессмыслицу, рассчитанную на то, чтобы его утешить, отгоняя свои собственные страхи. Вскоре Стефан немного утих и поднял голову. Его голос по-прежнему звучал хрипло, но было очевидно, что он уже пришел в себя:

– Она оставила записку – для меня и Дамона. В ней Катрина писала, что она вела себя эгоистично, желая нас обоих. Еще там было сказано... Катрина не смогла вынести того, что оказалась причиной вражды между нами. Она надеялась, что, как только она уйдет, мы перестанем ненавидеть друг друга. Катрина пошла на это, чтобы нас примирить.

– Ах, Стефан, – прошептала Елена и почувствовала, как жгучие слезы наполняют ее глаза. – Ах, Стефан, мне так жаль. Но неужели теперь, когда прошло столько времени, ты не видишь, что Катрина была права. Больше того, она действительно поступила эгоистично. Ведь это был именно ее выбор. В своем роде это не имело никакого отношения к тебе или к Дамону.

Стефан яростно покачал головой, словно желая отмахнуться от правды, заключенной в словах Елены:

– Она отдала свою жизнь... за нас. Мы ее убили.

Теперь Стефан сидел на полу. Однако его зрачки по-прежнему напоминали огромные черные диски, а сам он был похож на потерявшегося ребенка.

– Дамон тоже туда подошел. Он взял записку прочел ее. А потом... думаю, он сошел с ума. Мы оба сошли с ума. Я подобрал кольцо Катрины, а он попытался его отнять. Ему не следовало этого делать. Мы стали бороться. Мы говорили друг другу ужасные вещи. Каждый

из нас винил другого в том, что случилось. Не помню, как мы добрались до дома, но внезапно в руке у меня оказался меч. Мы стали драться. Я безумно хотел изрубить это надменное лицо, убить своего брата. Помню, как отец что-то кричал нам из дома. Мы бились отчаянно, желая покончить друг с другом прежде, чем он нас разнимет. И мы оказались достойны друг друга. Но Дамон всегда был немного сильнее, а в тот день он еще и двигался быстрее, словно изменился больше, чем я. Когда отец в очередной раз крикнул из окна, я почувствовал, как клинок Дамона пробивает мою защиту. Затем этот клинок вошел в мое сердце.

Елена в ужасе на него посмотрела, но Стефан без всякой паузы продолжил:

– Я ощутил боль, ощутил холодную сталь. Стало ясно, что она меня пронзила, вошла глубоко, очень глубоко. Удар вышел жестокий. А затем я лишился сил и упал на мощенную камнями дорожку. – Тут Стефан поднял глаза на Елену и просто закончил: – Именно так... я и умер.

Елена сидела в оцепенении. Лед, который она раньше чувствовала у себя в груди, теперь словно заполнил ее целиком.

– Дамон подошел и склонился надо мной. Где-то далеко слышались крики моего отца, крики слуг, но я мог видеть только лицо Дамона. Его черные глаза были как безлунная ночь. Я очень хотел отомстить ему за все, что он со мной сделал. За все, что он сделал со мной и с Катриной. – Стефан немного помолчал, а затем почти мечтательно произнес: – Тогда я поднял меч и вонзил его в грудь своего брата. Собрав последние силы, я ударил моего брата мечом и пронзил ему сердце.

Гроза уже двинулась дальше, и теперь сквозь разбитое окно доносились негромкие ночные шумы, стрекотание сверчков, шуршание ветра в деревьях. А в комнате Стефана все замерло.

– Больше я ничего не чувствовал, пока не очнулся в своей гробнице, – продолжил Стефан, отклоняясь назад и закрывая глаза. Лицо его оставалось напряженным и смертельно уставшим, но та ужасная детская растерянность исчезла. – Крови Катрины вполне хватило для нас с Дамоном, чтобы мы не умерли. Нет, мы не умерли – мы изменились. Мы очнулись в общей гробнице, наряженные в самые лучшие одежды. Мы лежали на каменных плитах рядом друг с другом. Нас сковывала слабость слишком великая, чтобы мы смогли еще хоть как-то друг другу навредить. Силы иссякли. И мы с трудом понимали, что происходит. Я позвал Дамона, но он убежал в ночь. К счастью, нас похоронили с кольцами, данными нам Катриной. И я нашел ее колечко у себя в кармане. – Словно бессознательно Стефан потянулся погладить золотой кружочек. – Думаю, все решили, что она мне его подарила. Я попытался добраться до дома. Какая глупость! При виде меня слуги дико закричали и побежали искать священника. Мне пришлось уйти. Я отправился в единственное место, где мог чувствовать себя в безопасности. Во Тьму. Там я с тех пор и оставался. И знаешь, Елена, именно там мне и место. Я убил Катрину своей гордостью и ревностью, я убил Дамона своей ненавистью. Хотя моего брата я не просто убил. Хуже того, я его проклял. Если бы Дамон не умер тогда, пока в его венах еще была сильна кровь Катрины, у него появился бы шанс. Со временем ее действие должно было ослабнуть, а затем и окончательно исчезнуть. Дамон снова стал бы нормальным человеком. Убив, я приговорил его вечно жить в ночи. Таким образом, я отнял у него последний шанс на спасение. – Стефан горестно рассмеялся: – Знаешь ли ты, Елена, что на итальянском значит фамилия Сальваторе? Она означает спасение, спасителя. А имя мне дали в честь святого Стефана, раннехристианского мученика. И вот, я обрек моего брата на жизнь в аду.

– Нет! – отозвалась Елена, а затем, более сильным голосом, добавила: – Нет, Стефан. Дамон сам себя проклял. Ведь он тебя убил. Но что случилось с ним дальше?

– На какое-то время Дамон присоединился к так называемым вольным наемникам, безжалостным убийцам, грабителям и мародерам. Он бродил по стране, устраивая драки, пьянствуя и выпивая кровь своих жертв. Я тогда уже обитал за городскими воротами, вел полуголодный образ жизни и питался животными. Жизненная сущность людей гораздо мощнее, и их кровь дает колоссальную энергию. А смерть странным образом усиливает их жизненную сущность. Словно в последние мгновения жизни страх и борьба делают человеческий дух более мощным. И вот, благодаря тому, что Дамон убивал людей, ему удавалось втягивать в себя куда больше Сил.

– Каких Сил? – спросила Елена.

В голове у нее стала настойчиво пульсировать одна мысль.

– Обычных физических сил, о которых ты говорила, и еще быстроты. Максимального обострения всех чувств, особенно по ночам. Это основные Силы. А еще мы можем... как бы чувствовать разумом. Мы можем чувствовать присутствие других существ, а порой и понимать природу их мыслей. Мы можем вселять замешательство в более слабые умы или подчинять их своей воле. Есть и другие возможности. Употребив достаточное количество человеческой крови, мы можем менять обличье, становясь животными. И чем больше убиваешь, тем мощнее эти Силы становятся. Голос Дамона очень явственно звучал в моем сознании. Он сообщил мне, что он теперь главарь своей собственной банды и что он возвращается во Флоренцию. Еще Дамон сказал, что, если я там окажусь, он сразу же меня убьет. Я охотно ему поверил и покинул те места. С тех пор я несколько раз его встречал. Угроза всегда остается одной и той же, но Дамон становится все более и более могущественным. Новое положение очень удачно совпало с природой Дамона. С тех пор он, похоже, просто наслаждается самыми темными сторонами своего могущества. Но такова и моя природа. Та же Тьма сидит и внутри меня. Я думал, что смогу ее себе подчинить, но ошибся. Вот почему я прибыл сюда, в Феллс-Черч. Я решил, что, если мне удастся обустроиться в небольшом городке, вдали от старых и памятных мест, я смогу спастись от Тьмы. И вот, вместо этого я сегодня убил человека.

– Нет, – энергично заявила Елена. – В это, Стефан, я поверить никак не могу.

Эта история наполнила ее ужасом и отвращением, и испугала. Однако отвращение испарилось, и теперь она была совершенно убеждена в одном. Стефан абсолютно точно не был убийцей.

– Скажи, Стефан, – продолжила Елена, – а что произошло сегодня вечером? Ты поспорил с Таннером?

– Я... я не помню, – слабо выговорил Стефан. – Я воспользовался Силами и успешно убедил его в том, что тебе требовалось. А потом я оттуда ушел. Но позднее на меня вдруг нахлынула слабость и страшное головокружение. Впрочем, такое уже бывало и раньше. – Он посмотрел ей прямо в глаза. – В последний раз это случилось на кладбище, рядом с разрушенной церковью. В ту самую ночь, когда было совершено нападение на Викки Беннетт.

– Но ты этого не делал. Ведь ты не мог этого сделать... просто не мог.

– Понятия не имею, – резко отозвался Стефан. – А какие еще могут быть объяснения? И я действительно брал кровь у того старика под мостом. В тот вечер, когда ты с подругами побежала с кладбища. Я мог бы поклясться, что взял недостаточно, чтобы нанести ему серьезный вред, но несчастный бродяга чуть было не умер. И я оказывался рядом, когда совершались нападения на Викки и на Таннера.

– Значит, ты не помнишь, как ты на них нападал, – с облегчением заключила Елена.

Мысль, что пульсировала у нее в голове, стала почти уверенностью.

– А какая разница? Кто, кроме меня, мог еще это сделать?

– Дамон – сказала Елена.

Стефан вздрогнул, и Елена заметила, как его плечи опять напрягаются.

– Чудесная мысль. Признаться, поначалу я тоже надеялся, что всему случившемуся может быть какое-то подобное объяснение. Что за всем этим может стоять кто-то другой, кто-то вроде моего брата. Но я обшарил свой разум и никакого чужого присутствия там не нашел. Простейшее объяснение состоит в том, что я сам и есть убийца.

– Нет, – возразила Елена, – ты меня не понял. Я не просто имею в виду, что кто-то вроде Дамона может быть во всем этом повинен. Я хочу сказать, что Дамон сейчас здесь, в Феллс-Черче. Я его видела.

Стефан лишь непонимающе на нее посмотрел.

– Наверняка это он, – упрямо заявила Елена, делая глубокий вдох. – Я уже видела его дважды. А может, и трижды. Ты, Стефан, только что рассказал мне длинную историю, но теперь и у меня есть что тебе рассказать.

Как можно быстрее и проще Елена поведала Стефану о том, что приключилось в физкультурном зале, а также в доме у Бонни. Губы юноши сжались в тонкую белую полоску, когда Елена рассказала ему о том, как Дамон пытался ее поцеловать. А щеки Елены залила

краска, когда она вспомнила, как она чуть было ему не отдалась. Но она рассказала Стефану все до мельчайших подробностей.

Между прочим, и про ворону, про все те странности, что приключились с ней после возвращения из Франции.

– И знаешь, Стефан, по-моему, Дамон был сегодня вечером в Доме с привидениями, – закончила Елена, – Сразу же после того, как ты почувствовал головокружение, мимо меня кое-кто прошел. Он был одет совсем как... совсем как старуха с косой, в черную мантию с капюшоном. Правда, я не смогла разглядеть его лица. Просто движения показались мне знакомыми. Да, Стефан, наверняка, это был он. Дамон был сегодня в Доме с привидениями.

– Пусть так. Но предыдущие случаи это никак не объясняет. Я имею в виду Викки и бродягу. Я действительно пил кровь того несчастного старика, никаких сомнений, – Лицо Стефана было напряжено, как будто он чуть ли не боялся надеяться.

– Но ты сказал, что не причинил ему серьезного вреда. Пойми, Стефан, кто знает, что могло приключиться со стариком после твоего ухода. Разве для Дамона было не проще простого тогда на него напасть? Особенно, если Дамон все время за тобой шпионил. И, может статься, в каком-то совсем другом обличье...

– Вроде вороны, – пробормотал Стефан.

– Да, вроде вороны. Что же касается Викки... Послушай, Стефан, ведь ты же сам сказал, что можешь приводить в смятение более слабые умы, подавлять их. Не могло ли получиться так, что Дамон проделывал это с тобой? Что он подавлял твой разум подобно тому, как ты можешь подавлять разум обычного человека?

– Ну да, и при этом Дамон старательно скрывал от меня свое присутствие. – В голосе Стефана нарастало напряжение. – Так вот почему он не отвечал на мои призывы. Он хотел...

– Он просто хотел, чтобы случилось то, что случилось. Он хотел, чтобы ты сомневался в себе, считал себя убийцей. Но это неправда. Стефан, ах, Стефан, ведь ты теперь это знаешь. И тебе не нужно больше бояться, – Елена встала, чувствуя, как у нее внутри растекаются радость и облегчение.

Эта чудовищная ночь наконец-то породила что-то совершенно чудесное.

– Именно поэтому ты и был так со мной холоден, правда? – промолвила Елена, протягивая к нему руки, – Потому что ты боялся того, что мог бы со мной проделать, Но теперь уже нет нужды бояться.

– Правда? – Стефан стремительно дышал, с таким видом разглядывая руки Елены, словно это были две змеи. – Ты думаешь, нет причин бояться? Да, Дамон мог напасть на тех людей, но он не в силах управлять моими мыслями. А ты еще не знаешь, что я на самом деле о тебе думал.

– Ничего плохого ты сделать со мной не хотел, – уверенно заявила Елена.

– Да? Откуда ты знаешь? Несколько раз, наблюдая за тобой, я с трудом удерживался от того, чтобы до тебя дотронуться. И как меня тогда искушала твоя белая шея, твое нежно-белое горлышко со светло-голубыми венками под кожей!... – Взгляд Стефана был теперь устремлен на ее щеку подобно взгляду Дамона в доме у Бонни, и Елена почувствовала, как сердце ее забилось быстрее. – А сколько раз я думал, что вот-вот схвачу тебя и испытаю несказанное удовольствие прямо там, в школе!

– Тебе нет никакой необходимости меня принуждать, – заметила Елена, чувствуя свой пульс по всему телу: особенно на запястьях и на сгибах локтей... и в горле. – Знаешь, Стефан, я уже приняла решение, – негромко продолжила она, не сводя с него пристальных глаз. – Я этого хочу.

Стефан с трудом сглотнул:

– Ты сама не знаешь, о чем просишь.

– А по-моему, знаю. Стефан, ведь ты уже рассказал мне, как это было у тебя с Катриной. Я хочу, чтобы у нас было так же. Правда, я не хочу, чтобы ты меня изменил. Но ведь мы можем немного поделиться кровью без того, чтобы это случилось, правда? Я знаю, – еще тише добавила она, – как сильно ты любил Катрину. Но ведь она ушла, а я здесь. И я люблю тебя, Стефан. Я хочу быть с тобой.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь! – Стефан стоял в напряженной позе, лицо его пылало гневом, а в глазах таилось страдание. – Если я один раз это себе позволю, что удержит

меня от того, чтобы навсегда тебя изменить? Или вообще убить? Пойми, Елена, эта страсть сильнее, чем ты можешь себе представить. Разве ты еще не осознала, кто я такой, на что я способен?

Елена стояла и молча на него смотрела, однако подбородок ее был гордо приподнят. Казалось, слова Стефана не на шутку ее разгневали.

– Разве того, что ты уже видела, недостаточно? – продолжал он. – Или мне следует показать тебе что-то еще? Можешь ли ты себе представить, что я способен с тобой сделать? – Стефан прошел к холодному камину и выхватил оттуда длинное и толстое полено. А затем одним движением переломил его, как тонкую лучину. – Представь, что это твои хрупкие кости! – прорычал он.

В другом конце комнаты лежала подушка с кровати. Подняв ее, Стефан одним взмахом острых ногтей оставил от шелковой наволочки одни клочья.

– Представь, что это твоя нежная кожа! – Затем Стефан со сверхъестественной быстротой метнулся к Елене.

Прежде чем она поняла, что происходит, он уже сжимал ее в крепких объятиях. Несколько секунд юноша смотрел Елене прямо в глаза, а затем так свирепо оскалил зубы, что от страха у нее встали волоски на спине.

Тот же самый оскал Елена видела на крыше. Белые зубы снова были обнажены, острые клыки достигли невероятной длины. Это были клыки хищной твари, охотника.

– Представь, что они входят в твою белую шейку, – не своим голосом проговорил Стефан.

Еще мгновение Елена стояла, словно парализованная, глядя прямо перед собой так, будто неведомая сила приговорила ее к этому леденящему кровь видению, но затем что-то в глубинах ее подсознания взяло свое. Из сдерживающего круга рук Стефана она потянулась вверх, ловя двумя ладонями его лицо. Оно оказалось на удивление прохладным. Елена так нежно его держала, как будто она желала ободрить Стефана, сделать так, чтобы он еще крепче обхватил ее голые плечи. И она видела, как лицо юноши постепенно заливает смущение, пока он ясно осознал, что она вовсе не собирается его отталкивать, не намерена от него отбиваться.

Елена подождала, пока смущение захлестнет Стефана, разбивая его агрессивно-пристальный взор и делая его взгляд почти умоляющим. Девушка точно знала, что на ее собственном лице выражается теперь бесстрашие, нежность и страстная напряженность. Губы ее чуть приоткрылись. Теперь оба они дышали быстро, в едином ритме. Елена почувствовала, как Стефан задрожал, охваченный тем же трепетом, что сотрясал его тело при мучительных воспоминаниях о Катрине, в моменты совершенно невыносимой боли. А затем, очень нежно и медленно, Елена притянула оскаленное лицо юноши к своим губам.

Стефан пытался ей сопротивляться. Однако нежность Елены оказалась сильнее всей его нечеловеческой Силы. Девушка закрыла глаза и отдалась мыслям о Стефане. Не обо всем том страшном, что она узнала в эту ночь, а о Стефане, который так нежно гладил ее по волосам, словно она могла сломаться в его руках. Подумав об этом, Елена нежно поцеловала хищный рот, который несколько минут назад так грубо ей угрожал.

И она почувствовала перемену, мягкую трансформацию его губ, пока Стефан ей поддавался, с ответной нежностью встречая ее поцелуи. Елена почувствовала, как дрожь проходит по телу Стефана, пока его руки на ее плечах ослабляли хватку, сменяя ее настоящим любовным объятием. Елена поняла, что победила.

Их нежные поцелуи прогоняли прочь весь страх, все одиночество и всю отчужденность, таившиеся внутри каждого из них. Елена чувствовала, как счастье вспыхивает в ней подобно летней молнии, а самое главное – она ясно ощущала ответную страсть в Стефане. Их обоих наполняла нежность столь всеобъемлющая, что это даже становилось пугающим. Не было никакой нужды в грубости или в спешке, пока Стефан аккуратно усаживал Елену на кровать.

Постепенно поцелуи становились все более настойчивыми, и Елена почувствовала, как летняя молния полыхает по всему ее телу, заряжая его, заставляя сердце колотиться и делая дыхание прерывистым. Из-за этого она испытывала странную слабость и легкое головокружение. Закрывая глаза, девочка чуть запрокинула голову.

«Пора, Стефан», – подумала Елена. И нежно, но настойчиво притянула его губы к своему горлу.

Она чувствовала легкое касание губ Стефана, ощущала его дыхание на своей шее, одновременно и теплое, и прохладное. Наконец последовал острый укол.

Но боль почти мгновенно угасла. Ее сменило чувство сильнейшего наслаждения, от которого Елена буквально затрепетала. Текучая нега наполнила ее тело, постепенно передаваясь и Стефану.

Наконец Елена поняла, что смотрит ему в лицо, в это лицо, которое уже не было скрыто за непроницаемой маской, не было окружено глухими стенами. И выражение этого лица вызвало у Елены приятную слабость.

– Ты мне доверяешь? – прошептал Стефан.

А когда Елена просто кивнула, он, так и не сводя с нее глаз, потянулся за чем-то лежащим рядом с кроватью. Вскоре у него в руке оказался кинжал. Елена без страха посмотрела на клинок, а затем опять сосредоточила взгляд на лице Стефана.

Юноша не отворачивался от нее, вынимая кинжал из ножен и делая небольшой надрез у себя на шее. Широко распахнутыми глазами Елена смотрела на кровь, яркую как барбарис. А когда Стефан притянул ее к себе, она даже не попыталась воспротивиться.

Потом они долгое время просто обнимали друг друга, слушая ночной концерт сверчков. Наконец, Стефан зашевелился.

– Как бы я хотел, чтобы ты смогла остаться здесь, – прошептал он. – Как бы я хотел, чтобы ты осталась здесь навсегда. Но это невозможно.

– Я знаю, – так же тихо отозвалась Елена.

Из глаза встретились в безмолвном согласии. Теперь, когда у них появилось столько причин быть вместе, хотелось так много сказать.

– До завтра, – выговорила Елена, а затем, прислоняясь к его плечу, прошептала: – Что бы ни случилось, Стефан, я буду с тобой. Скажи мне, что ты в это веришь.

Стефан зарылся лицом в ее волосы.

– Да, Елена, – приглушенно отозвался он, – я в это верю. Что бы ни случилось, мы будем вместе.

Глава 15

Стефан проводил Елену дома и поехал в лес.

Под мрачными облаками, среди которых не проглядывало ни единого лоскутка неба, он двигался по Старой Ручейной дороге к тому самому месту на опушке, где была припаркована его машина в первый день учебы в школе.

Оставив машину, Стефан по собственным следам вернулся на ту самую поляну, где он видел ворону. Инстинкт охотника очень ему помог. Встав на открытом месте среди древних дубов, юноша в точности припомнил форму того куста и тот узловатый корень.

Здесь. Здесь, под этим покрывалом грязно-коричневой листвы вполне могли остаться кости того кролика.

Переведя дух, чтобы хоть как-то себя успокоить, чтобы собрать воедино свои Силы, Стефан настойчиво бросил прощупывающую мысль.

И тут, впервые со дня его прибытия в Феллс-Черч, юноша почувствовал ответную вибрацию. Однако эта вибрация оказалась очень слабой, колеблющейся, и в пространстве ее зафиксировать не удалось.

Стефан вздохнул, огляделся по сторонам – вдруг застыл на месте.

Прямо перед ним, скрестив руки на груди и небрежно прислоняясь к самому могучему дубу, стоял Дамон. Создавалось такое впечатление, как будто он уже многие часы там находился.

– Итак, братец, – с тяжелым чувством в груди начал Стефан, – это правда. Давненько не виделись.

– Не так давненько, братец, как тебе кажется. – Стефан сразу же вспомнил этот голос, этот бархатный, ироничный тон. – Я многие годы за тобой следил, – спокойно признался Дамон. Кусочек коры со своей кожаной куртки он смахнул с такой же небрежностью, с какой прежде поправлял парчовые рукава. – Но ведь ты об этом даже не ведал, не так ли? Надо думать, твои

Силы так же ничтожны, как и раньше.

– Будь осторожен, Дамон, – негромко предупредил Стефан. – Сегодня ночью будь особенно осторожен. Я не стану долго тебя терпеть.

– Святой Стефан обиделся? Подумать только! Полагаю, ты расстроен из-за моих маленьких набегов на твою территорию. Но я совершал их лишь потому, что стремился быть как можно ближе к тебе. Братья должны быть близки.

– Сегодня вечером ты убил человека. И попытался заставить меня думать, будто это сделал я.

– А ты совершенно уверен, что этого не делал? Может статься, мы сделали это вместе. Будь осторожен! – резко предупредил Дамон, когда Стефан к нему шагнул. – Я сегодня тоже не в самом миролюбивом состоянии духа. И немудрено. Мне достался всего лишь хлипкий учитель истории, тогда как тебе – прекрасная девушка.

Ярость внутри у Стефана словно сфокусировалась в одну ярко горящую точку, подобную крошечному солнцу.

– Держись подальше от Елены, – прошептал он так угрожающе, что Дамон действительно чуть запрокинул голову. – Держись от нее подальше, Дамон. Я знаю, что ты за ней шпионил. Но это должно прекратиться. Только подойди к ней еще раз, и ты горько об этом пожалеешь.

– Ах, любезный братец, ты всегда был слишком эгоистичен. И вину за это ты уже несешь. Так ты теперь не желаешь ничем делиться? – Внезапно губы Дамона скривились в исключительно самодовольной улыбке. – К счастью, прекрасная Елена куда более щедра. Разве она не рассказывала тебе с той маленькой интрижке, которая между нами завязалась? Должен тебе сообщить, когда мы с ней встретились, она чуть мне прямо на месте не отдалась.

– Это ложь!

– О нет, дорогой братец, в важных вопросах я никогда не лгу. Или я хотел сказать – в незначительных? Так или иначе, твоя роскошная девица чуть было мне на шею не повесилась. Полагаю, ей нравятся люди в черном. – Когда Стефан, отчаянно стараясь совладать со своим дыханием, устремил взгляд на своего брата, Дамон почти нежно добавил: – Знаешь, насчет Елены ты заблуждаешься. Ты думаешь, она мягкая и послушная, как Катрина. Но она совсем не такая. Скажу тебе, мой святой братец, Елена совсем не твой типаж. В ней есть такой огненный дух, с которым ты просто не знаешь что делать.

– А ты, надо полагать, знаешь.

Дамон развел руками и опять медленно улыбнулся:

– О, да.

Стефану отчаянно хотелось на него наброситься, изуродовать эту прекрасную, надменную улыбку, разорвать Дамону горло. С трудом сдерживаясь, он произнес:

– Ты прав в одном. Елена сильная. Достаточно сильная, чтобы от тебя отбиться. И теперь, когда она знает, кто ты на самом деле такой, она от тебя отобьется. Ничего, кроме отвращения, она к тебе не испытывает.

Дамон с деланным удивлением поднял брови:

– Думаешь? Серьезно? Ну, это мы еще посмотрим. Возможно, Елена вдруг обнаружит, что Тьма ей больше по вкусу, чем слабые сумерки. Я, по крайней мере, не боюсь признать правду о своей подлинной природе. А ты, братец, выглядишь совсем слабеньким и недокормленным. Надо думать, Елена – большая любительница подразнить? А? Я угадал?

«Убей его, – вдруг потребовало что-то в голове у Стефана. – Убей его, сломай ему шею, порви его горло на кровавые лоскутки».

Но он знал, что Дамон сегодня вечером очень хорошо насытился. Темная аура его старшего брата пульсировала ровно и мощно. Дамона буквально переполняла жизненная сущность, которую он совсем недавно получил.

– Да, я сегодня прекрасно утолил жажду, – приятным голосом произнес Дамон, словно читая мысли Стефана. Затем он улыбнулся и пробежал языком по губам, явно наслаждаясь воспоминанием. – Да, солидными габаритами тот учителяшка не отличался, но в нем нашлось поразительное количество сока. Конечно, он не был так красив, как Елена, и так приятно не пах. Но, знаешь ли, всегда так восхитительно чувствовать, как в тебе поет новая кровь.

Дамон с чувством выдохнул, отступая от дерева и озираясь по сторонам. Стефан

мгновенно припомнил эти грациозные движения, точно выверенные жесты. Прошедшие столетия только отточили природную грацию Дамона.

– Именно поэтому мне так нравится это делать, – бросил Дамон, подходя к молодому деревцу в нескольких ярдах от древнего дуба.

Деревце было высотой в полтора его роста, и пальцы Дамона не сомкнулись вокруг плотного ствола, когда он его схватил. Последовал резкий выдох, рябь мышц под черной рубашкой, а затем Дамон легко вырвал молодое деревце из земли. Корни свободно повисли в воздухе. Стефан смог почуять резкий сырой запах потревоженной почвы.

– Мне все равно не нравилось, что оно там растет, – объяснил Дамон и отшвырнул деревце как можно дальше от себя. А затем обезоруживающе улыбнулся: – Ах, мне так нравится эта Сила!

Дальше последовало какое-то странное мерцание, после чего Дамон внезапно исчез. Стефан огляделся, но нигде его не увидел.

– Здесь, братец. – Голос донесся сверху.

Подняв взгляд, Стефан увидел Дамона восседающим на широких ветвях дуба. Последовало шуршание темно-желтой листвы, и он опять испарился.

– Здесь, братец. – Стефан резко развернулся, когда его похлопали по плечу. Но сзади никого не оказалось. – А теперь здесь. – Он опять развернулся. – Нет, попробуй здесь.

В ярости Стефан крутанулся как волчок, пытаясь схватить Дамона. Однако пальцы его схватили лишь воздух.

«Здесь, Стефан!»

На сей раз голос прозвучал у него в голове, и Сила этого голоса потрясла Стефана до глубины души. Потребовалось чудовищное усилие, чтобы сохранить ясность мыслей. Стефан опять развернулся, теперь уже медленно, и увидел Дамона в первоначальной позиции. Его старший брат стоял, опираясь о могучий дуб.

Но теперь в тех темных глазах уже не просматривалось ни намек на насмешку. Они были черными и бездонными, а губы Дамона вытянулись в тонкую струнку.

«Ну что, Стефан, какое доказательство тебе еще требуется? Я настолько же сильнее тебя, насколько ты сильнее жалких людишек. Я также быстрее тебя, и у меня есть другие Силы, о которых ты даже понятия не имеешь. Древние Силы, Стефан. И я не боюсь их использовать. Я стану использовать их против тебя».

– Так ты за этим сюда прибыл? Захотелось меня помучить?

«Я был милостив с тобой, братец. Много раз я мог беспрепятственно тебя прикончить, но я всегда щадил твою жизнь. Теперь, однако, все по-другому».

Отойдя от дерева, Дамон заговорил вслух:

– Предупреждаю, Стефан, не смей мне противодействовать. Не так важно, зачем я сюда прибыл. Теперь мне нужна Елена. Если ты попытаешься помешать мне овладеть ею, я тебя убью.

– Попробуй, – предложил Стефан.

Горячая точка гнева у него внутри пылала все ярче, изливая свое сияние подобно целой звездной галактике. Станным образом Стефан твердо знал, что эта точка угрожает кромешной тьме Дамона.

– Думаешь, я не могу этого сделать? Нет, младший братец, похоже, ты уже никогда ничему не научишься.

Стефану хватило времени заметить, как Дамон устало покачивает головой. А затем опять последовал какой-то всплеск движения, и юноша почувствовал, как его схватили сильные руки. Он начал бешено отбиваться, изо всех сил стараясь высвободиться. Но эти руки были словно из стали.

Стефан ожесточенно взмахнул кулаком, стараясь попасть Дамону в уязвимое место под нижней челюстью. Ничего хорошего это не принесло: его руки тут же оказались прижаты, тело обездвижено. Стефан был беспомощен как птичка в когтях ловкого и опытного кота.

На мгновение он обмяк, словно подчинившись, а затем внезапно напряг все свои мышцы, пытаясь вырваться на свободу и нанести удар. Жесткие руки только еще сильнее его сжали, делая всю борьбу жалкой и бесполезной.

«Ты всегда был упрям. Возможно, это тебя разубедит».

Стефан посмотрел в бледное как смерть лицо своего брата, заглянул в черные, совершенно бездонные глаза. А затем почувствовал, как стальные пальцы хватают его за волосы, запрокидывая голову и обнажая горло.

Стефан удвоил усилия, давая поистине бешеный отпор Дамону.

«Не трудись», – произнес голос у него в голове, а затем юноша ощутил острую боль, когда зубы впились ему в шею.

Стефан почувствовал унижение и беспомощность – теперь он, охотник, сам стал загнанной жертвой. Новая боль возникла, когда Дамон начал вытягивать из него кровь.

Отказавшись поддаться, Стефан сделал эту боль еще сильнее, а вместе с ней возникло ужасное чувство, как будто душу его вырывают из тела подобно тому молодому деревцу. Словно языки пламени лизали его плоть в той точке, где в нее погрузились зубы Дамона. Отголоски этой боли возникли сначала в щеке и скуле, а затем разбежались по груди. Стефан почувствовал сильнейшее головокружение и понял, что теряет сознание.

Тут руки вдруг отпустили его, и Стефан упал на землю, на ложе из влажных и прелых дубовых листьев. Затем, отчаянно хватая ртом воздух, поднялся на четвереньки.

– Вот видишь, младший братец, я сильнее тебя. Я достаточно силен, чтобы забрать и твою кровь, и твою жизнь, когда я только этого пожелаю. Оставь мне Елену, или я так и поступлю.

Стефан поднял глаза. Дамон стоял, чуть запрокинув голову и расставив ноги, – в позе победителя, попирающего поверженного противника. Его черные как ночь глаза пылали триумфом, а на губах алела кровь брата.

Ненависть переполнила Стефана – такая лютая ненависть, какой он еще никогда не испытывал. Казалось, прежняя неприязнь к Дамону была лишь каплей воды в этом бурном, пенящемся океане. Множество раз за прошедшие столетия Стефан сожалел о том, что он проделал со своим братом, и всей душой желал это изменить. Теперь ему лишь хотелось проделать это снова.

– Елена не твоя, – прохрипел Стефан, вставая на ноги и отчаянно пытаясь скрыть, каких усилий ему это стоило. – И она никогда не будет твоей. – Мучительно сосредоточиваясь на каждом шаге, аккуратно ставя одну ногу впереди другой, он побрел прочь.

Все тело Стефана болело, а стыд за собственное поражение изводил его сильнее физической боли. К его одежде прилипли влажные листики и комочки земли, но он их не стряхивал. Стефан изо всех сил старался двигаться дальше, преодолевая страшную слабость, от которой немело тело.

«Да, братец, ты уже никогда ничему не научишься».

Стефан даже не обернулся и не попытался ответить. Он лишь заскрипел зубами и продолжил из последних сил переставлять ноги. Еще один шаг. Еще один шаг. И еще один шаг.

Если б можно было хоть ненадолго присесть, отдохнуть...

Еще шаг, и еще. Машина должна быть где-то неподалеку. Листва шуршала под ногами у Стефана, а затем ему стало слышно, как листва шуршит и у него за спиной.

Стефан попытался развернуться, но рефлексy уже почти не работали. Со столь резким движением совладать не удалось. Тьма наполнила юношу, затопила и тело, и разум, а потом он начал падать. Он падал вечно – во мрак абсолютной ночи. Наконец, словно из милосердия, сознание от него ушло.

Глава 16

Елена спешила к средней школе имени Роберта Ли с таким чувством, будто она уже несколько лет там не была. Вчерашний вечер теперь казался событием из далекого детства, и она почти о нем не помнила. Однако Елена точно знала, что сегодня ей придется разбираться со всеми последствиями.

Прошлой ночью ей пришлось предстать пред светлыми очами тети Джудит. Тетя ужасно огорчилась, когда подруги Елены сообщили ей об убийстве. Однако еще больше ее расстроило то, что никто не мог сказать, где Елена. К тому времени, как Елена почти в два часа ночи, наконец, прибыла домой, тетя Джудит уже совсем извелась от тревоги.

И Елена ничего не сумела толком ей объяснить. Она смогла лишь сказать, что была со Стефаном, что знает об обвинениях, но не сомневается в его невиновности. А все остальное Елене пришлось держать при себе. Даже если бы тетя Джудит поверила, она никогда бы ее не поняла.

Утром Елена проспала и теперь опаздывала в школу. Улицы были совершенно безлюдны. В сером небе над головой поднимался ветер. Елене отчаянно хотелось увидеться со Стефаном. Всю ночь она видела кошмарные сны с его участием.

Один сон оказался в особенности реалистичным. В нем Елена увидела бледное лицо Стефана и гневное обвинение в его глазах. Он показал ей какую-то книжку и возмущенно спросил: «Как ты могла, Елена? Как ты могла?» Затем он бросил книжку ей под ноги и пошел прочь. Елена кричала ему вслед, умоляла, но Стефан так и ушел куда-то во тьму. Когда же Елена внимательно посмотрела на книжку, то узнала обложку темно-синего бархата. Это был ее дневник.

Трепет страха вновь охватил Елену, когда она вспомнила обстоятельства, при которых был похищен ее дневник. Но что означал тот сон? Что такого было в ее дневнике? Почему Стефан оказался так разгневан?

Этого Елена не знала. Она лишь знала, что ей непременно нужно увидеть Стефана, услышать его голос, ощутить его нежные объятия. Расставание с ним было подобно расставанию с собственной плотью.

Взлетев по ступенькам в здание школы, Елена побежала по почти пустым коридорам. Она направлялась к кабинету иностранных языков, зная, что первым уроком у Стефана должна быть латынь. Если она хоть ненадолго его увидит, с ней все будет в порядке.

Но Стефана в классе не оказалось. Сквозь маленькое окошечко в двери Елена увидела его пустое сиденье. Зато Мэтт там был, и при одном лишь взгляде на выражение его лица Елена перепугалась еще сильнее. Парень то и дело с каким-то странным подозрением поглядывал на стол Стефана.

Елена механически отошла от двери. Как автомат, она поднялась по лестнице и подошла к кабинету тригонометрии. Открыв дверь, она заметила, как все обернулись к ней, и торопливо скользнула на пустой стул рядом с Мередит.

Мисс Гальперн прервалась и внимательно посмотрела на Елену, но затем продолжила как ни в чем не бывало. Когда учительница снова повернулась к классной доске, Елена взглянула на Мередит.

Девушка дотронулась до ее руки.

– С тобой все хорошо? – прошептала она.

– Понятия не имею, – машинально ответила Елена. Ей казалось, что воздух в помещении душит ее, будто на нее навалилась какая-то страшная тяжесть. Пальцы Мередит были сухими и горячими. – Послушай, Мередит, ты не знаешь, что случилось со Стефаном?

– Хочешь сказать, что и ты этого не знаешь?

Глаза Мередит удивленно расширились, и Елена почувствовала, что груз становится непосильным. Словно она находилась на большой глубине без скафандра.

– Но ведь его... его же не арестовали, правда? – спросила Елена, буквально выдавливая из себя слова.

– Нет, Елена, все гораздо хуже. Стефан пропал. Рано утром полиция прибыла к пансионату, но его там не оказалось. Тогда полицейские заглянули в школу перед уроками, но Стефан и тут не появился. Они сказали, что нашли его машину около Старой Ручейной дороги. И тогда было решено, что Стефан ускользнул, сбежал из городка. А сделал он это потому, что виновен в убийстве Таннера.

– Это неправда, – сквозь зубы процедила Елена. Она видела, что чуть ли не все ученики поворачиваются и на нее смотрят, но ей было все равно. – Он невиновен!

– Я и не сомневалась, Елена, что ты так думаешь, но почему он тогда сбежал?

– Он не сбежал. Не сбежал. – Внутри у Елены уже разгорался огонь гнева, выталкивая всеподавляющий страх. Дышала она неровно. – Стефан никогда бы не покинул Феллс-Черч по собственной воле!

– Ты хочешь сказать, кто-то его вынудил? Но кто? Тайлер бы не осмелился...

– Хорошо, если просто вынудил, – перебила Елена. – Все могло быть еще хуже. – Весь класс теперь на них глазел, и мисс Гальперн уже собиралась высказать свое возмущение. Елена внезапно встала, оглядывая всех невидящими глазами. – Пусть поостережется, если он что-то сделал со Стефаном, – прорычала она. – Пусть поостережется! – Затем Елена резко развернулась и направилась к двери.

– Елена, вернись! Елена!

Позади слышались крики Мередит и мисс Гальперн. Но Елена шла все дальше и дальше, все быстрее и быстрее, глядя прямо перед собой. Теперь она сосредоточилась только на одном.

Итак, они думали, что она идет разбираться с Тайлером Смоллвудом. Отлично. Она выиграет время, пока они будут искать в ложном направлении. Елена твердо знала, что ей следует сделать.

Выйдя из школы, она окунулась в холодный осенний воздух. Елена двигалась быстро, буквально пожирая дистанцию между школой и Старой Ручейной дорогой. Оттуда она повернула к Плетеному мосту, держа путь на кладбище.

Ледяной ветер раздувал ее волосы и колол лицо маленькими иголочками. Дубовая листва кружилась в воздухе. Однако буйный пожар в сердце Елены отгонял прочь всякий холод. Теперь она точно знала, что такое всепоглощающая ярость. Прошагав мимо пурпурных буков и плакучих ив в самый центр старого кладбища, Елена лихорадочно огляделась.

В небе облака тянулись нескончаемой свинцово-серой рекой. Ветки дубов и буков истошно хлестали друг друга. Порывы ветра бросали шуршащие пригоршни листвы прямо в лицо. Казалось, что кладбище пытается прогнать Елену, будто оно показывает ей всю свою мощь, собираясь сотворить с ней нечто ужасное.

Но Елена холодно все это проигнорировала. Резко развернувшись, она направила свой горящий взор куда-то между надгробий. А затем дико прокричала прямо в очередной порыв неистовствующего ветра. Прокричала всего одно слово. И, тем не менее, Елена знала, что только оно может вернуть Стефана.

– Дамон!